

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
И ИСТОРИКО-МЕТОДИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ АН СССР
ПО РАЗРАБОТКЕ НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ

Л. Я. Бляхер, А. Т. Григорьян, Б. М. Кедров ,

В. И. Кузнецов, А. И. Купцов,

Б. В. Левшин, С. Р. Микулинский, Д. В. Ознобишин,

З. К. Соколовская (ученый секретарь), В. Н. Сокольский,

Ю. И. Соловьев, А. С. Федоров (зам. председателя),

И. А. Федосеев (зам. председателя),

Н. А. Фигуровский (зам. председателя), *А. П. Юшкевич,*

А. Л. Янин (председатель), М. Г. Ярошевский

С. А. Вardанян

**Амирдовлат
АМАСИАЦИ –
армянский
естествоиспытатель
и врач XV в.**

Ответственный редактор
член-корреспондент АН АрмССР
С. С. АРЕВШАТЯН

**МОСКВА
«НАУКА»**

1987

ББК 28.5 г
В 28
УДК 57.084.2

Рецензенты:

Г. В. АБГАРЯН, О. А. АЛЕКСАНДРОВСКАЯ

Варданян С. А.

В 28 Амирдовлат Амасиаци — армянский естествоиспытатель и врач XV в.. М.: Наука, 1987.— 160 с., ил.— (Серия «Научно-биографическая литература»)

Книга посвящена жизни и творчеству видного армянского естествоиспытателя и врача XV в. Амирдовлата Амасиаци. На основании изучения трудов ученого-энциклопедиста, неизвестных рукописных и архивных материалов, хранящихся в Матенадаране им. Маштоца и в зарубежных собраниях, прослежены малоизвестные страницы биографии ученого и раскрыта его разносторонняя научная деятельность ботаника, фармакогноста, врача, географа, филолога и лексикографа.

Книга рассчитана на ботаников, врачей, фармакологов, географов, востоковедов и всех читателей, интересующихся историей естествознания и медицины.

1602000000-190
В $\frac{054(02)-87}{28-87}$ НПЛ

ББК 28.5 г

Предисловие

Творчество видного армянского ученого-энциклопедиста и врача XV в. Амирдовлата Амасиаци явилось обобщением длительного исторического пути развития, пройденного естественными науками и медициной. В нем четко обозначились наиболее характерные черты, свойственные его времени, а также связь с прошлым и некоторые тенденции будущего, делающие великих людей минувших эпох нашими современниками.

Продолжая традиции известных философов, естествоиспытателей и врачей средневековой Армении — Езника Кохбаци, Давида Анахта, Анании Ширакаци, Григора Магистроса, Мхитара Гераци и др., он в своих трудах осветил ряд важных вопросов, стоявших перед естествознанием и медициной в эпоху Ренессанса. Предшественник Парацельса, Амасиаци в своей практической деятельности врача, фармаколога, ботаника и минералога превыше всего поставил опыт, бросив вызов ученым-схоластам.

Научное наследие Амирдовлата Амасиаци, будучи одной из ярких страниц средневековой армянской книжности, с конца XIX в. стало предметом пристального внимания со стороны крупных арменоведов — Г. Алишана, Г. Овнаняна, В. Торгомяна. В 1926 г. К. Басмаджян опубликовал в Вене энциклопедический труд Амасиаци «Неужное для неучей». Это была первая попытка составления критического текста книги на основании рукописей, хранящихся в зарубежных собраниях Вены, Парижа, Лондона, Константинополя и у частных лиц. В 1940 г. С. Малхасянц, взяв за основу списки Матенадарана им. Маштоца, издал в Ереване критический текст другого важного труда Ама-

сиаца — книги «Польза медицины». Жизнь и творчество армянского естествоиспытателя и врача нашли отражение в «Истории медицины в Армении» Л. А. Оганесяна и в ряде публикаций на армянском, русском и ипостранных языках.

В 80-х годах в связи с двойным юбилеем — 550-летием со дня рождения Амирдовлата Амасиаци и 500-летием книги «Непужное для пеучей» старшим научным сотрудником Матенадарана им. Маштоца кандидатом медицинских наук С. А. Вардамян был подготовлен комментированный перевод ее на русский язык. Настоящая книга является первым самостоятельным исследованием, посвященным жизни и творчеству Амирдовлата Амасиаци, в котором на основании изучения как уже опубликованных, так и неизвестных рукописных материалов сделана попытка дать оценку научному наследию средневекового армянского ученого в свете современных достижений естественных наук и медицины.

Краткий очерк истории естествознания и медицины средневековой Армении

Народная медицина Армении, накопившая огромную информацию о лечебных свойствах растений, животных и минералов родной природы, была фундаментом здания армянской классической медицины и естественных наук, тружеником и неутомимым зодчим которого являлся Амирдовлат Амасиаци.

По данным античных авторов, Армения в древности считалась родиной многих целебных растений. Ксенофонт в «Анабасисе» сообщает сведения о превосходных армянских винах, пиве, миндальном и кунжутном маслах, терпентине и душистых благовониях, которыми славилась Армения [1, с. 107—108]. В «Анналах» Тацита упоминаются «деревенские», т. е. народные, средства, которые использовались врачевателями Армении для лечения ран [2, т. 1, с. 246]. Античный ботаник Диоскорид, родом из Киликии, был прекрасно осведомлен о лекарственных растениях армянской флоры. «Самый лучший аромат, — пишет он, — армянский, золотистого цвета, с желтоватой древесиной и довольно приятным запахом» [3, с. 10]. По данным Плиния Старшего, из Армении вывозился ряд ценных камеденосных растений, в том числе знаменитый серпифей, или лазер (*Laserpitium* L.), высоко ценившийся римлянами [4, с. 445].

В сочинениях армянских историков содержатся сведения о развитии фитотерапии в древней Армении. Отец армянской историографии Мовсес Хоренаци (V в.) пишет в «Истории Армении», что царь Баларшак (II в. до н. э.) проводил ряд мер по оздоровлению болотистых районов Тайка и Кюга, создавая в тех краях лекарственные сады, в которых выращивались растения, встречающиеся в диком виде в ряде областей Армении [5, с. 81]. Об этом свидетельствует и другой армянский историк V в. Лазар Парбеци. «Там (в Айрарате), — пишет он, — находили корни различных растений, употребляемые согласно искусству и познани-

ям сведущих врачей в виде лекарств или быстро излечивающих болезни пластырей, которые восстанавливали здоровье больных, подолгу одержимых болезнями» [6, с. 26]. Дикорастущие растения культивировались также в лекарственных садах царя Арташеса II в Артамете (I в. до н. э.) [7, с. 53]. По преданию, понтийский царь Митридат, известный токсиколог древнего мира, готовил свой знаменитый тераiak из целебных трав армянской флоры [8, т. 1, с. 55].

Большой популярностью пользовались также лекарственные средства неорганического происхождения: армянская глина, армянский камень, бура, соединения ртути, железа, свинца и цинка, которыми изобиловали недра Армении. «Есть там (в Армении) и другие рудники, в том числе такие, где добывают так называемый сандик (киноварь), который называется армянской краской и похож на пурпур», — свидетельствует Страбон [9, с. 499].

В Рштунийских горах, на побережье оз. Ван, по данным известного армянского историка Павстоса Бузанда (V в.), находились богатые месторождения железа и свинца [10, с. 24]. Полученные из этих минералов препараты использовались для лечения кожных и глазных болезней, а также ран и опухолей. Ибн Сина высоко ценил лечебные свойства армянской глины, которую он называл также анийской по названию столицы царства Багратидов Ани, где паходились ее разработки. «Армянская, или анийская, глина удивительно действует на раны, — говорится в „Каноне“. — Она особенно помогает от чахоточных и моровых лихорадок. Многие уцелели [во время] великого мора, так как соблюдали [правило] пить [эту глину] в слабом вине» [11, кн. 2, с. 303].

Широко применялись в армянской народной медицине лекарственные средства животного происхождения (вытяжки половых желез, мозг, печень, желчь, селезенка, сыvороточная закваска рубцов желудка некоторых животных). Они использовались в качестве тонизирующих, стимулирующих и противосклеротических средств, а также противоядий. Из сокровищницы народной медицины черпали многие поколения армянских врачей и естествоиспытателей средневековья. Довольно большое число таких лекарственных средств упоминается в фармакогнозиях античных авторов, а позднее — в арабских источниках.

После создания в начале V в. армянского алфавита великим просветителем Месропом Маштоцем были заложены основы армянской книжности. Помимо переводов трудов античных авторов — Платона, Аристотеля, Гиппократ, Асклепиада, Демократеса, Галена, Орибазия и др., появились оригинальные произведения армянских ученых, в которых обсуждались вопросы естествознания и медицины. На формирование мировоззрения средневековых армянских естествоиспытателей и врачей благотворное влияние оказали сочинения античных ученых, переведенные на протяжении V—VII вв. представителями грекофильской переводческой школы [8, т. 1, с. 150—186; 12; 13]. В начале VIII в. видный армянский ученый Степанос Сюнеци в сотрудничестве с Давидом Ипатом перевел труд Немесия Эмесского «О природе человека» и книгу Григория Нисского «Взгляд на строение человека». Таким образом, в течение почти трех столетий в научных центрах Армении шла напряженная работа по творческому освоению наследия античной науки, под углом зрения которой анализировались и перерабатывались эмпирические данные естествознания и медицины.

Результаты ее явственно видны в полемическом сочинении армянского философа и естествоиспытателя V в. Езника Кохбацци «Опровержение ересей», в котором автор продемонстрировал глубокое знание гиппократовской медицины и античного учения о четырех кардинальных влагах. Как и Гиппократ, возникновение болезни он связывал с нарушением равновесия между кардинальными влагами под влиянием ряда неблагоприятных факторов как внешней, так и внутренней среды. Этим вредным факторам он придавал важное значение в происхождении нервных и психических заболеваний. Езник полагал, что последние обуславливаются естественными причинами, и в первую очередь истощением мозга. «При истощении мозга,— пишет он,— человек теряет сознание, разговаривает со стенами и борется с ветром. Поэтому врачи упорно настаивают на том, что нет дьяволов, входящих в тело человека, и что все эти состояния являются болезнями, которые они могут излечить» [14, с. 180]. Будучи родом из Айрарата, славившегося своими целебными травами, Езник Кохбацци прекрасно разбирался в вопросах лекарственной ботаники. По поводу дозировки и синергического эффекта лекарств он пишет: «Болиголов из-

вестен сам по себе как смертельно действующее в определенных условиях средство, применяемое врачами для лечения застарелых желчных болезней. Один вид растения молочая, взятый в отдельности, ядовит, а в смеси с другими лекарствами является средством против [болезней] желчи и спасает от смерти» [14, с. 67]. Таким образом, для него, как и для многих других средневековых армянских естествоиспытателей и врачей, было характерно стремление к опытному пути познания вопреки гнету схоластических теорий [8, т. 1, с. 125].

Проблемы естествознания и медицины живо интересовали знаменитого армянского философа Давида Анахта (V—VI вв.), получившего образование в одном из центров эллинистической науки — в Александрии. В своих трудах «Определения философии», «Анализ „Введения“ Порфирия», «Толкование „Аналитики“ Аристотеля» он рассматривал вопросы анатомии, физиологии, патологии, лекарствоведения, а также врачебной этики [15, с. 260; 16]. В «Определениях философии» он анализировал сильные и слабые стороны эмпирического метода. «Опытность, — пишет он, — есть общее знание, не основанное на знании причин, как это, например, бывает у многоопытных врачей, которые, зная множество лекарств, не знают причин их действия. Опытность есть также запоминание и неосознанное запечатлевание в человеке многократно и одинаково повторяющихся явлений. Так многоопытный врач применяет лекарства, запоминая и запечатлевая в себе их многократное и одинаковое действие» [15, с. 75]. У Давида Анахта можно найти одно из наиболее ранних свидетельств в армянской книжности о практике анатомических секций [15, с. 110]. Любопытно отметить, что вскрытие трупов и вивисекционный метод, практиковавшийся в античной Александрии, впоследствии нашли применение в медицинских школах — «бжшканоцах» средневековой Армении.

Глубокий интерес к проблемам естествознания и медицины обнаружил также выдающийся армянский ученый Анания Ширакаци (VII в.). В обширном своде наук — «Книжиконе», написанном им в 667 г., наряду с сочинениями по астрономии, математике, теории календаря и философии видное место принадлежало трудам по медицине [17]. Ширакаци был весьма сведущ в вопросах лекарственной ботаники. В одном из

рукописных сборников, в котором приводятся данные о целебных растениях, в том числе переступне (*Bryonia* L.) и амаспуре (*Lychnis* L.), есть указание, что Анания нашел амаспур в Дзогкерте (Айрат) и применял его с лечебной целью [18, л. 786]. Растение это, посвященное богине здоровья Асттик и некогда широко распространенное в Армении, к VII в. стало довольно большой редкостью и произрастало в труднодоступных местах [19, с. 356]. В дальнейшем оно, как и сильфий, было хищнически истреблено и исчезло из флоры Армянского нагорья.

Несмотря на временный упадок армянской культуры в VIII—IX вв., вызванный нашествием и владычеством арабов, с восстановлением армянской государственности и созданием независимого царства Багратидов (IX—XI вв.) появились условия для нового расцвета культурной жизни в Армении [20, с. 577—618]. Столица Багратидов Ани стала одним из мировых центров, где процветали науки, искусства и ремесла. В анийской, санаинской и ахпатской высших школах — средневековых академиях наряду с философией и естественными науками преподавалась медицина. Мировоззрение одного из замечательных мыслителей той эпохи Ованеса Саркавага (1045—1129) имеет много точек соприкосновения со взглядами представителей европейского Возрождения. «Исследователь должен быть всесторонне образованным и знающим, — пишет он. — Он должен [изучать] не только Священное писание, но и внешние светские науки. Хотя бы он полностью овладел ими и был искушен в них, все же без опыта познание не может быть точным. Только опыт является незыблемым и неоспоримым» [21, л. 250а; 22, с. 17]. Здесь армянский философ как бы предвосхищает известный тезис Роджера Бэкона: «Без собственного опыта невозможно достаточное познание».

В такой интеллектуальной среде протекала деятельность врача и философа Григора Магистроса, крупнейшего представителя анийской школы, современника Ибн Сины (ум. 1058). Превосходный знаток античной культуры, он был тесно связан с учеными как Армении, так и Византии, с многими из которых находился в переписке. В этих письмах нашли свое отражение научные интересы самого автора, нравы и обычаи той эпохи. Один из его корреспондентов, византийский врач Кириак, выступавший в Ани с чтением лекций о

деятельности органов пищеварения, в ходе диспута заявил, что ничто, выходящее за рамки узкой специальности, его не интересует. В письме Григора Магистроса вскрыта вся несостоятельность подобного одностороннего подхода и показана взаимообусловленность всех явлений в природе. В полемике с Кириаком армянский ученый обнаружил свою широкую эрудицию в вопросах естествознания и медицины и глубокое знание трудов античных натурфилософов и врачей. Судя по дошедшим до нас сведениям, Григор Магистрос был не только ученым теоретического склада, но и занимался практической врачебной деятельностью. В одном из своих писем он дал подробное описание клинической картины оспы, вопросам дифференциальной диагностики которой много внимания уделял Ибн Сина. Его интересовали причины лихорадок и методы их лечения, в частности фитотерапия. Из лекарственных растений Магистрос описал латук (*Lactuca virosa* L.), семена которого он рекомендовал при лихорадочных состояниях. «Семена его, смешанные с шафраном и приложенные ко лбу, уменьшают воспаление горячей раны, а многие из них,— писал он,— полезны не только при лихорадках» [23, с. 96].

В анийской школе были созданы оригинальные медицинские сочинения армянских авторов — так называемые «бжшкараны» (лечебники), в которых рассматривались также вопросы общепатологического характера. Особенно славился лечебник, написанный «во времена победоносного царя Гагика» (речь идет о царе Гагике I из династии анийских Багратидов, годы правления 990—1020), т. е. приблизительно в то же время, что и «Канон» Ибн Сины. К сожалению, мы не знаем имени автора этого замечательного труда. По некоторым данным, им мог быть Григор Магистрос [24]. Однако насыщенный эллинизмами, несколько приподнятый стиль сочинений последнего сильно отличается от неприязнительного, близкого к разговорному среднеармянского языка «Лечебника Гагика». Будучи скромным тружеником, благоговеющим перед светочами античной науки, он неохотно писал о себе. Лишь несколько раз в книге мы слышим его голос, голос человека, прекрасно знакомого с флорой и фауной Армении, а также бытовыми диетическими навыками своего народа. В главе «Относительно всевозможных видов животных и рыб» он приводит сведения о знаменитой

армянской форели, присовокупив: «Хотя о ней не упоминают [античные] мудрецы, но я, по собственному скудоумию, добавлю эти слова» [25, л. 56а]. В главе «О всевозможных видах злаков» он делает следующее замечание: «Хлеб, испеченный в тонире (земляная печь), вкуснее, чем испеченный в пекарне или каким-либо другим способом» [25, л. 48а]. Действительно, и поныне славится армянский национальный хлеб — лаваш, испеченный по древнему способу в тонире.

«Лечебник Гагика» представляет собой ценный труд, посвященный в основном вопросам лекарствоведения и диететики. В нескольких его главах рассматриваются также вопросы диагностики и прогностики в духе гиппократовских воззрений. Учение о четырех кардинальных влагах изложено в пространной главе «О природе человека», в которой приводятся обширные выдержки из сочинений Асклепиада и других античных авторов. Вопросы эмбриологии обсуждаются в специальной главе, названной «Как формируется ребенок в утробе матери», где приводится отрывок из не дошедшего до нас труда древнеримского врача Демократеса. Нередко эти главы «Лечебника Гагика», посвященные общепатологическим проблемам, встречаются отдельно в рукописных сборниках, что свидетельствует о большом интересе к ним в средневековых армянских академиях.

В разделе по лекарствоведению и диететике «Лечебника Гагика» автор сделал попытку обобщить опыт народной медицины в области фитотерапии под углом зрения Диоскорида, на которого он прямо ссылается в главе «О растениях и деревьях и их полезных свойствах». «Великий философ Диоскорид поведал нам, — пишет он, — о растениях и показал их полезные свойства» [25, л. 44а]. Тесная связь с сочинением античного фармаколога и ботаника ощущается также в главах: «О всевозможных видах растительных масел», «О всевозможных видах овощей и зелени», «О всевозможных видах пряностей», «О всевозможных видах благовоний», «О всевозможных видах злаков», «О всевозможных видах плодов».

Естественно возникает вопрос, существовал ли древнеармянский перевод труда Диоскорида «О лекарственных средствах» («Materia medica»). Ряд косвенных обстоятельств указывают на это. Так, ботаническая терминология в «Лечебнике Гагика» в основном

состоит из армянских слов, в тех же случаях, когда дается греческий термин, параллельно приводится армянское название, арабские же термины сравнительно редки. Таким образом, к X в. средневековые армянские ботаники и фармакогносты были хорошо знакомы с сочинением Диоскорида, освоили его терминологию, что могло иметь место в том случае, если они располагали армянским переводом «Materia medica», а не опосредованным арабским. Влияние арабо-персидской терминологии ощущается лишь в нескольких главах «Лечебника Гагика», посвященных лекарственным веществам сложного состава, изощренная технология изготовления которых была разработана в восточных фармакопеях — «ахрабадинах». Кроме того, имена восточных врачей, в том числе Ибн Сины, не упоминаются в этой древней анийской фармакогнозии, созданной в атмосфере эллинистических традиций, культивировавшихся в средневековых армянских академиях. Дальнейшая судьба «Лечебника Гагика» связана с киликийской школой, которая после гибели анийского царства Багратидов (1045) и некоторого спада культурной жизни в коренной Армении стала одним из важнейших центров врачебной науки и естествознания.

В Киликийском армянском царстве, просуществовавшем до конца XIV в., были созданы благоприятные условия для нового расцвета науки и искусства на основе традиций коренной Армении [26, с. 145]. В столице Рубенидов — Сисе и в резиденции армянских католикосов — Ромкле собрался цвет армянской интеллигенции: Нерсес Шнорали, Торос Рослин, Вардан Айгекци, Ваграм Рабуни, Мхитар Гераци и другие — поэты, художники, музыканты, философы и врачи, которые своими творениями способствовали возрождению армянской культуры. Большое внимание уделяли развитию практической медицины и естественных наук армянские цари из династии Рубенидов—Хетумидов. Царь Левон II (годы правления 1185—1219), его дочь царица Забел и царь Левон III (годы правления 1270—1289) основали больницы и приюты и щедро поддерживали их [8, т. 2, с. 179—186]. На базе этих больниц были созданы медицинские школы — «бжшканоцы», во главе которых стояли опытные врачи. Кроме того, в киликийских академиях, например в академии Нерсеса Ламбронаци, преподавались естественные науки и анатомия.

Прогрессу анатомии и физиологии здесь способствовало отсутствие в отношении вскрытия трупов государственного-церковных ограничений, которые препятствовали развитию этих наук в странах ислама и в средневековой Европе. Видный армянский ученый Ованес Ерзпикаци (XIII в.), который в 1281 г. приехал в Киликийскую Армению, где развернул свою научно-педагогическую деятельность, пишет: «Опытный и мудрый врач, получив в [свое распоряжение] какого-либо преступника, приговоренного к смерти, причиняя ему множество мучений и страданий, убивает его злой смертью, пока не изучит состояния органов, нервов, сосудов и внутренностей. Таким образом, ценою страданий, причиненных одному [человеку], он приносит пользу многим людям» [27]. Эти данные говорят о высоком уровне преподавания анатомии и физиологии в медицинских школах и академиях средневековой Армении.

Творческая деятельность классика средневековой армянской медицины Мхитара Гераци связана с киликийской школой. Как и многие одаренные юноши из коренной Армении, он устремился сюда, оставив родной город Гер (ныне г. Хой в Иране). Точная дата его рождения неизвестна. Однако на основании косвенных данных предполагают, что он родился в первой четверти XII в. [8, т. 2, с. 77]. Получив образование в одной из медицинских школ Киликийской Армении, Мхитар Гераци наряду с практической деятельностью много внимания уделял научным исследованиям, удостоившись ученой степени «бжшкапета» (магистра медицины).

В 60-х годах XII в. он завоевал широкое признание как опытный врач, естествоиспытатель и философ. Католикос Нерсес Шнорали посвятил ему свою философскую поэму «О небе и его светилах», написанную «по просьбе врача и астронома Мхитара» [28, с. 257]. За эти годы армянским бжшкапетом были созданы труды «Патология» и «Ахрабадин», посвященные вопросам анатомии, физиологии, патологии, клинической медицины и лекарствоведения. Сочинения Мхитара Гераци благодаря превратностям судьбы армянского народа были утеряны или же дошли до нас в виде фрагментов, включенных в книги его современников или более поздних авторов. Даже по сохранившимся отрывкам («О строении и сотворении глаз», «О пахо-

во-мошоночных грыжах и [болезнях] яичек», «О драгоценных камнях и их лечебных свойствах», «Точный и безошибочный показатель громов и землетрясений») можно судить о широте научных интересов Мхитара Гераци, врача и естествоиспытателя [8, т. 2, с. 129—138].

Большую научную ценность представляет собой фрагмент по анатомии глаза, входивший в его знаменитую «Патологию». Последняя была еще цела в 1625 г., когда известный врач Асар Себастиацци, редактируя «Анатомию» его современника Абусаида, дополнил раздел о строении глаза главами из вышеуказанного сочинения. Наряду с описанием строения глаза, его оболочек и влаг, их функции армянский бжшкапет уделил внимание патологическим процессам (трахома, кератит, глаукома, косоглазие). Гераци рекомендовал раннее применение лекарственной терапии при кератите с целью предотвращения распространения язвенного процесса, ведущего к слепоте. «Когда в ней (роговице), — пишет он, — появляется опухоль, то если она появляется в верхнем слое оболочки, то быстро созревает и быстро вскрывается, и рубец, который образуется в ней, будет нежен и не будет ослепительно белым и будет послушен лекарству. А если опухоль проникает во второй слой оболочки, то созревает позже и вскрывается позже, и рубец, который образуется в ней, будет плотнее, белого цвета и медленно поддается действию лекарств. А если опухоль находится в третьем [слое] оболочки, то созревает медленнее, и рубец, который в ней образуется, будет гуще и плотнее и ослепительно белого цвета и вовсе не поддается действию лекарств» [29, с. 92].

Мхитару Гераци принадлежит одно из ранних в армянской офтальмологии описаний трахомы. От его внимания не ускользнули патологические изменения конъюнктивы при этом заболевании, для лечения которых он рекомендовал также метод экспрессии фолликулов. «И так как она (конъюнктивa) представляет собой шероховатое тело, — пишет Гераци, — поэтому ее смело прокалывают и заботятся о жидкости, которая именуется *kaṁš* (воспалительной материей), и глаз открывается по воле бога» [29, с. 93]. Само название трахомы в греческом языке связано с понятием «шероховатый» — *trachys*. Мхитар Гераци внес большой вклад в развитие медико-биологической терминологии,

создавая на основе коренных армянских слов новые термины по образцу греко-латинских и арабо-персидских.

В 80-х годах XII в. армянский бжшкапет приступил к созданию главного труда своей жизни — книги «Утешение при лихорадках». Материалы для нее он собирал на протяжении многих лет, не только внимательно изучая произведения античных и арабских врачей, но и посещая заболоченные районы равнинной Киликии, где свирепствовали малярия и другие лихорадки, составлявшие патологию края. Известно, что жертвой лихорадок стали многие выдающиеся люди той эпохи, они оборвали жизнь друга и покровителя Мхитара Гераци — Нерсеса Шпорали [30]. Естественно, что эти исследования интересовали всех тех, кто заботился о благе страны, и в первую очередь преемника Нерсеса Шпорали, католикоса Григора Тга (годы правления 1173—1193), поэта и философа, которому армянский бжшкапет посвятил свой труд. «Я пожелал, насколько позволяют мои силы, написать эту книгу кратко, только о трех видах лихорадок, с прогнозом и лечением... — писал он в предисловии, — и назвали мы ее „Утешением при лихорадках“, так как она утешает врача увеличением познаний, а больного — излечением» [22, с. 68].

Справедливо полагая, что столь пужный его современникам труд должен быть доступен не только для узкого круга специалистов, Мхитар Гераци отказался от намерения написать его на древнеармянском языке (грабаре), а смело обратился к среднеармянскому — разговорному языку Киликийской Армении. Тем самым «великий Мхитар», как называли его многие поколения армянских врачей, стал на путь демократизации науки. «Утешение при лихорадках» появилось в знаменательном 1184 г., когда в коренной Армении другой Мхитар — Гош создал свой знаменитый «Судебник». Оба эти труда, написанные учеными-гуманистами, оказали огромное влияние на прогрессивную мысль своего времени.

Книга «Утешение при лихорадках» посвящена вопросам этиологии, патогенеза, клинической симптоматики, классификации и лечения инфекционно-аллергических болезней. Исходя из особенностей этиопатогенеза и клиники, автор подразделил лихорадки на три группы: «однодневные», «изнурительные» и «плесне-

вые». Под «однодневными» он описал ряд лихорадочных болезней, возникающих от действия на душу, или жизненную пневму, различных вредных факторов: печали, горестей, забот, бессонницы, переутомления, жары, холода, купания в серной или квасцовой воде, недоедания либо переедания. Клиническая картина «однодневных» лихорадок, по Мхитару Гераци, характеризуется летучим характером, наличием жара, кожных явлений (краснота, отек, иногда сыпь), изменением цвета мочи, учащением пульса. Анализируя эту группу лихорадок под углом зрения современных представлений, можно сделать вывод, что здесь средневековый бжшкапет описал некоторые формы аллергических болезней (физические, химические, пищевые и нервно-психические аллергии).

В группу «изнурительных» лихорадок Мхитар Гераци включил различные формы туберкулеза: легочную, костно-суставную, кишечную. Причины, вызывающие эти заболевания,— все те же неблагоприятные внешние и внутренние факторы, однако благодаря своему продолжительному воздействию они не только поражают пневму, как при «однодневных» лихорадках, а проникают в плотные части организма (кости, суставы) и внутренние органы. Нельзя не отметить, что средневековый бжшкапет, обративший внимание на связь между «однодневными» и «изнурительными» лихорадками, в какой-то мере уловил значение аллергических реакций в течении туберкулезного процесса.

Самую большую группу в классификации Мхитара Гераци составляли так называемые «плесневые» лихорадки, т. е. болезни, возникающие вследствие проникновения «плесневого» фактора в кардинальные влаги тела: кровь, желтую и черную желчь и слизь. Сюда входили различные формы малярии (трехдневная, четырехдневная), сыпной и брюшной тифы, оспа, корь, рожа, флегмона. В вопросе происхождения «плесневых» лихорадок армянский бжшкапет отошел от традиционных воззрений средневековой науки.

В античной медицине лихорадочные болезни подразделялись на две большие группы: «однодневные» и «гнилостные». «Изнурительные» входили в последнюю группу. Эта классификация Галена впоследствии была принята Ибн Синой, который считал, что в основе гнилостных лихорадок лежит процесс гниения. «Гнилостность возникает,— говорится в 4-й книге „Канона“,—

от плохих питательных веществ, когда то, что из них рождается, предрасположено к загниванию из-за плохого качества своей субстанции или способности быстро подвергаться порче... Могут быть причиной гнилостной лихорадки и обстоятельства внешние, как, например, воздух моровой, воздух низин и болот» [11, кн. 4, с. 35].

Гераци в главе «Об уходе и лечении синохальной лихорадки, которая возникает от крови и делится на три вида», рассматривая причины «плесневения», ссылается на Ибн Сину: «Сын Сины приводил те же причины [лихорадок], а именно, что причина плесневения крови зависит от полнокровия или закупорки вен или от длительной ходьбы и сильных телодвижений» [22, с. 138]. Но в вышеуказанной главе «Канона», посвященной «Лихорадке крови», нет никакого упоминания о плесневении. Здесь Ибн Сина допускал лишь мысль, что причиной лихорадок крови может быть не только гнилостный процесс, но и брожение. «А теперь скажем,— пишет он,— что лихорадка крови — это [в сущности] две лихорадки: лихорадка от гниения и лихорадка от нагревания и брожения ... Она принадлежит к числу лихорадок, стоящих между гнилостными и однодневными, и отличается от однодневных лихорадок по той причине, что первыми при ней разогреваются соки, а от гнилостных лихорадок она отличается тем, что при ней нет гнилостности» [11, кн. 4, с. 80]. Таким образом, автор «Канона» допускал возможность существования и других факторов, кроме гнилостного, которую впоследствии развил Мхитар Гераци, выдвинув гипотезу о «плесневом» начале. «Остается объективным и неоспоримым фактом,— пишет видный историк армянской медицины Л. А. Оганесян,— что ни один из врачей добактериологической эры не употребил для обозначения инфекционного процесса термина, столь близко стоящего кистине, как это сделал Мхитар Гераци» [8, т. 2, с. 121]. Эти представления были в дальнейшем развиты в трудах средневековых армянских естествоиспытателей и врачей, в том числе и Амирдовлата Амасиаци.

Достоин внимания и другое важное обстоятельство. Армянский бжшкапет придавал значение «плесневому» фактору в этиологии не только инфекционных заболеваний, но также и злокачественных опухолей. В книге «Утешение при лихорадках» он пишет: «Если

черная желчь плесневеет в одной части тела, т. е. в одном органе, тогда возникает та болезнь, которую [арабы] называют саратан, а греки — каркинос, что означает рак» [22, с. 180]. В свете современных представлений о вирусном происхождении некоторых видов опухолей человека и животных взгляды Гераци заслуживают внимания.

Небезынтересно отметить, что армянскому бжшкапету был известен также контагиозный характер «плесневых» лихорадок, и он предостерегал окружающих от соприкосновения с больными. Заражение, по его мнению, может передаваться и через больных животных. Назначая при «изнурительной» лихорадке ослиное молоко, он предупреждал: «Знай, что ослица должна быть белая, здоровая и свободная от всякого рода болезней» [22, с. 109].

В системе лекарственного лечения, разработанной армянским бжшкапетом, главное место принадлежало фитотерапии. Среди лекарственных растений, рекомендованных им, на первый план выступают виды, наделенные противоаллергическими, противовоспалительными и антибактериальными свойствами. В сложных прописях книги «Утешение при лихорадках» фигурируют ромашка, майоран, кувшинка, фиалка, ирис, коровяк, иссоп, девясил, полынь, подорожник, воловик, солодка, безвременник, каперцы, мята, чебрец, якорцы и другие дикие и культурные растения флоры Армении. Последние назначались для внутреннего пользования в виде отваров, настоев, пилюль, порошков, таблеток, кашек, сиропов, а также для наружного применения в виде мазей, припарок и пластырей. Масла фиалки, розы, кувшинки, лилии и ромашки использовались для растираний, настои их рекомендовались для ингаляций, а также для умываний и ванн.

Мхитар Гераци уделял большое внимание лечебному питанию. Больным «однодневной» лихорадкой он назначал легкую и умеренную пищу, например мясо цыпленка, перепелки и фазана, сваренное с легкими приправами, сок кислого и сладкого граната, похлебку из тыквы с соком незрелого винограда, зажаренную на миндальном масле свежую рыбу и т. д. Он советовал больным чахоткой пить козье и овечье молоко, коровье пахтанье, употреблять в пищу вареный портулак, тыкву, лебеду, фасоль на миндальном масле, яблочный, айвовый и гранатовый соки. Ослабленным больным

прописывались особым образом приготовленный мясной сок, цыплята, свежая форель.

Большое значение придавал Гераци психотерапевтическим методам лечения, особенно в отношении «однодневных» лихорадок, которые возникли «от забот и горестей». «Лечение ее такое,— пишет он,— развлечения [больного] играми и шутками и всякими мерами доставь ему радость. Пусть возможно больше слушает гусанов, звуки струн и приятных мелодий. Пусть занимается такими делами, которые доставляют ему внутреннюю радость» [22, с. 87]. Система психотерапевтического воздействия Гераци, в том числе и лечение музыкой, заимствованное им из арсенала народного врачевания, содержит в себе рациональное зерно.

Все это позволяет поставить армянского бжшкяпета, который творчески переработал данные народной медицины Армении и выдвинул смелые гипотезы о происхождении инфекционно-аллергических болезней и злокачественных опухолей, в первые ряды представителей средневековой науки. Один из наиболее глубоких исследователей творчества Гераци — Эрнст Зайдель дал ему высокую оценку. «Когда мы сопоставляем без предубеждения,— пишет он,— вышедшую несколькими десятилетиями ранее „Физику“ Гильдегарды с произведением нашего армянского мастера, то мы должны решительно предоставить последнему пальму первенства за основательное знание природы, последовательное самостоятельное мышление и полную свободу от схоластической кабалы» [31, с. IV].

Наиболее древний, датируемый 1279 г., список книги «Утешение при лихорадках» хранится в Матенадаране им. Маштоца. Экземпляр, принадлежащий Парижской национальной библиотеке, относится к более позднему периоду (XVII в.). Текст его был издан в 1832 г. венецианскими мхитаристами, а в 1907 г. блестяще переведен Эрнстом Зайделем на немецкий язык и удостоен Пушмаповской премии. Важным этапом в истории мхитароведения стал перевод на русский язык книги «Утешение при лихорадках», выполненный группой историков армянской медицины под руководством Л. А. Оганесяна в 1955 г. Помимо двух рукописных списков, содержащих полный текст труда Мхитара Гераци, имеется также его краткая редакция, включенная в «Лечебник Гагика». Таким образом, судьба книги «Утешение при лихорадках» тесно пере-

плелась с этим прославленным лечебником средневековья.

Здесь нам придется снова вернуться к сочинению, которое, по меткому выражению В. Торгомяна, является «патриархом нашей медицинской литературы». Теми же путями, которые вели гонимых армян из коренной Армении в Киликию, попал сюда из Ани «Лечебник Гагика». Здесь он был отредактирован и дополнен двумя новыми разделами: краткой редакцией «Утешения при лихорадках» и «Лечебником» анонимного автора и получил название «Лечебника Гагика—Хетума». Когда это произошло и по чьей инициативе? На это проливают свет памятные записи манускриптов, хранящихся в библиотеках армянского патриархата в Иерусалиме и венецианских мхитаристов [25]. В них упоминается имя Хетума, однако в иерусалимском списке он именуется «Хетумом себастом» (титул крупных армянских феодалов Киликии), «сыном Ошина», тогда как в венецианском говорится о «муже, принадлежащем к царскому роду, владельце Корикоса, великом себасте». Эти различия в титулах двух Хетумов позволяют сделать предположение, что речь шла о двух разных представителях рода Хетумидов. Хетум, упоминаемый в иерусалимском списке,— это старший брат известного средневекового ученого Нерсеса Ламбронаци [32]. Современник Мхитара Гераци, он в 1175 г. стал себастом после смерти своего отца Ошина и правил Ламброном вплоть до 1201 г., когда за непокорность Левону II был лишен им родового имени и принял монашество под именем Хеги. Он не только был заказчиком рукописи, но принимал более активное участие в ее редактировании. Эту работу он мог выполнить не ранее 1184 г., когда был написан труд Мхитара Гераци, но и не позднее 1201 г., ибо еще имелся себастом.

Таким образом, «Лечебник Гагика» был отредактирован еще при жизни Мхитара Гераци, причем редактор включил в него 30 глав книги «Утешение при лихорадках», посвященных «изнурительным» и «плесневым» лихорадкам, выпустив начальные 16 глав об «однодневных» лихорадках. Будучи сам сведущ во врачебном искусстве, он понимал, что «однодневные» лихорадки довольно сильно отличаются от «изнурительных» и «плесневых», которым присущ контагиозный характер, и счел возможным выпустить их.

Что касается личности второго Хетума, то его титулы «великого себаста, владельца Корикоса» и указание на принадлежность к царскому роду говорят о том, что здесь имелся в виду историк Хетум, родственник царя Хетума (кстати, и этот Хетум принял монашество, уйдя в 1305 г. в монастырь на Кипре) [33, с. 667—674]. Таким образом, через 100 лет после составления «Лечебника Гагика—Хетума» Хетумом Ламбронати другой представитель рода Хетумидов, историк Хетум, не удовлетворенный состоянием бумажной рукописи, повелел старцу Варду Мртишеци вновь переписать на пергаменте эту книгу. Тем самым он оказал большую услугу средневековой армянской медицине, способствовав сохранению одного из ее шедевров.

Большой интерес представляет третья часть «Лечебника Гагика—Хетума», в которой разбираются вопросы этиопатогенеза, клиники и лечения всех известных в то время болезней. Нет сомнений, что она была создана уже в киликийской медицинской школе, ибо в отличие от первой части, написанной в анийский период и отмеченной чертами влияния античной науки, содержит ссылки не только на Гиппократ, Аристотеля, Галена, но и на ар-Рази, Ибн Сину и других восточных авторов. В целом «Лечебник Гагика—Хетума» можно назвать энциклопедией средневековой армянской медицины и естествознания. Воплещенные в него произведения как бы восполнили утрату «Патологии» и «Ахрабадина» Гераца, а посему существовала даже версия, что их автором является сам великий бжшкпет [34].

«Лечебник Гагика—Хетума», следы которого ощущаются в специальных трудах как по лекарствоведению, так и по клинической медицине, оказал большое влияние на развитие средневековой армянской медицины. Так, в медицинском сборнике № 8382, хранящемся в Матенадаране им. Маштоца, содержатся четыре лечебника анонимных авторов, датируемые XIV в., из которых первый и четвертый имеют разделы по лекарствоведению, написанные под несомненным влиянием «Лечебника Гагика—Хетума» [35].

Нередко и более поздние авторы включали в свои труды в переработанном виде главы из древнего лечебника. Например, в «Лечебнике врача Ованеса», написанном в 1438 г., имеется 39 глав по лекарствоведе-

цию, прогностике и клипической медицине из «Лечебника Гагика—Хетума» [35]. Таким образом, еще за 20 лет до появления трудов Амирдовлата Амасиаци авторитет этого сочинения был настолько велик, что средневековые армянские врачи и естествоиспытатели наряду с описанием собственных наблюдений охотно заимствовали из него данные, касающиеся лекарственных средств и способов лечения.

Одновременно с этими лечебниками, в которых сведения о простых и сложных лекарственных средствах еще не были разграничены, начиная с XII в. в Армении появляются сочинения, посвященные только простым или сложным лекарствам и соответствующие восточным «муфрадатам» и «ахрабадинам». Параллельно с этим шел процесс выделения трудов по клипической медицине. Подобная тенденция ярко проявилась в творчестве «великого Мхитара» (его «Ахрабадин» и «Патология» пример тому). Такой же путь избрал и его последователь Григорис из киликийской школы (XIII в.). В книге «Апализ природы человека и его недугов» на материале собственных наблюдений он исследовал вопросы этиопатогенеза, клипической симптоматиологии и прогностики, подробно останавливаясь на описании лихорадок и внутренних болезней. Классификация лихорадок у Григориса в основном совпадает с мхитаровской. Рассматривая «плесневой» фактор в духе Гераци, он пытался установить природу этого болезнетворного пачала, а также условия, способствующие его активизации. Григорис пишет: «Причин заплесневения влаг пять: их избыток, густота и однородность, и загрязнение сосудов, и нарушение их дыхания вследствие загрязнения» [36, с. 16]. Гипотезу о «плесневом» начале Григорис распространил не только на группу «изнурительных» лихорадок, но и на болезни глаз и внутренних органов. Продолжая изучать вопрос о заразном характере «плесневых» лихорадок, он писал о туберкулезе: «Недуг этот поражает тех, кто приближается к больному, особенно если время летнее и помещение тесное» [36, с. 114]. Как и Мхитар Гераци, Григорис объяснял происхождение опухолей действием «плесневого» фактора. Однако сущность опухолевого процесса проанализирована им значительно обстоятельнее, чем в книге «Утешение при лихорадках».

От пытливого взора ученого не укрылись не только

факторы, способствующие возникновению опухолей (химические и физические агенты, психическая травма), но и особенности их клинического течения, сопровождающегося на поздних стадиях явлениями изъязвления и общего воздействия на организм. Григорис описал клиническую картину злокачественных опухолей глаза, пищевода, желудочно-кишечного тракта, печени и матки. Относительно злокачественной опухоли матки типа «сикаррос» он писал, что для нее характерным является быстрый рост опухоли, приводящий к смещению органов брюшной полости, появление асцита, болей в отдаленных органах, особенно в конечностях, и параличей. Столь же обстоятельно описана Григорисом картина злокачественной опухоли глаза, причем наряду с местными симптомами подмечены и явления метастазирования. «Когда этот недуг поражает эту оболочку [глаза], — пишет он, — то глаз болит, и краснеет, и зудит, и [боль] отдается в висках, особенно при движениях. И этот недуг сопровождается головной болью и тошнотой» [36, с. 80].

Григорис развил и другое положение Геракли — о необходимости изучения анатомического субстрата болезни, явившись, таким образом, провозвестником патолого-анатомических исследований в средневековой армянской медицине. Описания болезней легких, сердца, желудка в книге «Анализ природы человека и его недугов» говорит о том, что ее автор пользовался в ряде случаев материалом посмертных вскрытий. При туберкулезе легких он описал «узелки», «язвы», а также так пазываемые «камни», которые соответствуют понятию о туберкулезных узелках, инфильтратах, кавернах и очагах обызвествления в современной медицине. Большой интерес представляют описания патологических очагов в легких при абсцессах и эхинококке. В целом Григорис проявил себя как пытливый врач и естествоиспытатель, поднявший клипическую медицину на более высокую ступень, чем его предшественники.

В том же рукописном сборнике, где находится книга «Анализ природы человека и его недугов» имеется «Ахрабадин», относительно которого историк армянской медицины А. С. Кдоян писал, что, несмотря на некоторые различия в языке и терминологии этих трудов, последний также принадлежит перу Григориса [36, с. XXII]. Он же отметил и другое различие меж-

ду этими сочинениями: если в первом из них цитируются только античные источники (Гиппократ, Гален, Диоскорид и др.), то в «Ахрабадине» имеется множество ссылок на восточные фармакопеи и особенно «Канон» Ибн Сины. Последнее вовсе не удивительно, ибо средневековые армянские «Ахрабадины» несомненно следовали восточной традиции. В двадцати главах этого сочинения дается описание сложных лекарственных смесей и способов их приготовления. Хотя некоторые прописи «Ахрабадина» встречаются и в «Лечебнике Гагика—Хетума»; например лепешки из листьев волчегородника, айвовый сироп и др. [37, л. 186], но в целом они существенно различаются. Автор «Ахрабадина», разумеется, был знаком с прославленным арийским лекарствоведением, но, следуя примеру Мхитара Гераца и традициям киликийской школы, отдельно описал сложные лекарственные средства, присовокупив свой опыт в этой области к данным авторитетных источников.

Получив в наследство от средневековых армянских врачей и естествоиспытателей, живших до него и занимавшихся вопросами лекарствоведения, множество трудов, Амирдовлат Амасиаци критически пересмотрел их, выбрав для себя нелегкий путь самостоятельных поисков, которым шел «великий Мхитар» и его ученики.

Жизнь и творчество Амирдовлата Амасиаци

XV век, эпоха, в которую жил и творил Амирдовлат Амасиаци,—одна из самых мрачных в истории армянского народа. Предыдущий век припес также немало тяжелых потерь, и в первую очередь уничтожение армянской государственности и падение Киликийского армянского царства (1375). Не успела еще страна залечить рапы, нанесенные пагубным полчищем Тимура (1386—1387, 1396, 1399—1403), как стала аренной соперничества между двумя воинственными племенами туркмен: Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу («Черные бараны» и «Белые бараны»). В эту борьбу со второй половины XV в. включилась и Османская Турция, к тому времени оправившаяся после бесславного поражения при Анкаре (1402). Длившееся свыше полувека (1410—1468) господство кочевого племени

Кара-Коюнлу над армянскими землями сменилось владычеством «Белых баранов» — Ак-Коюнлу, вождь которых Узун-Гасан безуспешно пытался сдерживать натиск усилившейся османской державы, вступив в противоосманскую лигу европейских государств [38, с. 49]. Поход Узун-Гасана в Турцию начался в 1472 г., когда сотысячная армия Ак-Коюнлу, разорив древний армянский город Ерзнка, вступила в Тохат, а затем в Караманию. Но ответный удар Мухаммеда II Фатиха («Победителя») не заставил себя ждать. Война завершилась полным разгромом Узуна-Гасана в 1473 г.

Эти бесконечные войны вконец разорили экономику страны, и без того подорванную тяжелым бременем налогов, которыми облагали население вожди кочевых племен. Начался голод и массовый мор. К этому следует прибавить, что все, что еще не успели унести вооруженные полчища грабителей, становилось жертвой ненасытной саранчи, которая с 1419 г. стала регулярно посещать многие области Армении. Немудрено, что среди вконец отчаявшихся людей стали возникать пророчества об ожидающемся «конце света» [39]. Горестная картина народных бедствий с потрясающей силой описана в сочинениях историков, летописцев и поэтов той эпохи: Товмы Мецопеци, Григора Хлатеци, Аракела Сюнеци, Аракела Багинеци, Мкртича Нагаша, в памятных записях армянских рукописей, в народных песнях и плачах, в которых все чаще начинает звучать скорбная «песня странника», стон тысяч людей, насильственно согоняемых со своих исконных земель или вынужденных добровольно покинуть родину и искать счастья в чужих краях [38, с. 491—492, 517—525].

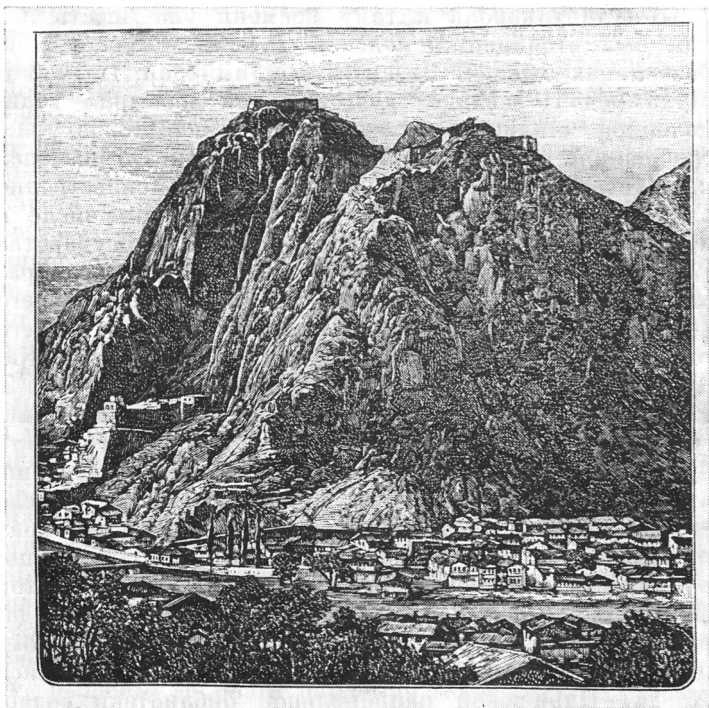
«Несмотря на такое тяжелое положение,— пишет Л. А. Оганесян,— все же кое-где за крепкими монастырскими стенами сохранились бледные очаги свободной творческой мысли. Даже в самые мрачные эпохи царившего кругом произвола и невежества непрерывность культурной традиции все же не обрывалась» [8, т. 3, с. 1]. При этих монастырских центрах продолжал действовать ряд средневековых академий, и в первую очередь Татевская высшая школа, выдающиеся деятели которой Иоанн Воротнеци, Григор Татеваци и их ученики в своих сочинениях продолжали разрабатывать проблемы философии, естествознания и меди-

цины в духе античной науки, нередко пытаюсь самостоятельно развить ряд новых положений. Философский номинализм и сенсуализм, характерные для мировоззрения этих ученых, дали им возможность, отказавшись от схоластических рассуждений, перейти к постижению истины опытом [38, с. 474]. Особенно ярко такая тенденция проявилась у Григора Татеваци (1346—1409), пытливый ум которого дерзнул перешагнуть препоны средневековой схоластики в папишапной им знаменитой «Книге вопросов», а также у его ученика Матевоса Джугаеци, вслед за своим учителем рассматривавшего гипотезу об эволюционном развитии животного мира [39]. Большую творческую активность в те тяжелые времена проявили также представители Себастьянской врачебной школы в Малой Армении, имевшей тесные контакты с соседними армянскими центрами в Тохате, Марзване и Амасии. С этой школой и ее традициями связаны первые шаги в науке Амирдовлата Амасиаци, а в дальнейшем — дело сохранения, изучения и редактирования его трудов [8, т. 3, с. 113—126].

В армянской книжности часто упоминается родина Амасиаци — древний город Амасия, некогда столица Понтийского царства, а при Юстиниане — Второй Армении. В 1064 г. город перешел во владение царя Гагика из династии карсских Багратидов. К XV в. Амасия хотя и утратила в значительной степени свой блеск, но продолжала оставаться центром довольно обширной области Османской Турции. Вплоть до кровавых событий армянского геноцида 1915 г. здесь проживало несколько десятков тысяч армян, действовали армянские школы, больницы, церкви [40, с. 42; 41, с. 39—67; 42, с. 55—57, 309—332].

К концу 20-х годов¹ XV в. в Амасии в семье армянина Егии родился будущий армянский бжшкапет. Не сохранилось сведений о его первых шагах в науке, а также о его учителях-наставниках, хотя недостатка в последних не было как в самой Амасии, так и осо-

¹ Так как точная дата рождения Амирдовлата Амасиаци неизвестна, одни ученые приурочивают ее к 1414—1419 гг. (С. Малхасянц), другие — к 1420—1425 гг. (Л. А. Оганесян). Однако, принимая во внимание, что первый труд Амасиаци был написан в 1459 г., когда ему не могло быть больше 30 лет, нам представляется более вероятным, что он родился в конце 20-х или даже в начале 30-х годов XV в.

Родина Амирдовлата Амасиаци — г. Амасия

бенно в соседней Себастии, откуда вышли известные армянские врачебные династии Экимянов и Асарянов. Мы никогда не узнаем, что заставило юношу покинуть родину: военные ли события этой бурной эпохи, политика пасильственных переселений или жажда знаний, которая в свое время обуревала и юного Мхитара из города Гер. К концу 50-х годов, проделав немалый путь, он очутился волей судеб в Константинополе. «И потом мы отправились путешествовать по многим городам (Армении и Ирана), — пишет он, — а затем пересекли море и объездили Македонию, и обосновались в столице Константинополе» [43, с. 3]. Здесь он завершил свое образование под руководством опытных врачей, получив ученую степень «бжшкапета» и в 1459 г. создав свой первый труд «Учение медицины», написанный по просьбе некого Варда, сына Шади-бека.

Константинополь к тому времени уже шесть лет как был столицей Османской Турции, выросшей на развалинах бывшей Византийской империи. В 1453 г. Мухаммед II завладел долгожданной добычей — великолепной столицей византийских императоров, разграбленной и совершенно обезлюдившей. Он пытался восстановить ее былое величие, насильственно сгоняя сюда ремесленников-христиан, в том числе и армян, со всех концов своего обширного государства [38, с. 301]. Историки рисуют противоречивый образ этого жестокого деспота, ни во что не ставившего человеческую жизнь, но в то же время пишут о его государственном уме, создании свода законов «Канун-намэ», покровительстве искусству [44, т. 3, с. 325—335]. Он окружил себя поэтами и философами, сам пробовал свои силы в поэзии. Детство и юность будущего султана прошли в Амасии. Неудивительно, что, когда он обосновался в Константинополе, в число его приближенных попал и молодой армянский врач из Амасии, к тому времени завоевавший большую популярность в столице как искусный целитель, знаток астрономии и философии, наделенный поэтическим даром. Мухаммед II сделал его своим главным хирургом-окулистом — «чарах-паши раматанин»². В рукописи № 247 Парижской национальной библиотеки содержится труд Амасиаци «О признаках болезни, [предсказывающих] выздоровление или смерть», в памятной записи которого автор пишет: «И помяните перед господом меня, чарах-паши (главного хирурга) и постанчи-паши (начальника телохранителей)» [45].

Столь быстрое возвышение врача-христианина при дворе мусульманского владыки не могло не возбудить зависти и интриг, следствием которых было почти десятилетнее изгнание Амирдовлата Амасиаци из Константинополя и его новые скитания по странам Балканского полуострова. В предисловии к своему обширному труду «Польза медицины», написанному в 1469 г. в Филиппополе (ныне г. Пловдив в Болгарии), армянский бжшкапет возвращается к тем тяжким годам:

² Историки армянской медицины [8, т. 3, с. 20] толкуют слово «раматанин» как почетное прозвище Амасиаци, однако, на наш взгляд, оно представляет заимствованную форму арабского термина «рамдан», т. е. больной глазными болезнями, употребленную в родительном падеже единственного числа среднеармянского языка.

«Перенес я много трудностей и случайностей от нечестивцев, чужеземцев и судей, и царей, и князей. Я собрал много книг арабских, персидских и турецких. Долго жил на чужбине. Испытал за это время зло и добро и приключения, перенес я богатство и бедность. В разных странах я много занимался врачебным искусством и пробовал по своему усмотрению много лекарств и сложных соединений, много обслуживал я больных — и высокопоставленных, и князей, и тысячников, и сотников, и горожан, и бедных, и взрослых, и детей. Много видел я зла и добра и теперь дошел до такого состояния, что ни богатству не радуюсь, ни в бедности горевать не буду» [46, с. 7].

Годы скитаний обогатили Амирдовлата Амасиаци огромным опытом странствующего врача-периодепта, а также расширили его знания о лекарственных растениях тех стран, куда его забрасывала судьба. Целебные травы не только Балканского полуострова, но и Малой Азии, Армении и Ирана собрал и изучил он за эти годы. В 1466—1467 гг. на Балканах и в самом Константинополе разразилась эпидемия чумы, унесшая много жизней. Мухаммед II бежал от нее из своей зачумленной столицы в места со здоровым климатом (города Видин, Никополь) [47]. Амирдовлату, бывшему в очаге эпидемии, случалось оказывать врачебную помощь бедствующему населению, что он описал в предисловии к книге «Полезьа медицины», в которой обобщил свои наблюдения над этой страшной болезнью, описанной до него в армянской медицинской литературе Мхитаром Гераци.

Страх, пережитый Мухаммедом Фатихом, заставил его вспомнить о своем опальном враче и призвать того к себе. В начале 70-х годов Амирдовлат Амасиаци снова появился в Константинополе. Ему удалось вновь завоевать доверие грозного султана и восстановить свое положение лейб-медика. Некоторые факты говорят о его возросшем влиянии, которым он пользовался, чтобы помочь своему народу сохранить культурные ценности, и в первую очередь рукописи. В памятной записи армянского Псалтыря, написанного в 1480 г. в Константинополе, писец Мартирос сообщает: «Когда великий повелитель султан Мухамат отправился походом на Узун-Гасана и разбил его и обратил в бегство, а [последний], спасаясь, убежал в Тавриз, то на обратном пути он (султан) вступил в область Хактеад,

разорил город Баберд и взял в плен и привез в Стамбул прекрасный и отменный Псалтырь. Увидел его Амирдовлат и вызволил ту святую книгу из неволи. Это случилось в 922 году (1473)» [48]. В дальнейшем он дал переписать ее вышеупомянутому Мартиросу, и спустя четыре века этот список попал в руки видного историка армянской медицины В. Торгомяна, открыв новые факты биографии заказчика книги.

Писец Мартирос, которому Амасиаци заказал рукопись, был одним из тех армянских ремесленников, которых по повелению Мухаммеда II согнали в Константинополь из Амасии, Эрзрума, Баберда, Ерзника, Себастии, Диарбекира и других армянских городов [38, с. 289]. Вот что он писал о себе в памятной записи той же рукописи: «В 928 (1479) году выселил повелитель армян из областей Карамании, и меня, негодного Мартироса, праха [у ног ваших], привезли в Константинополь и отдали в учение святому вардапету нашему Тер-Матеосу Себастиаци и вардапету Абрааму Трапизонеци, которых также повелитель привез, предназначив их в патриархи, но они отказались, предпочтя принять монашество, чем славу из рук человеческих» [49, ч. 2, с. 276]. А в следующем году юный изгнанник Мартирос, сетующий на «горькие и тяжелые времена», получил свой первый заказ от Амирдовлата Амасиаци, «великого ученого и скорого на подмогу врача, который прославил свое имя делами, ибо не знает покоя ни днем, ни ночью, достигнув того, что недостижимо [для других]» [49, ч. 2, с. 276].

Эта жажда знаний и любовь к армянской книжности, к древним рукописям были характерной чертой нравственного облика ученого. Недаром его главный труд по лекарствоведению получил многозначительное название «Ненужное для неучей». Он сам с любовью переписывал свои труды. Сохранился автограф его первых сочинений: «Учение медицины» и «Ахрабадин», написанный в 1459 г. четким и изящным почерком автора [1].

Если же по тем или иным причинам, а главным образом из-за чрезмерной занятости он не мог сам переписать свои труды, то выбирал обычно не опытных, умудренных в своем деле писцов, а робких новичков, нередко из своих краев, горемык-скитальцев, которым старался помочь по мере сил. Так, в период работы над книгой «Ненужное для неучей» в Константинопо-

ле он поручил писцу Нерсесу переписать «для собственной утехы и для юного прекрасного сына Амирэ-тила» «Хронику» Михаила Сирийца и одноименное сочинение Самуэла Анеци. В памятной записи рукописи № 313 Библиотеки армянского патриархата в Иерусалиме об этом говорится: «Написана сия историческая книга в 929 (1480) году армянского летосчисления³ в городе Византии, который ныне называется Константинополем, рукой грешного и неискусного писца и недостойного иерея Нерсеса в тяжелые времена царствования султана Махмата, который обрушил множество ударов на христиан и свой народ, стояя и переселяя их с места на место и требуя налоги и причиняя другие притеснения. Ныне пав ниц, умоляю всех, кто прочтет эту рукопись или перепишет ее, пусть вспомнит в своих пресвятых молитвах меня, лишенного всех добродетелей, а если найдутся в ней ошибки, то не посетует на меня, писавшего в великой печали, ибо всех нас насильно привезли в Константинополь из Амасии» [49, ч. 2, с. 443].

Выбор вышеупомянутых сочинений Амирдовлатом Амасиаци для воспитания своего подрастающего сына далеко не случаен. В годину тяжелых испытаний он мысленно обращался к славному прошлому своего народа, к истории Анийского царства и Киликийской Армении. С той же целью он дал переписать в 1481 г. сочинение «О душе и нравственной силе» писцу Аствацатуру. А десятью годами позднее, на склоне лет, вернувшись в родной город Амасию, Амирдовлат заказал писцу Андреасу философские сочинения Григора Татеваци и Иоанна Воротнеци, представлявшие толкования трудов Аристотеля и Порфирия. В памятной записи писец Андреас сообщает, что «книга сия переписана по воле и с согласия врача Амирдовлата, который по своей библиофилии является в наше время вторым Птолемеем» [49, ч. 3, с. 188].

Возвращение Амирдовлата на родину произошло уже после смерти Мухаммеда II. В книге «Ненужное для неучей» автор приводит интересные сведения о последних годах жизни султана, страдавшего жестокими приступами подагры [51, с. 77]. «В году 929 армянского летосчисления,— пишет Амирдовлат,— в цар-

³ Большое армянское летосчисление было основано в 552 г., а посему 929 г. армянского летосчисления соответствует 1480 г. ($929 + 551 = 1480$) [50, с. 369].

ствование Мухамат-хапа, который занял престол императоров в Константинополе, пошли разговоры о печатной глине и о том, что надо найти ее. И был послан врач из племени сарацин на тот остров, который именуется Лемносом, чтобы он нашел то место, где находится месторождение печатной глины. Он отправился, но не нашел ту глину, а [взял] другую, которая лияла, и принес ее султану. И врачи увидели ее, но не приняли [за печатную]» [43, с. 126].

После неудачи первой экспедиции на Лемнос была послана еще одна, в которой приняли участие трое врачей: грек, перс и третий, по словам Амирдовлата, «из тех краев, где владеют искусством художественного изображения», по-видимому, итальянец. Члены экспедиции действовали весьма осмотрительно, и их усилия увенчались успехом. Хотя Амасиаци сам не принимал участия ни в одной из экспедиций, но живо интересовался их результатами, и ему мы обязаны описанием этих путешествий и подробного маршрута, которым в свое время следовал Гален на Лемнос. Султану, однако, печатная глина уже не помогла, ибо, как пишет его лейб-медик, «через год наш царь умер, и в Константинополе началась смута и борьба за престол». Последние слова свидетельствуют о том, что Амасиаци был очевидцем бунта янычар в Константинополе после смерти Мухаммеда II (1481), а также борьбы за власть между его сыновьями Баязидом и Джемом [44, т. 3, с. 337—374].

В последние годы своей жизни Амирдовлат Амасиаци, покинув Константинополь, вернулся к себе на родину по приглашению Ахмеда, сына Баязида, получившего в управление Амасию. Подобно своему деду, Мухаммеду Фатиху. Ахмед высоко ценил армянского врача и оказал ему радушный прием. Писец Андреас свидетельствует: «Он пользовался [у нас] большим почетом и уважением, а затем отправился в Константинополь к царю, которого звали Махмат-ханом, а после его смерти его внук Ахмад послал за ним и привез его к себе в город Амасию, где он родился, и принял его с большой любовью» [49, т. 3, с. 189]. Здесь престарелый и уже больной Амирдовлат провел остаток жизни. Незадолго перед смертью (1490) он едет для лечения в Бруссу, город в 20 км от Мраморного моря, славившийся своими минеральными водами. Памятная записка в древнейшем списке книги «Ненужное для

неучей» сообщает о смерти армянского бжшкапета, последовавшей в четверг 8 декабря 945 (1496) года [52].

Долгая полезная жизнь врача-гуманиста была насыщена врачебным подвигом, бескорыстным служением людям независимо от их социального положения, неутомимыми поисками лекарственных растений и их изучением, созданием научных трудов и собиранием старинных армянских рукописей, многие из которых были спасены им от гибели. За четверть века творческой жизни он написал целую «библиотеку» книг: в 1459 г. — «Учение медицины» и первый «Ахрабадин», в 1466—1469 гг. — «Пользу медицины», в 1481 г. — второй «Ахрабадин» и в 1478—1482 гг. — «Непужное для неучей». Кроме того, им была написана в 1474 г. «Народная книга», подтвердившая его репутацию астронома в том смысле, в каком его понимали в средневековой науке, где понятия астрономии и астрологии нередко переплетались [53].

Амасиаци был Учителем — в высоком значении этого слова. Он создавал свои труды не только для узкого круга специалистов, но для широкой учащейся аудитории, молодых врачей и естествоиспытателей, делающих свои первые шаги в науке. Раскрывая перед читателем сложные и подчас запутанные положения теории средневекового лекарствоведения, он писал: «И я, негодный слуга божий, немало поработал над этим искусством, пока нашел все это, и вновь и вновь проверил, чтобы изучающие с легкостью могли бы познать и постичь это тайное искусство» [43, с. 11].

Исходя из поставленных задач, Амасиаци излагал свои труды не на древнеармянском языке, который был признанным языком науки, а, следуя демократической традиции, идущей от Мхитара Гераци, на разговорном языке своего времени, который он называл «ашхарабаром» (так впоследствии стал называться и современный армянский литературный язык). «А также скажем, почему написали мы эту книгу на ашхарабаре, — обращается он к читателю. — Тому имеется три причины. Первая в том, что не всякий человек может читать на древнем языке или иностранные писания, чтобы понять эти сложные вещи. А потому мы написали на ашхарабаре» [43, с. 25]. Будучи рассчитаны на учащуюся аудиторию, эти сочинения носят дидактический характер, что отразилось и в их названиях.

Владея поэтическим даром, Амирдовлат нередко уснащал свои труды поэтическими цитатами, четверостишиями, афоризмами, пытаясь в яркой образной форме передать читателю свои мысли, свой научный жар, увлечь за собой в мир поиска. «Следуй же путем познания, [о читатель!], иначе останешься ты врачом-невеждой», — предостерегал он нерадивых.

Но не только тягу к знаниям, к научным исследованиям и открытиям стремился привить молодежи мудрый бжшпапет, но и пробудить в них потребность нравственного усовершенствования, источника силы духа и чистоты помыслов, которых требовал от изучающих медицину великий Гиппократ. «Врач должен быть разумным и исполненным чувства долга, — учил Амирдовлат, — быть терпеливым и готовым подать совет. Он ни в коем случае не должен быть пьяницей, алчным и корыстолюбивым. Следует ему любить бедняков, быть милосердным, верным и нравственно чистым богобоязненным человеком. Если он не постигнет, в чем суть болезни, то ему не следует давать лекарства, чтобы не запятнать своего имени. А если он не сведущ, то лучше не призывать его к больному и вообще не почитать за врача» [46, с. 9]. Он сам неуклонно следовал этим путем. Его многочисленные ученики (а ими называли себя не только отдельные лица, но и целая школа себастиийских врачей) свято выполняли заветы своего учителя как в сфере практической деятельности, так и в научных исследованиях.

Амирдовлат Амасиаци внес значительный вклад в средневековую армянскую медицину. Развивая традиции Мхитара Гераца и киликийской школы, он в своих наиболее зрелых трудах «Полезьа медицины» и «Непужное для неучей» сказал новое слово в области клинической медицины и особенно лекарственной терапии ряда болезней.

Наряду с этим он также уделял внимание вопросам анатомии, физиологии, эмбриологии, гигиены, которые он исследовал в своем первом крупном сочинении «Учение медицины». При сопоставлении раздела по анатомии у Амирдовлата с аналогичными произведениями киликийской школы нельзя не заметить большого прогресса в этой области, который выразился в более обстоятельных описаниях строения органов чувств, мозга, костно-суставной и мышечной систем. Раздел по анатомии глаза в книге «Учение медицины» тесно

связан с фрагментом Мхитара Гераци «О строений и сотворении глаз», причем, кроме общности терминологии, виден одинаковый подход к ряду важных вопросов (классификация оболочек и влаг, их пространственное расположение в глазу, сущность зрительного процесса).

Что касается глазных болезней, то им Амасиаци уделил 20 глав книги «Польза медицины». Наряду с инфекционными заболеваниями (конъюнктивит, блефарит, кератит) здесь описаны также катаракта, глаукома, злокачественная опухоль глаза. Продолжая традиции Мхитара Гераци и Григориса, в разделе с трахоме он еще более детализировал ее клиническую симптоматику, подробно останавливаясь на осложнениях, приводящих к нарушению зрительной функции, вплоть до слепоты. Помимо консервативной терапии, он часто рекомендовал и оперативное лечение. В книге «Польза медицины» дано описание операций по поводу катаракты, осложнений трахомы, крыловидной плевы, врожденных уродств и некоторых других глазных болезней. Следует отметить, что в ранних стадиях развития катаракты армянский бжшкапет рекомендовал прибегать к диетическому и лекарственному лечению и только при наличии зрелой катаракты — к оперативному удалению. «Следует проколоть ткани глаза и ввести спицу и спустить [уплотнившуюся] катаракту, и тогда глаз просветлеет и очистится,— пишет Амирдовлат,— и когда ты будешь уверен, что весь затек вышел, то уложи усыпленного больного на спину, приложи к глазам пластырь из розового масла и яичного желтка, подложи под голову подушку и наложи повязку. И пусть он три дня находится в темном помещении с повязкой на лбу» [46, с. 217].

В книге «Польза медицины» армянский бжшкапет останавливается на вопросах этиопатогенеза, клиники и лечения инфекционных и аллергических болезней. Классификация лихорадок на «однодневные», «изнурительные» и «плесневые» взята им у Мхитара Гераци, равно как и учение о роли «плесневого» фактора в возникновении лихорадок. Амирдовлат не прибавил чего-либо существенно нового в этой области к учению киликийской школы. Значительный вклад он внес в фитотерапию инфекционно-аллергических болезней, как об этом будет сказано в дальнейшем. Заметим также, что в его системе лечебных мероприятий при

«Одноднѣвѣиыхъ» лихорадках важное значение придавалось природно-климатическим факторам. В главе «Об однодневной лихорадке, которая возникает от печали и забот и великих страданий» он наряду с психотерапевтическими методами лечения психогенных аллергий, которые в свое время применял Мхитар Гераци, рекомендовал и целебный морской воздух: «Ее лечение в том, чтобы успокоить больного песнями гусанов и повезти на побережье, [к водам] и зелени» [46, с. 489].

Природно-климатические факторы в сочетании с психотерапевтическим воздействием он рекомендовал и при ряде заболеваний нервной системы и психической сферы. По Амирдовлату, лечение больного маниакально-депрессивным психозом («любвиной манией») должно заключаться в том, чтобы «усладить его слух сладостными голосами и приятной речью, чтобы он находился среди зелени и цветов, на берегу ручьев, слушал голоса птиц и вдыхал аромат цветов» [46, с. 157]. Нервно-психическим болезням он посвятил 32 главы в книге «Польза медицины», описав клиническую симптоматиологию при опухоли мозга, мигрени, менингите, гипертонической болезни, атеросклерозе, инсульте, параличе, судорогах, эпилепсии, пизофрении и некоторых других недугах. Здесь он также являлся продолжателем традиций киликийской школы, во врачебном кодексе которой — «Лечебнике Гагика—Хетума» дана клиническая картина многих из вышеуказанных страданий. Заслугой Амирдовлата была дальнейшая разработка вопросов лекарственной терапии нервно-психических болезней как в книге «Польза медицины», так и особенно в фармакогнозии «Ненужное для неучей».

Большой интерес представляют методы лекарственного и диетического лечения диабета в средневековой армянской медицине. Классическое описание этой болезни впервые встречается в «Лечебнике Гагика—Хетума», где говорится: «Болезнь, именуемая диабетом, возникает в почках. И ее признаки следующие: чувство жара и жажды увеличиваются, а моча выделяется в большом количестве, и цвет ее подобен выпитой воде, и человек изнуряется» [25, л. 152а]. Основные признаки заболевания (жажда, мочеизнурение и общее истощение) были известны Ибн Сине, который писал в «Каноне»: «Причина диабета — состояние почек» [11, кн. 3, т. 2, с. 339]. Хотя в средневековой медици-

не существовало неправильное представление о причинах возникновения этого страдания, однако эмпирическим путем была разработана рациональная система лекарственного и диетического лечения. В «Лечебнике Гагика—Хетума» даны следующие рекомендации: «Страдающего этим недугом ограничить в питье и еде. Пусть он ест красное просо и ячменную крупу и пьет ячменную воду. А вместо воды пусть употребляет сок тыквы, и граната, и сливы, и айвы, и барбариса». В качестве питья рекомендовалось также коровье пахтање со свежим кориандром. К этому Амирдовлат прибавил латук и цикорий и семена петрушки, фенхеля, портулака, огурца, дыни и арбуза [46, с. 386].

В трудах Амирдовлата Амасиаци нашла отражение также проблема злокачественных опухолей. Он разделял представления Мхитара Гераци и киликийской школы о происхождении рака, самым характерным признаком которого он считал «стремительный, непрерывный рост», ведущий к истощению организма — кахексии [46, с. 474]. Насколько глубоко понимал армянский бжшкапет природу опухолевого процесса, можно судить на основании описания клинической картины эрозии шейки матки, которая, по его представлениям, предшествует развитию рака и часто связана с родовой травмой. «Признаком эрозии являются гнойные выделения и боль,— пишет Амирдовлат,— а если откроешь матку и посмотришь, увидишь язву... Это бывает вследствие травмы или падения с большой высоты или трудных родов» [46, с. 416]. Он считал эффективным только раннее лечение злокачественных опухолей, отдавая предпочтение консервативным методам, и в первую очередь фитотерапии.

Уже в ранних трудах Амасиаци ощущался живой интерес к вопросам лекарственной ботаники и лекарствоведения, который сохранился на протяжении всей творческой жизни бжшкапета. В 1459 г. им был написан первый «Ахрабадин». Это обширное сочинение по лекарствоведению довольно сильно отличалось от восточных ахрабадинов, в которых описывались лишь **сложные лекарственные средства**. В структуре его ощущается несомненное влияние «Лечебника Гагика—Хетума». Учение о простых лекарствах излагается в отдельной главе (23-й) после описания сложных лекарственных смесей. «Ибо увидел я,— пишет автор в предисловии,— что „ахрабадин“ не может существовать

без „муфрата“» [54, л. 48а]. Вышеуказанная 23-я глава «Ахрабадина» Амирдовлата условно именуется также «Таблицеобразным словарем». Последний состоит из 70 таблиц, причем каждая занимает обе половины развернутого листа. В левой части, разграфленной горизонтальными и вертикальными линиями на квадраты, имеются следующие графы: 1) название простых лекарств на пяти языках (армянском, греческом, франкском, т. е. старофранцузском, арабском и персидском); 2) описание внешнего вида лекарства; 3) лучший лекарственный вид; 4) природа лекарства; 5) доза. В правой части таблицы имеется лишь одна графа: свойства лекарства, в которой приводятся ссылки на какой-либо авторитетный источник (Диоскорид, Гален, Ибн Масавайх, Ибн Сина, Ибн Байтар и др.). Каждая таблица содержит описание пяти лекарственных веществ, а всего в «Таблицеобразном словаре» дается толкование названий и лечебных свойств 350 лекарств растительного, животного и неорганического происхождения.

«Таблицеобразный словарь» послужил в дальнейшем исходным материалом при создании книги «Не нужно для неучей». А сам «Ахрабадин» 1459 г. был первой заявкой на создание словарей простых и сложных лекарственных веществ. Стремление упорядочить структуру книг по лекарствоведению и облегчить пользование ими диктовало словарную форму. Поэтому более поздние труды Амирдовлата: второй «Ахрабадин» и «Не нужно для неучей», написанные примерно в одно и то же время, имеют форму словарей. Здесь уже произошло полное отделение простых лекарственных веществ от сложных, процесс, начавшийся во времена Мхитара Гераца и завершившийся в трудах Амирдовлата Амасиаци.

Рукописи средневековой армянской энциклопедии — книги «Не нужно для неучей»

Энциклопедия средневековой армянской фармакогнозии — книга «Не нужно для неучей» Амирдовлата Амасиаци, плод четырех лет неусыпного труда, обобщила многолетние исследования автора в области медицины, лекарственной ботаники, зоологии, минерало-

гии и географии. Ей была суждена долгая жизнь, она оказалась «нужной» не только для его современников, но и для последующих поколений армянских врачей и естествоиспытателей. Пятисотлетие ее, отмеченное в 1982 г., и живой интерес к книге со стороны современных ученых — фармакологов, ботаников и врачей являются свидетельством ее жизнеспособности и высокой научной ценности. Появившись в 1482 г. в Константинополе в единственном экземпляре, книга была переписана и размножена во многих армянских рукописных центрах Западной и Восточной Армении.

Автограф книги «Ненужное для неучей» в отличие от более ранних произведений — «Учение медицины» и «Ахрабадин», к сожалению, не сохранился. Из списков XV в. уцелел один — рукопись № 3712 Библиотеки Британского музея [IV, А]. В этом единственном экземпляре, написанном еще при жизни автора и на его средства, имеется памятная запись переписчика, в которой перечисляются имена ряда врачей, принадлежащих к себасти́йской школе. Этот список книги «Ненужное для неучей» служил многим поколениям себасти́йских врачей, среди которых был и знаменитый армянский врач Асар Себасти́ци, а затем, следуя неизвестными путями истории, оказался в одном из крупнейших книгохранилищ мира Библиотеке Британского музея [55, с. 313—318].

Историческая обстановка в течение XV—XVI вв. мало благоприятствовала сохранению рукописей. Поэтому неудивительно, что от этих веков до нас дошла лишь рукопись Британского собрания, написанная на пергаменте. Основная же масса списков книги «Ненужное для неучей», переписанных на бумаге, принадлежит к более поздней и относительно спокойной эпохе — XVII—XVIII вв. За этот период изменилась и география распространения труда Амирдовлата Амаси́аци. Если до XVIII в. основными центрами, где переписывались и имели хождение рукописи книги «Ненужное для неучей», были Константинополь и города Малой Азии и Западной Армении, то позднее они переместились в Восточную Армению и Закавказье (Эчмиадзин, Ереван, Тифлис, Гандзак).

В собрании рукописей Матенадарана им. Маштоца хранятся 20 списков книги «Ненужное для неучей», из которых 11 были переписаны в XVII в., 6 — в XVIII в. и 3 — в XIX в. [56, т. 1, с. 314, 315, 323,

324, 865; т. 2, с. 285, 323, 513, 536, 604, 621, 661, 817, 887, 998, 1083]. Примерно половина этого количества находится в зарубежных собраниях Вены, Парижа, Алеппо, Антилиаса и у частных лиц [57, с. 104—107; 58, с. 128, 131; 59, с. 37—40; 60]. Что касается Библиотеки конгрегации мхитаристов Венеции, одного из богатейших собраний армянских рукописей в мире, то в его фондах хранятся 16 рукописных экземпляров трудов Амирдовлата [61, с. 667; 62], однако число списков книги «Непужное для неучей» не уточнено, хотя в свое время В. Торгомян описал некоторые из них [63—65].

Ниже приведено описание двух важнейших рукописей книги «Непужное для неучей» из собраний Британского музея и Матенадарана им. Маштоца.

Рукопись № Or 3712 Библиотеки Британского музея [IV, A].

Амирдовлат Амасиаци. «Непужное для неучей»

Время написания: 1490.

Место написания: неизвестно (вероятно, Себастья).

Писец: неизвестен.

Миниатюрист и переплетчик: монах Мартирос.

Заказчик: врач Амирдовлат Амасиаци.

*Размеры*¹: неизвестны.

Количество листов: 281.

Материал: пергамент, слегка пожелтевший. В начале рукописи имеется два пустых листа (1, 2а).

Тетради: всего 24 нумерованные тетради; 2-я и 24-я — по 6 листов, 3-я — 9, 19-я — 11, остальные — по 12 листов. Внизу на полях буквами армянского алфавита дана нумерация тетрадей (в начале и в конце тетради) и сквозная пагинация текста (на первых шести листах каждой тетради).

Шрифт: болоргир. Рукопись написана в один столбец черными чернилами, начиная со 189-го листа и до конца — более темными чернилами, вероятно, другой ручкой². Заголовки и начальные слова параграфов написаны красными чернилами. Число строк — 39.

¹ Ввиду отсутствия данных в «Каталоге армянских рукописей Британского музея» Конибера и располагая лишь фотокопией, мы не смогли уточнить размеры рукописи.

² Конибер также склонялся к этому предположению, хотя не исключал возможности, что 2-я часть текста могла быть написана и другой рукой [55].

Защитные листы: два пергаментных листа в конце рукописи из армянского Евангелия от Матфея (не позднее XII в.).

Иллюстрации: орнаментированные заставки (л. 3, 13). В центре заставки в медальоне — изречение из предисловия: «Если хочешь стать ученым, воспользуйся книгой, ее [недаром] зовут «Ненужное для неучей» (л. 3а). Маргиналы и инициалы — в виде условно изображенных птиц и растительных орнаментов (золото, сияяя краска).

Переплет: коричневый, кожаный с тиснением.

Состояние рукописи: удовлетворительное. Последовательность текста при позднейшем переплетении нарушена. Следует читать в следующем порядке: 1—15, 19—24, 16—18, 25—36, 38, 37, 39—46, 48, 47, 49—132, 135, 133—134, 136—141, 144, 142—143, 145—184, 189—192, 185—188, 193—216, 218—228, 217, 229—281.

Содержание: текст книги «Ненужное для неучей». Состоит из: а) предисловия автора (л. 3—12); б) словаря простых лекарственных веществ из 36 разделов по числу букв армянского алфавита (л. 13—280). Начинается с параграфа «аалусан» (бурачок) и кончается параграфом «фругут илавут» (ослиная колючка). Некоторые параграфы отсутствуют: «лагий» (молочай триакулентный), «чавпи чини» (сассапарила китайская), «фрик» (поджаренная пшеница) и ряд других. В конце рукописи приводятся рецепты (л. 281б).

Памятная запись автора (л. 3а): «Написано во времена господства сарацин из рода исмаильтян, потомков Агари, когда обессилело греческое царство, в столице Константинополе (да пребудут нерушимо и незыблемо живущие там христиане!), во времена царствования султана Мухаммат-хапа, и патриаршества владыки Саргиса на престоле святого Эчмиадзина, и епископства владыки Николайоса в городе Константинополе, в году 927 армянского летосчисления, написанного выше красными буквами, при храме святого чудотворца Николайоса, скорого на подмогу. Составлена эта книга о действии лекарств, каждого в отдельности, на основании множества иноземных сочинений рукой грешного, негодного и несведущего врача Амирдовлата Амасиаци в память о себе и всех христианах».

Памятная запись автора: стихотворение (л. 281а):

Хвала тебе, Владыка и Создатель!
Помилуй нас, ты, наделивший
И разумом и чувствами людей.
Тобою создано все в мире этом,
Поет тебе хвалу живое все.
Благодарю тебя, Христос,
Бессмертный царь,
Что даровал положенный мне срок.
Четыре года, день и ночь,
[Без устал] работал я.
Из многих списков завершил я этот.
Из слов врачебных все, что смог найти,
Собрал и написал я [здесь].
И все, чему я научился в них,
Поведаю, закончив сей словарь
На многих языках — их пять:
Армянский [мой родной],
И греков, и арабов речь,
И персов, тюрков языки,
Латыни малость тоже есть.
Расположил я все слова,
Названья всех лекарств и трав,
Как повелел армянский алфавит,
[И, с буквы «Айб» начав],
Я завершил словарь в конце
Словами, что приведены на «Фэ»
Я врач Амирдовлат, сын Египи,
Рожденный в городе Амасии,
Живущий ныне в Византии,
Которой нет подобных в мире.
Днесь стольный град державы тюрков,
Зовется ими [градом] Константина.
И кто прочтет сей труд,
Молю быть пред Христом
Заступником моим,
Чтоб он помиловал писца
И книги сей творца,
Да не останется изъяна в ней,
Написанной в году 931
Армянского календаря.
И Господу хвала!

Памятная запись переписчика (л. 2б): «...итак, о возлюбленные мои, те, кто будут наслаждаться сией богатейшей сокровищницей [знаний], которая здесь собрана, вспомните же в своих достойных молитвах перед богом нас, смиренных слуг ваших, и наших старых врачей: Ходжу Бархудару Себастици, сына его хирурга Асара и сына его врача Петроса, и Григора, и Асара-агу, и их внуков: врача Микаэла и его брата Ходжу Геворга, и сына его иерея Манука...»

Памятная запись миниатюриста и переплетчика

(л. 281а): «О читатели, вспомните же в ваших пречистых молитвах монаха Мартироса, который украсил эту [книгу] золотом и переплел ее, а также врача Амирдовлата, который велел украсить ее в 939 (1490) году на свои средства, заработанные честным трудом».

Приписка (л. 281а): «В четверг, 8 декабря 945 (1496) года скончался во Христе врач Амирдовлат, автор сей книги».

Рукопись № 414 Матенадарана им. Маштоца
[IV, Б].

Труды Амирдовлата Амасиаци

Место и время написания: Марзван, 1626.

Писец: Карапет.

Заказчик и редактор: врач Буниат Себастиац.

Размеры и количество листов: 428, 26×20 см.

Материал: бумага европейского образца с водяным знаком³ в виде трилистника (л. 210, 216).

Тетради: всего 36 нумерованных тетрадей; 1-я и 26-я — по 11 листов, 36-я — 13, остальные по 12 листов.

Шрифт: потрigr. Рукопись написана в два столбца черными чернилами. Число строк 1-й части (л. 2а—255а) — 39, 2-й части (л. 255б—426б) — 41.

Утерянные листы: между 197б и 198а.

Защитные листы: два листа (в начале и в конце рукописи) из армянского Евангелия X—XI вв., написанные болоргиром на пергаменте.

Иллюстрации: орнаментированные заставки (л. 2а и 364а); маргиналы и инициалы выполнены в темно-малиновом и синем цветах, анатомический рисунок с пояснениями (л. 427а).

Переплет: коричневый, кожаный с тиснением.

Состояние рукописи: удовлетворительное. Местами видны пятна воска, чернил и следы сырости. Листы 1-й части (1—189) по краям съедены мышами. Рукопись реставрирована.

Содержание: 1) текст книги «Непужное для неучей» Амирдовлата Амасиаци (л. 2а—219а). Состоит из: а) предисловия автора (л. 2а—10а); б) словаря простых лекарственных веществ из 36 разделов, которому предпослан заголовок: «О свойствах лекарств, взятых каждое в отдельности». Начинается с параграфа «аалусан» и кончается параграфом «фругут ила-

³ Об этом см. подробнее в [66, с. 640].

вут». Заглавные названия лекарственных веществ и иногда имена авторов написаны красными чернилами. На полях — пояснения к тексту черными чернилами, написанные другой рукой (позднее). Некоторые пометки редактора включены в текст, а в конце параграфа о сассапариле («чавп и чини») имеется приписка: «Написал это я, недостойный Буннат» (л. 153б).

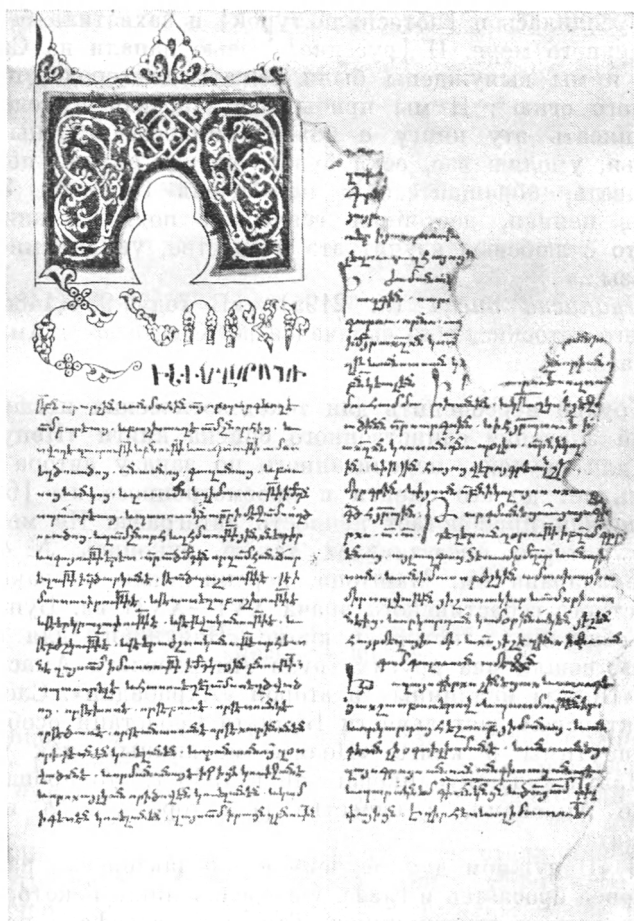
2) Текст книги «Польза медицины» Амирдовлата Амасиаци (л. 220а—362б) с подзаголовком: «Эта книга о лечении и уходе». Состоит из: а) предисловия (л. 220а—257а), в котором дан указатель глав (л. 222а—225а), а кроме того, редактором Буннатом Себастици включена «Анатомия из другого писания»⁴ (л. 236б—240а); б) текста самой книги с подзаголовком: «Книга врачебного искусства» (л. 257б—362б) и с указателем глав на полях черными чернилами (224 главы).

3) Текст книги «Ахрабадин» Амирдовлата Амасиаци (л. 363а—426а). Состоит из: а) предисловия (л. 363а—364а); б) словаря сложных лекарственных веществ (л. 364а—426а) с указателем параграфов на полях книги (черными чернилами).

Памятные записи автора: к книге «Ненужное для неучей» (л. 219а) (см. описание рукописи IV, А); к книге «Польза медицины»: «И сочинил это писание я, ничтожный слуга божий, врач Амирдовлат Амасиаци, в столице [Румелии] Филип[попол]е в году 915(1466) армянского летосчисления, декабря 25-го⁵, в четверт, который является праздником Спасителя по календарю других народов ...» (л. 220а); «Сочинен сей превосходный лечебник в столице Рум[ел]ии Филип[попол]е в году 918(1469) армянского летосчисления декабря 26-го, который является праздником Спасителя по календарю других народов, в патриаршество владыки Ристакеса и епископство Тер-Овакима. Кто прочтет или перепишет, пусть попросит у Христа отпущения грехов для сочинителя сей книги врача Амирдовлата...» (л. 221а).

⁴ Нами было установлено, что «Анатомия из другого писания» представляет собой фрагмент 12 глав из книги «О строении человека» врача Абусаида, жившего в Киликийской Армении (см.: [29, с. 11]).

⁵ У армян в отличие от многих христианских народов, отмечавших праздник рождества 25 декабря, он приходится на 6 января, т. е. день богоявления (см.: [67, с. 324]).

Первая страница рукописи «Непужное для неучей»

Памятная запись редактора (л. 221а): «А также [помяните] последнего редактора этой книги Буниата Себастаци. Мы приложили много труда для изучения этого искусства и с божьей помощью многих вылечили. Нам очень поправилась эта превосходная книга, и мы велели переписать ее отроку Карапету в году 1075(1626) армянского летосчисления в городе Марзване. Раньше мы жили в Самсуне и собрали много книг армянских и иностранных. Но затем русская на-

ция усилилась и [потеснила турок] и захватила берега Черного моря. И [русские] ночью напали на Самсун, и мы вынуждены были бежать из города, преданного огню⁶. И мы прибыли в Марзван и велели переписать эту книгу с божьей милостью. Отцы и братья, умоляю вас, если будете читать ее или переписывать, обращайтесь с ней очень бережно. Это очень ценная, достойная всяческой похвалы книга. И кто с любовью изучит это искусство, увидит много пользы...»

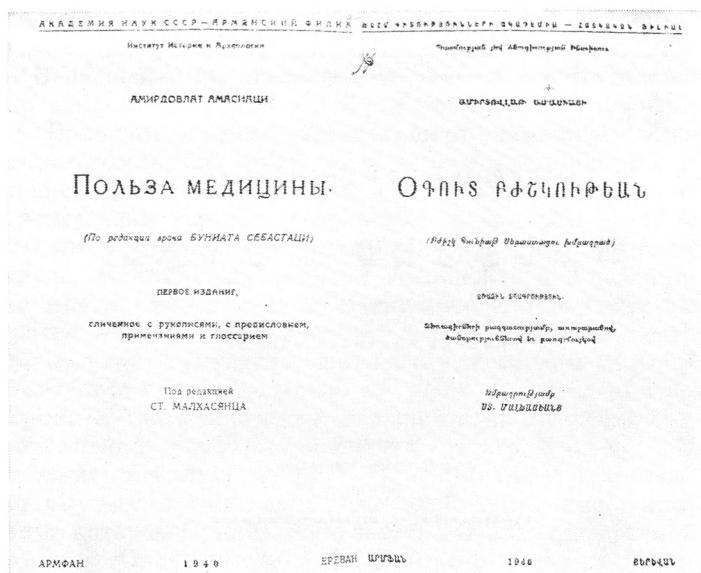
Приписка писца (л. 219а): «В году 934(1485)⁷ нашего летосчисления скончался во Христе врач Амировлат...»

Трудно переоценить для текстологических исследований значение единственного списка книги «Ненужное для неучей», переписанного по заказу автора за шесть лет до его смерти и просмотренного им [68]. Последняя приобретает ценность автографа. Не меньший интерес представляет также рукопись № 414 Матенадарана им. Маштоца, переписанная по заказу известного себастиийского врача XVI—XVII вв. Буниата Себастиаки, в которую, кроме «Ненужного для неучей», вошли два других труда Амировлата Амасиаци: «Польза медицины» и второй «Ахрабадин». Следы редакторской деятельности Буниата Себастиаки особенно ощутимы в книге «Польза медицины», так что С. Малхасянц, опубликовавший в 1940 г. это произведение Амасиаци, в качестве редактора указал имя Буниата.

В «Ненужном для неучей» его редакторская работа менее бросается в глаза. Он сделал лишь некоторые добавления к тексту книги. Так, в параграфе о рога-том маке, или мачеке («хашхаш мугарран») им сделана приписка: «Мачек встречается на побережье моря в Самсуне», т. е. в местности, хорошо знакомой ему. В конце параграфа о китайской сассапариле он прибавил: «Это написал я, недостойный Буниат», хотя сам параграф встречается и в неотредактированных списках книги. Вообще первый редактор книги «Не-

⁶ Речь идет о набеге на Самсун казаков в 1624—1625 гг. в отместку за убийство двух русских послов [44, т. 9, с. 49].

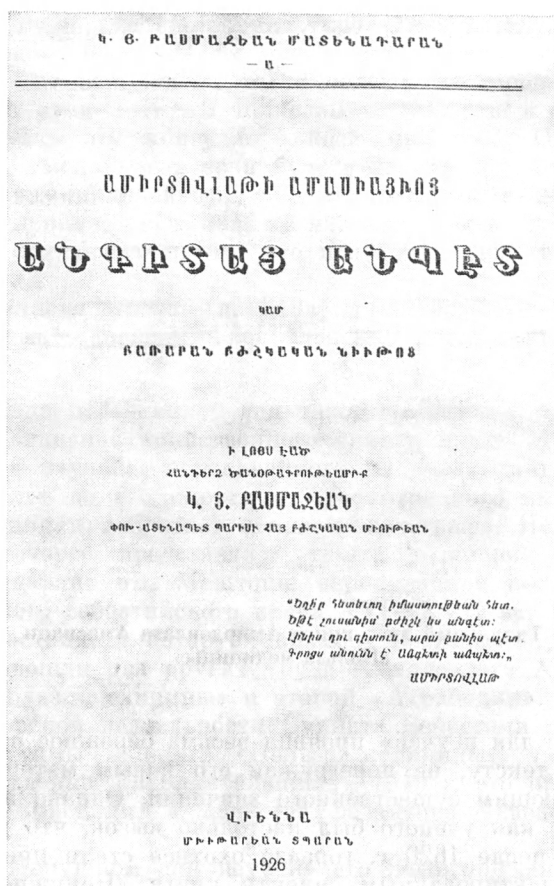
⁷ Переписчик допустил ошибку относительно года смерти Амировлата.

Титульный лист книги Амирдовлата Амасиаци «Польза медицины»

нужное для неучей» проявил весьма бережное отношение к тексту, не перегружая его новым материалом, не имеющим существенного значения. Однако авторитет его как ученого был настолько высок, что многие писцы после 1626 г. гораздо охотнее стали прибегать к отредактированным спискам книги «Ненужное для неучей». И даже случалось, что читатель более позднего времени вписывал его имя и пометки в текст рукописи, в которой они первоначально отсутствовали [IV, Ж].

В свое время отредактированный список книги «Ненужное для неучей» послужил протографом К. Басмаджяну при составлении критического текста. Рукопись эта условно именовалась им «Пораян, или Паронян» (по фамилии владельца). «Экземпляр этот, — пишет он, — некогда принадлежал, как я предполагаю, замечательному врачу XVII в. Бунияту Себастаци. В этом убеждают меня данные, содержащиеся в настоящей работе» [43, с. VI]. Готовя к публикации текст книги «Ненужное для неучей», К. Басмаджян

**Титульный лист венского издания книги
Амирдовлата Амасиаци «Неужное для неучей»**

включил в него пометки на полях рукописи «Поранян» (всего 376), которые не были введены в текст первым редактором. Так как рукопись имела лакуны, то он дополнил пропуски текстом списков Парижской национальной библиотеки, а также рукописи из Библиотеки конгрегации Антонян в Константинополе. Для уточнения терминов и испорченных мест К. Басмаджян использовал фотокопию рукописи Библиотеки Британского музея [IV, А] и две рукописи Венского собрания мхитаристов. Вкупе с предисловием на армянском и

французском языке, комментариями и указателями книга «Ненужное для неучей» вышла в свет в 1926 г. в Вене с посвящением памяти Мари-Луиз Басмаджян, преданного спутника жизни и помощника ученого.

Большой интерес представляют памятные записи вышеупомянутых рукописей, содержащие ценный материал для понимания психологии врача той далекой эпохи: ведь нередко переписчиком был сам врач, или же он выступал в качестве заказчика или редактора труда. В памятных записях Амирдовлата Амасиаци и во многих местах книги «Ненужное для неучей» слышатся отзвуки исторических событий, боль и сострадание врача-гуманиста, жившего в жестоком мире. Немало переживаний выпало на долю его последователя Буниата Себастаци, приложившего много усилий для сохранения научного наследия своего учителя. Насколько большую ценность представляли рукописи в то смутное время, видно из трепетного отношения к ним, которое Буниат, как завет, пытался передать потомкам. Оно диктовалось не только горьким опытом личных потерь самого Буниата, но и историческим опытом армянского народа, культурному наследию которого был нанесен колоссальный ущерб в непрерывных войнах, терзавших страну в XV—XVI вв. Именно такое бережное отношение и любовь к книжности со стороны целого народа позволили армянам, пройдя сквозь горнило испытаний, сберечь свою культуру, свое рукописное наследие. Ныне общее число всех сбереженных рукописей сочинений Амирдовлата Амасиаци превышает 70, половина из которых хранится в Матенадаране им. Маштоца и столько же в зарубежных собраниях и у частных лиц. Большая часть их — это списки книги «Ненужное для неучей».

Структура и содержание средневековой армянской энциклопедии

«Ненужное для неучей» представляет собой обширный труд по фармакогнозии, состоящий из предисловия и основной части — словаря простых лекарств. В памятной записи автора в предисловии сообщаются сведения о месте и времени создания книги, биографические данные о нем самом, о сжигавшей его жажде

знаний и неустанном собирании книг, о его скитаниях и путешествиях. Он вспоминает и о своих предшественниках, средневековых армянских врачах, называя их своими учителями. «И этим делом занимались наши первые учителя в медицине,— пишет он,— великий врач Мхитар и врач Аарон, и сын его врач Степанос, и их род: врач Чошлин, и врач Саргис, и врач Акоб, и врач Дегин, и врач Симавон, и врач Ваграм, которые сочинили много книг о действии лекарств и их пользе» [43, с. 2].

Вместе с тем Амирдовлат обратил внимание на пробелы в их трудах по фармакогнозии, ибо, по его словам, «бывало так, что они знали название, но не могли определить само [растение] или его заменители» [43, с. 2]. В свое время Бируни в «Сайдане» сетовал на недостатки в сочинениях своих предшественников и современников. «Я вспоминаю,— пишет он,— что один из эмиров Хорезма заболел и ему из Нишапура прислали рецепт лекарства против его болезни. [Рецепт] показали фармакогностам, и они не могли отыскать одно лекарство, указанное в нем. Только один из них сказал, что оно у него имеется. Пятнадцать дирхамов этого лекарства купили у него за пятьсот дирхамов чистого [серебра]. Он выдал им корневище касатика. Они упрекнули его, а он сказал: „Вы купили то, чего не знаете только по названию, а не по сущности“» [69, т. 4, с. 140]. Свой труд Амирдовлат предпринял, чтобы восполнить эти пробелы и дать своим современникам подлинную энциклопедию лекарственных средств.

В предисловии он подробно останавливается на теории средневекового лекарствоведения, разработанной в трудах выдающихся ученых-энциклопедистов Востока: аль-Кинди (IX в.) и Ибн Сины. «И знай,— пишет Амирдовлат,— что все, созданное в мире творцом богом, делится на три рода веществ: либо пища, либо лекарство, которое может быть полезным для тела, либо [яд], который причиняет ему вред, меняет природу человеческого тела и убивает его» [43, с. 3]. По мнению Амирдовлата, различие между пищевыми и лекарственными веществами состоит в том, что пища «подчиняется воздействию человеческого тела», а лекарство «само подчиняет его себе».

Армянский бжшкет придавал большое значение экспериментальному изучению лекарственных веществ,

подчеркивая необходимость соблюдения ряда условий при эксперименте. «Первое условие,— пишет он,— заключается в том, что применяют испытанное лекарство в чистом виде, без посторонних примесей... Второе условие заключается в том, что, когда испытывают одно лекарство, надо давать его человеку с умеренной (уравновешенной) натурой, так чтобы видно было его действие на природу... Третье состоит в том, что одно лекарство следует испытывать при одной болезни, а не при двух или более болезнях... Четвертое условие заключается в том, что когда одно лекарство оказывается полезным при нескольких болезнях, то следует проверить, является ли это действие чем-то присущим только ему, или же оно зависит от других посторонних обстоятельств... Пятое условие состоит в том, чтобы сила лекарства соответствовала бы силе болезни... Шестое условие состоит в том, чтобы учитывать время года, ибо имеется такое время, когда лекарство действует, и такое, когда оно не действует или оказывает слабое действие... Седьмое условие состоит в том, чтобы при введении этих лекарств действие их было бы постоянным» [43, с. 4].

Некоторые из этих условий были сформулированы в «Каноне» Ибн Сины, другие, в частности 2, 3 и 6-е, отходят от него [11, кн. 2, с. 14—15]. Здесь у Амироволата чувствуется понимание необходимости чистоты эксперимента, исключения посторонних факторов, влияющих на результаты опыта и объективной интерпретации полученных данных. Это говорит о все более глубоком проникновении экспериментального метода в фармакогнозию. Однако Амироволату были также хорошо известны опасности, которые таят подобные опыты для здоровья больных, а потому он предупреждал: «В наши времена случается врачам испытывать лекарства, которые не были известны первым учителям медицины. Но следует помнить, что эти опыты весьма опасны и от них бывает много вреда для [здоровья] человека» [43, с. 5].

Большое значение придавал Амасиаци также наблюдениям над животными. Именно таким образом были обнаружены лечебные свойства фенхеля, чистотела и некоторых других целебных трав, в деле использования которых учителями человека были ласточки и змеи.

Важным средством для суждения о действии лекар-

ственных веществ, по мнению армянского бжшкapeda, было установление их физико-химических свойств. «О свойствах этих лекарств можно узнать пятью способами,— пишет он.— Первый — как они растворяются: быстро или, напротив того, медленно, второй — с какой скоростью они высыхают: быстро или, наоборот, медленно. Третий — по виду, четвертый — по запаху и пятый — по цвету» [43, с. 5]. Эти свойства лекарств по теории средневекового лекарствоведения зависели прежде всего от их природы, т. е. от преобладания одного из четырех первичных элементов (вода, земля, огонь, воздух) и от их свойств (холод, теплота, влажность, сухость).

Исходя из учения аль-Кинди о степенях природы лекарств, Амирдовлат приводит сложные расчеты для лекарственных смесей, анализирует случаи смешения различных лекарств. «Рассмотрим случай смешения лекарств,— пишет он,— из которых природа одного горяча в первой степени, а другого горяча во второй степени. То лекарство, природа которого горяча в первой степени, содержит две части теплоты и одну часть холода, то же лекарство, природа которого горяча во второй степени, содержит три части теплоты и три части холода. А когда эти оба лекарства смешивают, то природа [смеси] будет горяча в последней части первой степени и в начальной части второй степени, ибо на каждые две части холода требуется четыре части теплоты, чтобы соотношение было бы один к двум, и лекарство было бы горячим в первой степени. Но [данное лекарство] имеет на одну часть больше теплоты, чем это нужно для первой степени, и природа его вступает во вторую степень» [43, с. 12].

Дальнейшее развитие экспериментального метода в фармакологии привело к отказу от умозрительных положений этой теории, но во времена Амирдовлата они еще не подвергались сомнению. Определение природы лекарств и степеней их действия, а также природы больного считалось необходимым условием для назначения лекарств по принципу гиппократовской медицины: лечить «противоположное противоположным». «Надо с самого начала установить степень теплоты природы тела больного,— пишет Амирдовлат,— и давать ему лекарство с соответствующей степенью [холода], чтобы вернуть природу тела в нормальное состояние» [43, с. 4].

Там, где средневековые фармакогносты, отказавшись от схоластических построений, обращались к экспериментальным исследованиям физико-химических и фармакологических свойств лекарств, они добивались больших успехов. В книге «Ненужное для неучей» описаны 64 подобных свойства. Многие из них как бы образуют пары с противоположным действием, как-то: разреженное—плотное, ветрогонное—пучащее, изъязвляющее—рубцующее, увлажняющее—высушивающее, сгущающее—разрежающее, мочегонное—вызывающее задержку мочи, кровоостанавливающее—вызывающее кровотечение, ядовитое—антитоксическое и т. д.

Эмпирический опыт средневековых фармакогностов сказался также в рациональных способах приготовления лекарств (варка, растирание, сжигание, промывание). «Имеются лекарства, которые следует долго варить, например ревень, а есть такие, которые достаточно недолго варить, как, например, фиалка и повилка. А также лекарства нежные, которые не выдерживают растирания и размельчания, подобно скаммонии»,—сказано в предисловии книги «Ненужное для неучей» [43, с. 21].

Амасиаци уделял большое внимание правилам сбора и хранения лекарств. Он пишет: «Следует собирать листья [растения] тогда, когда они достигнут полного своего развития и не начали еще менять своей окраски... А что касается семян, например семян аписа, тмина, кумина и им подобных, то их следует собирать тогда, когда они полностью созреют и в них не останется влаги. Если это корни, как, например, корни слюногона, горечавки, бегена и им подобных, то их следует собирать тогда, когда листья [растения] начнут опадать. А если это цветы, например фиалка, или нарцисс, или лилия и им подобные, то их следует собирать тогда, когда они полностью раскроются, но лепестки еще не начнут осыпаться или менять своего цвета» [43, с. 21]. Сбор лекарственных растений он рекомендовал производить в сухую ясную погоду.

Кроме растений, лекарственным сырьем в средневековой фармакогнозии служили органы и ткани животных, их кровь и зола, полученная после сжигания, а также минералы. К животному и минеральному сырью предъявлялись строгие требования. «Что касается лекарств, которые готовят из органов тела животных, например из их рогов, или желчи, или пече-

ни, то их следует брать весной у молодого здорового животного, а у павшего брать не следует», — пишет Амирдовлат [43, с. 21]. В отношении минерального сырья он советовал «выбирать чистые и хорошие минералы, не имеющие внутри примеси земли или камней».

Хранение лекарств было также подчинено строгим правилам. В книге «Ненужное для неучей» указано пять способов сохранения силы лекарств: «Первый способ — это взять лекарство, приготовить лепешки, высушить в тени и сохранить, как, например, корицу. Второй — смешать лекарство с таким, которое по своей природе способствует сохранению его силы, как, например, камфора, которую хранят с перцем, или колючий мак — с орехом... Третий — хранить эти лекарства в такой посуде, чтобы они не утратили своей силы. Посуда должна быть с узким горлышком, которое следует залепить воском, чтобы от действия воздуха эти лекарства не изменились и не утратили бы своих свойств, как, например, мускус и камфора и им подобные. Четвертый — знать, в каком месте следует хранить лекарство. Это место должно быть умеренным в отношении холода и влажности, теплоты и сухости. Не следует хранить лекарства в таком месте, где плохо пахнет или дымно. Пятый — помнить правила хранения лекарств, так чтобы острые лекарства не держать вместе со слабыми, например, скаммоний и опий» [43, с. 22]. Многие из этих предписаний, выработанных эмпирическим путем, не утратили своего значения и сегодня.

В предисловии автор описывает структуру основной части — словаря лекарственных средств и правила пользования им. «Знайте и поймите, братья, — обращается он к читателю, — что форма этой книги такова, что название одного лекарства написано на многих языках в алфавитном порядке... И все названия можно найти по алфавиту, но описание лекарства мы упоминаем только при одном названии. И так построена эта книга» [43, с. 3]. В предисловии приводится также список сокращений, использовавшихся в книге. «Знай, что для каждого языка мы применили особое краткое обозначение... — пишет Амирдовлат, — и эти сокращения мы применили, чтобы избежать многословия и не затруднять изложения. А также мы поступили подобным образом с именами учителей меди-

пины [и их трудами], дав сокращенные обозначения» [43, с. 24].

Основная часть книги «Непужное для неучей» — словарь лекарственных веществ — содержит 3378 параграфов, распределенных в 36 разделах в последовательности букв армянского алфавита Маштоца. Однако в средние века классическое произношение некоторых букв претерпело изменение, кроме того, были введены две новые буквы «о» и «фэ». У Амирдовлата в разделе на «фэ» содержится 96 параграфов.

Хотя одно и то же лекарственное вещество встречается в нескольких параграфах словаря под разными названиями-синонимами, однако только в одном или в редких случаях в двух параграфах дается подробное описание его свойств. Поэтому реальное число лекарственных веществ в книге «Непужное для неучей» значительно меньше числа параграфов и составляет примерно 1400. Из них подавляющее большинство (1000) — это растительные средства, 250 — животные препараты и 150 — минералы. Отметим кстати, что в 750 параграфах «Materia medica» Диоскорида описано 570 растений, 100 животных и 80 минералов. Общее число параграфов второй книги «Канона» Ибн Сины равно 811, в которых дается описание 590 растительных средств, 125 животных препаратов и 85 минералов. В 1116 параграфах «Сайданы» Бируни описал 880 лекарственных растений, 101 животное и 107 минералов. Наконец, в «Большом собрании о свойствах известных простых лекарственных и пищевых средств» Ибн Байдара дано толкование свыше 2600 названий лекарственных веществ, около трети которых составляют синонимы. Таким образом, книга Амирдовлата Амасиаци «Непужное для неучей» по объему информации не уступает самым обширным фармакогнозиям античных и восточных авторов. В ней приводятся сведения о физико-химических, лечебных и токсических свойствах лекарственных средств растительного, животного и неорганического происхождения, данные о морфологических признаках растений, о географическом распространении и др.

Лекарственные растения, использовавшиеся Амирдовлатом, — это в основном представители высших растений: мохообразных, папоротникообразных, голосеменных и особенно покрытосеменных, или цветковых, хотя встречаются и некоторые виды низших растений

(водоросли, грибы, лишайники). Из цветковых растений в книге «Ненужное для неучей» чаще всего упоминаются виды и роды, которые в современной классификации принадлежат к ботаническим семействам лилейных (Liliaceae), орхидных (Orchidaceae), злаков (Gramineae), маковых (Papaveraceae), лютиковых (Ranunculaceae), капустных (Brassicaceae), крапивных (Urticaceae), мальвовых (Malvaceae), розоцветных (Rosaceae), гречишных (Polygonaceae), буковых (Fagaceae), каперсных (Capparidaceae), бобовых (Fabaceae), сельдерейных (Apiaceae), яснотковых (Lamiaceae), пасленовых (Solanaceae), норичниковых (Scrophulariaceae), астровых (Asteraceae) и к некоторым другим. В качестве лекарственного сырья, кроме цветов, листьев, корней и семян, служили также растительные масла, млечные соки и камеди, которые очень ценились в древности.

В средневековой медицине в лечебных целях использовались многие представители животного царства. В фармакогнозии Амирдовлата из беспозвоночных упоминаются губка, медуза, черви (земляной, кермесный, шелковичный), моллюски (теллина, «морской заяц», осьминог, каракатица, улитка), насекомые (вошь, муха, сверчок, цикада, шпанские мушки, кожеед, павозный жук, саранча, муравей, ракообразные (речной и морской рак, мокрица), паукообразные (скорпион, фаланга, клещ) и некоторые другие виды.

Значительно богаче представлены в книге «Ненужное для неучей» виды позвоночных животных: рыбы (сом, рыба-звездочет, краснобородка, скумбрия, сельдь, «морской скорпион»), из земноводных — лягушка, пресмыкающиеся (змеи, в частности гадюка, крокодил, черепаха морская и сухопутная, ящерица геккон, стеллион, варан, сцинк, хамелеон), птицы (голубь, горлица, курица, утка, гусь, фазан, куропатка, дрофа, перепелка, ласточка, коршун, сокол, орел, орлан, журавль, гриф, воробей, скворец, древесный щегол, крапивник, или троглодит, павлин, страус, фламинго, огарь, нырок), млекопитающие (собака, кошка, осел, лошадь, свинья, кабан, овца, коза, газель, олень, безоаровый козел, корова, буйвол, верблюд, заяц, виверра, кабарга, лисица, медведь, волк, лев, гиена, тигр, барс, обезьяна, соболь, крот, бобр, ласка, летучая мышь, еж, мышь, слон, нарвал, носорог).

В лечебных целях применялись мозг, печень, желудок, селезенка, легкие, трахея, яички, вымя, костный мозг, молоко, мясо, кровь и жир животных, а также желчь, сывороточная закваска из рубцов желудка, мускус, бобровая струя и т. д. Лекарственные свойства приписывались поту, слюне, моче и помету животных, их коже, шерсти, костям, рогам, копытам и золе, полученной при их сжигании. Большой популярностью пользовалось лекарственное средство из влажной, т. е. необезжиренной, шерсти (ланолин), содержащее млечные соки молочая и некоторых других растений. Его готовили также искусственным путем. «Автор сей книги говорит,— пишет о себе Амирдовлат,— что ее готовят искусственным путем. Берут шерсть из курдюка овцы, кладут в горшок и кипятят с водой. И все масло собирается на поверхности воды. Оставляют, чтобы оно остыло и слилось. Это и есть другой вид „влажной шерсти“. А также говорят, что на хвосте у буйволят собирается сок тех растений, которые содержат млечный сок, подобно молочайным. Его берут, варят и дают сгуститься. И это также один из видов „влажной шерсти“» [43, с. 159].

Действие этого лекарства во многом близко к прополису, именуемому также «пчелиным мумие». О последнем в книге «Ненужное для неучей» приводятся следующие данные: «Автор сей книги говорит, что мы много раз испытали его при переломах костей, падении и кровотечении. Он оказывает такое же действие, что и мумие. А доза его на прием — 1 драм. Согревают его с 10 драмами меда или с сахаром и пьют. И говорят, что прополис — это вещество, которое бывает в меде» [43, с. 388]. Современными исследованиями установлено, что прополис, или пчелиный клей, представляет собой высокомолекулярное органическое соединение, содержащее смолы, балзамы, воск, витамины, эфирные масла, флавоноиды, цветочную пыльцу, а также неорганические элементы: железо, марганец, кремний, алюминий, ванадий и стронций [70, с. 194—200]. Любопытно отметить, что происхождение мумие некоторые исследователи также связывают с пчелами, полагая, что оно представляет собой ископаемый мед, а по другой гипотезе — продукт выделения дикой медоносной пчелы [71, с. 14]. Большинство же ученых рассматривают мумие как сложное природное соединение, состоящее из растительных остатков, экстре-

ментов животных и продуктов разложения углеводов. В средневековой медицине нашли применение и некоторые другие природные соединения, содержащие углеводороды, например битум, нефть, озокерит, асфальт, которые также считались заменителями мумие.

Что касается меда, то в книге «Непужное для неучей» он рекомендуется как ценный пищевой продукт и одновременно как лекарственное вещество с антитоксическими, антисептическими и тонизирующими свойствами. К нему предъявлялся ряд требований. «Лучшим медом,— пишет Амирдовлат,— считается сладкий и чистый, с приятным запахом и хорошим вкусом, белого цвета. Говорят также, что хорош тот мед, который красноватого оттенка, весенний или летний. А осенний и зимний мед нехорош... хороший же мед тот, который пчела берет в самое благоприятное время» [43, с. 379].

Тонизирующими и общеукрепляющими свойствами обладала также амбра, продукт выделения кишечника кита. «А я, негодный и недостойный слуга,— пишет о себе Амирдовлат Амасиаци,— слышал, узнал и написал немного об амбре. Знай, что в Индийском море имеются острова, а на тех островах — горы, и на горах — круглые расщелины, в которых гнездятся пчелы. И со временем пакапливается много их меда. А в летние дни он под действием солнечного жара плавится и стекает в море. Мед, когда попадает в воду, растворяется и исчезает, а воск всплывает на поверхность моря, ибо он легкий. И морские коровы заглатывают его. Когда же он спускается в их желудок, то не переваривается, а выходит наружу. И снова он не лишается своих качеств воска и остается на поверхности моря. А рыбы заглатывают его и погибают. И мертвых [рыб] море выбрасывает на берег. Приходят [люди], собирают их и извлекают из брюха рыб воскоподобное вещество. Это и есть амбра» [43, с. 393]. Итак, еще одно лекарственное вещество, происхождение которого в средневековой науке связывалось с деятельностью пчел!

Высоко ценились на Востоке антитоксические свойства «козлиного камня», или безоара, который получали из кишечника безоаровых козлов, вида, встречающегося в фауне Армении. Образование его, по данным Амирдовлата, связано с пищей, поедаемой этими животными. В книге «Непужное для неучей»

говорится: «Козлиный камень, именуемый безоаром, образуется [в желудке] диких ланей. А когда его растирают, то в нем находят семена и кусочки ветвей льнянки. Ибо тот безоар там образуется в течение многих дней и постепенно увеличивается и растет. И говорят, что пищей тем ланям служат лишь змеи и льнянка. И ему присущи свойства терьяка» [43, с. 372—373]. Само растение льнянка (*Linaria vulgaris* Mill.) считалось также противоядием от укуса змей (арабское название ее «мухаллиса» буквально означает «избавляющая, спасающая»). Что же касается неорганических компонентов безоарового камня, то они в основном представляют собой гидрофосфат кальция, молекулы которого по своим размерам равны молекулам одного из ядовитых соединений мышьяка — гидроарсената кальция. Вследствие этого они легко обменивают свой фосфат на арсенат и связывают его, что ведет к обезвреживанию мышьяка, одного из наиболее распространенных в средние века ядов.

В фармакогнозии Амирдовлата Амасиаци из лекарственных веществ неорганического происхождения описаны металлы: золото, серебро, медь, железо, олово, свинец, ртуть, из неметаллов — сера, из веществ с промежуточными свойствами: сурьма и мышьяк, а также их сложные соединения, окислы и соли: гематит, зеленый купорос (FeSO_4), желтый купорос [$\text{Fe}_2 \cdot (\text{SO}_4)_3$], магнетит ($\text{FeO} \cdot \text{Fe}_2\text{O}_3$), пирит (FeS_2), свинцовый глет, сурик, свинцовые белила, галенит (PbS), жженый цинк (тутия — ZnO), «медный цвет» (CuO), «ярь-медянка» [$\text{Cu}(\text{CH}_3\text{COOH})_2$], малахит [$\text{CuCO}_3 \cdot \text{Cu}(\text{OH})_2$], хризоколла ($\text{CuSiO}_3 \cdot n\text{H}_2\text{O}$), белый мышьяк (As_2O_3), «красный мышьяк» (реальгар — As_2S_2), желтый мышьяк (аурипигмент — As_2S_3), киноварь, селитра, бура, сурьмяный блеск (Sb_2S_3), поташ, пегашеная известь, поваренная соль, сода, нашатырь, квасцы, острацит (CaCO_3), гипс, пиролузит.

Соединения кремния, главного элемента минерального царства, — силикаты и алюмосиликаты входят в состав глин (армянской, печатной и др.), а также слюды, талька, стекла, глазури, которые употреблялись в средневековой медицине. В «Непужном для неучей» описаны также драгоценные и полудрагоценные камни, которым приписывались лечебные свойства: алмаз, яхонт, изумруд, лазурит, жемчуг, аметист,

бирюза, горный хрусталь, сердолик, янтарь, гагат, оникс, коралл, яшма, лунный камень, селенит, змеиный камень, или серпентин, орлиный камень, или азтит. Помимо этих широко известных камней, Амирдовлат Амасиаци упоминает и о ряде других, почти забытых или вовсе не известных в наши дни: «асском камне», «фригийском камне», «иудейском камне», «коптском камне», «эффопском камне», «фракийском камне», «млечном камне», или галактите, «медовом камне», или мелитите, «сосцовом камне», «точильном камне», «камне губки», «камне леопарда», «бычьим камне», «голубином камне», «рыбьим камне», «собачьим камне», «морском камне», «камне Барки», «камне Павла», «индийском камне», «камне сапожников», «камне красильщиков» и т. д.

Информация, содержащаяся в книге «Непужное для неучей», о простых и сложных веществах неорганической природы во много раз превосходит ту, которая приводится в естественнонаучных трудах представителей киликийской школы, и в частности в сочинении Мхитара Гераци «О драгоценных камнях и их лечебных свойствах» и в «Книге о природе» Ишхоа (XIII в.). Это говорит о дальнейших успехах минералогии и химии в средневековой Армении, создавших благоприятную почву для развития химиотерапии. Амирдовлат Амасиаци описал способы получения некоторых металлов (ртути, цинка, свинца) и их окислов из руд, для чего последние подвергались обжигу. В параграфе о свинце он рекомендовал следующую методику приготовления лекарства против кожных высыпаний: «Мелко размельчить и положить в кувшин слой свинца и слой серы, пока кувшин не заполнится, и поставить на огонь, чтобы перегорело и появилось пламя, смешать с железом и [оставить до тех пор], пока не превратится в землистую массу» [43, с. 71].

В параграфе о ртути описан метод возгонки: «Автор сей книги говорит, что есть много способов возгонки ртути. Но мы укажем один. Возьми ртуть и в половинной ее дозе свинец или олово, смешай и разотри, чтобы смесь стала бы похожа на жидкий купорос, размельчи равное количество черепицы и смешай с ней, а также прибавь равное количество прокаленной соли. И все это размельчи на мраморной плите. Прибавь сок щавеля и нежно растирай до полной мягкости, а затем прокали и налей в бутылку. Залепи глиной

горлышко бутылки или же положи в новый горшок и залепи крышку глиной, поставь на огонь, снованими с огня и разотри с соком щавеля. Прodelай это 6—7 раз, а затем разотри, налей в бутылку и залепи глиной горлышко. И возгонку сделай 3 раза, пока ртуть не станет белой как жемчужина» [43, с. 151—152]. Описывая метод сублимации (возгонки) ртути, разрабoтанный арабскими учеными, Амирдовлат употребляет приятый в алхимической литературе арабский термин «тас'йд».

Зародившись в недрах алхимии, средневековая химия заимствовала у нее свою терминологию и методы выделения, синтеза и анализа веществ. Алхимичке Марии приписывают следующие слова: «Когда вы в наших книгах читаете об обжиге, размельчении, растирании или возгонке, то знайте, что все эти способы служат мацерации элементов в их воде» [72, с. 181, 261].

По алхимической теории ртуть играла большую роль в происхождении неорганического мира, и в частности металлов и драгоценных камней. В «Книге о природе» Ишоха сказано: «Первое творение природы — ртуть и сера, которые создаются с помощью солнца; вначале [образуется] ртуть, а из ее дыма — сера и из них — все вышесказанное» [73, с. 40]. Амирдовлат Амасиаци наряду с общеизвестными названиями ртути (армянское «сндик», арабское «зи'бак», персидское «жйва») употребляет и целый ряд тайных алхимических ее имен: «посредник» (арабское «симсār»), «змея» (арабское «ал-хаййа»), «глаз» (арабское «ал-'айн»), «вода» (арабское «ал-мā'»), «беглец» (арабское «ал-фаррār»), «дух» (арабское «ал-рūх») и др.

При описании всех этих лекарственных веществ в книге «Непужное для неучей» Амирдовлат Амасиаци в отличие от «Таблицеобразного словаря», где он в основном ссыался на данные античных и восточных авторов, здесь чаще апеллирует к собственному опыту, нередко вступая в спор с авторитетами медицины. В параграфе о медовом елее, который Диоскорид и Ибн Сина считали маслянистым выделением некоторых экзотических деревьев, он пишет: «А я, ничтожный из врачей, остаюсь при том мнении, что этот елей выделяется елью» [43, с. 35]. Или, приводя высказывания автора «Ихтийарата Бади» относительно того, что лишайник растет «на ели и дубе, а также и на

орешнике», он возражает: «А я, негодный слуга божий, заметил, что он растет па земле» [43, с. 95].

Оспаривая мнение некоторых авторов о том, что толченый алмаз обладает ядовитыми свойствами, он пишет: «Я видел человека, который съел его и не умер» [43, с. 37]. Бируни в свое время поставил подобный опыт на собаке: «В моем присутствии собаку напоили им, но это не оказало никакого действия на нее ни сразу, ни позже» [74, с. 85]. Говоря об анти-токсических свойствах печатной глины, Амирдовлат Амасиаци ссылается на собственный опыт: «При мне годовалый ребенок съел 2 мтхала мышьяка и через час ему [дали] съесть немного этой глины. Он вырвал все, что съел. А затем ему дали немного материнского молока, он опять вырвал, и один раз его пронесло. И таким образом он избавился от яда» [43, с. 126]. Обсуждая правильность мнения о ядовитых свойствах желчи гадюки, он пишет: «Я видел человека, который ловил змей. Он съел змеиную желчь, когда поймал змею, и с ним ничего не случилось. Этот человек, охотник за змеями, сказал мне: „Это мое занятие, и я всегда ее ем, но она мне не вредит“» [43, с. 345]. Отметим, кстати, что в этом вопросе его взгляды расходятся с мнением Ибн Сины, считавшего, что змеиная желчь — «это один из ядов, которые, если выпить их так, чтобы они убивали, вызывают один за другим обмороки, и редко помогают от них лекарства» [11, кн. 4, с. 451].

Вообще автор книги «Непужное для неучей» проявлял большой интерес к вопросам токсикологии. Относительно льяпки он писал: «Я видел человека, который выпил один мтхал этого лекарства, когда солнце вступило в дом Овна, и в этот год ему несколько раз давали смертельный яд, но это ему не повредило» [43, с. 372]. Им было отмечено потенцирующее действие некоторых лекарственных веществ на яды, например на пчелиный яд: «Автор сей книги говорит, что как-то увидел женщину, которая поела листьев петрушки и в тот же день была ужалена пчелой, не прошло и часу, как женщина умерла ... И беременной женщине также не следует есть петрушку» [43, с. 592].

О молочае смолистом (*Euphorbia pithyusa* L.) он сообщает следующие данные, плод его наблюдений: «Автор сей книги говорит, что если корова съест его,

то в тот же миг подохнет, а если овца съест, то выживет, и он не причинит ей какого-либо вреда. Если же его млечным соком, сухим или свежим, смазать лишай, то поможет. Это испытано много раз» [43, с. 432]. Описывая клоповник широколистный (*Lepidium latifolium* L.), Амирдовлат высказывается в пользу индийской его разновидности по сравнению с персидской, ибо последняя обладает раздражающим действием на кожу: «Мы испытали [персидский] и нашли, что если смазать [кожу] свежим его [соком], то в тот же миг вызовет появление пузырей на том месте. А индийский не вызывает [их]» [43, с. 429]. Говоря о нурваке, или «корне бесплодия», он отмечает, что его свойства не были известны ни Ибн Джазле, ни Ибн Байтару. Отстаивая свои взгляды, армянский бжшкапет дерзал критиковать этих авторитетных ученых. Он полемизировал с Ибн Джазлой относительно ядовитых свойств плодов мелии ацедарах (*Melia azadirachta* L.): «Автор Минхача сказал, что они ядовиты. Мы испробовали, и оказалось, что это не так. Плоды ее на вкус слегка сладкие. И автор Минхача сказал, что они очень горькие, но это [также] не так» [43, с. 34]. На ошибки Ибн Джазлы в свое время указывал и Ибн Байтар. Амирдовлат Амасиаци нередко не соглашался с мнением не только Ибн Джазлы, но и ар-Рази, а также автора «Ихтийарата Бади» аль-Ансари. Он оспаривал взгляды этих двух авторитетов по вопросу о происхождении аэтита, или орлиного камня, который они ошибочно отождествляли с индийским деревом или индийским орехом. К этому вопросу он еще раз вернулся в параграфе об индийском орехе (*Caesalpinia bonducella* Roxb.): «Говорят, что это орлиный камень, но это недостоверно. Автор Чамэи (ар-Рази) сказал, что это семя арековой пальмы. Но это также недостоверно. А автор сей книги сказал и установил, что это „индийские бобы“» [43, с. 85].

Не полагаясь слепо на утверждения авторитетных источников, армянский бжшкапет всегда стремился проверить их слова на деле. В книге «Ненужное для неучей» он описывает способ лечения артрита шандрой (*Marrubium vulgare* L.): «Роят яму в человеческий рост, внизу насыпают песок и зажигают костер, пока яма не накалится, и тогда огонь гасят, на его место насыпают эту траву и укладывают больного, который не может двигаться, а сверху прикрывают

его этой же травой и накрывают одеждой. И он должен лежать до тех пор, пока в яме сохраняется тепло, и тогда по божьему милосердию встанет на ноги целым и невредимым» [43, с. 612]. В конце Амирдовлат прибавляет: «Я сам это испытал с божьей помощью».

Порой он подвергал сомнению высказывания самого Diosкорида. «Диоскорид говорит, что лучший вид эбена тот, который привозят из Абиссинии. А я дивлюсь его словам,— пишет Амасиаци,— ибо в Абиссинии эбена нет, а этот эбен привозят из Исфахана и Фуваха (Мадагаскар). Его привозят также с острова, который зовется Гамир (Коморские острова)» [43, с. 67].

Таким образом, в книге «Ненужное для неучей» виден самостоятельный подход автора к описываемым явлениям, прекрасное владение материалом, основанное на собственных наблюдениях и изучении первоисточников, а также педюжипные познания в области фармакологии, токсикологии, лекарственной ботаники, химии и зоологии.

Амирдовлат Амасиаци — ботаник и географ

Анализ ботанической информации, хранящейся в книге «Ненужное для неучей» Амирдовлата Амасиаци, представляет большой интерес для изучения истории ботаники и географии в Армении и странах Востока. Он дает современному ученому уникальную возможность увидеть глазами средневекового ботаника и географа картину растительности обширной Армено-Иранской, или Ирано-Анатолийской, флористической провинции, охватывающей аридные и субаридные области Армянского, Малоазийского и Иранского нагорий [75, с. 7]. Именно здесь, на территории исторической Армении, протекала творческая деятельность Амирдовлата Амасиаци, пытливого исследователя, описавшего в своей фармакогнозии около 1000 видов этого региона, а также многие растения соседних флористических провинций (Кавказской, Туранской, Балканской [76]).

Армянской флоре присущи интереснейшие типы растительности, в том числе галофитные, гигрофитные псаммофитные, эфемерово-галиантиевые, полынные и

другие формации, среди которых много реликтовых и эндемичных видов, занесенных в Красную книгу. Можно проследить судьбу некоторых из них, описанных средневековым армянским ботаником в XV в. Краткие, лаконичные, но одновременно емкие, не лишённые выразительности и в научном отношении достоверные ботанические описания в книге «Неужное для неучей» в целом дают возможность составить правильное понятие о внешнем виде, строении органов, морфологии растения, месте произрастания или экологической характеристике вида, а также о его лечебном и пищевом применении. Большинство описаний в книге построено по принципу аналогии. Так, о воробейнике лекарственном (*Lithospermum officinale* L.) — растении, встречающемся в древних могильниках Армении, Амирдовлат пишет: «Он имеет белые семена, похожие на серебро. А листья его похожи на листья масличного дерева. Но они более длинные и уплощенные. Он растет на каменистых и высоких местах. И стебли у него длинные и тонкие. А на каждом стебле имеются мелкие листочки, как у пырея. И под каждым листом находится крепкое и круглое семя, похожее на камешек» [43, с. 306—307].

Не менее убедительно звучит описание горчичника: «Это растение, листья и стебель которого напоминают фенхель. У него множество волосков. А на верхушке находится цветок. Корень его черный, а запаха тяжелый. И верхушка у него липкая. Он растет в горах и тепистых местах» [43, с. 131]. Ныне *Peucedanum luxurians* Tamamsch., как и *P. caucasicum* (Bieb.) C. Koch., и *P. zedelmeyeranum* Manden., встречающиеся во флоре Армении; относятся к числу редких, исчезающих видов семейства зонтичных [77, с. 11]. К последнему принадлежит также дорема гладкая (*Dorema glabrum* Fish. et Mey.), продуцирующая смолу, которая широко использовалась в средневековой армянской фитотерапии. В настоящее время вид этот находится под угрозой полного исчезновения [78, с. 40]. В книге «Неужное для неучей» описаны и другие продуценты камедесмол из семейства зонтичных — *Ferula persica* Willd., *Oporanax persicus* Boiss., которые благодаря своим лечебным свойствам нещадно истреблялись на протяжении веков и перешли в категорию редких видов армянской флоры.

Такая же судьба в дальнейшем ожидала и многие

ценные лекарственные растения из семейства тыквенных, о которых писал Амасиаци. Среди них следует отметить виды переступня: *Bryonia alba* L. и *B. dioica* Jacq., ареал распространения которых за последние годы резко сократился. Сравнительно большой редкостью стал и другой лекарственный вид из семейства Cucurbitaceae, описанный в книге «Ненужное для неучей», — бешеный огурец (*Escballium elaterium* (L.) Rich.), а также чрезвычайно интересное растение — колоквиит (*Citrullus colocynthis* Schrad.), являющийся сахаро-синдским флористическим элементом. Последний совсем недавно был обнаружен в Армянской ССР в районе Мегри.

Подобные флористические находки в свою очередь подтверждают научную достоверность информации, приведенной в труде Амасиаци. Этот и многие другие редкие виды флоры Армении, описанные в средневековой армянской фармакогнозии XV в., но долгое время слывшие исчезнувшими и не приводившиеся для данного региона, благодаря неустанным поискам были найдены вновь, что дало основание считать «Армению с точки зрения флористических находок поистине волшебной страной» [79]. В связи с этим нельзя не упомянуть об аире (*Asogus calamus* L.) — растении, в прошлом встречавшемся в целом ряде пунктов Ара-ратской долины, а затем хищнически истребленном из-за лекарственного и пищевого значения своих корневищ. В последние годы он вновь был обнаружен в окрестностях Эчмиадзина. Любопытно отметить, что и во времена Амирдовлата его с трудом можно было встретить в Армении, куда аир в основном импортировался из других стран. В книге «Ненужное для неучей» сказано: «Это корень растения, который привозят из Индии. Он похож на ятрышник. Он белого цвета, и на нем имеются черноватые точки. А на вкус он горьковатый» [43, с. 35–36].

Таким образом, процесс исчезновения ценных лекарственных растений армянской флоры начался много веков назад. Это привело к тому, что ряд видов, которые были описаны в армянской рукописной литературе до Амирдовлата, уже не встречаются в книге «Ненужное для неучей», например растение амаспюр. Последнее идентифицируется с одним из видов рода *Lychnis* L. Обнаружение на территории Армении некоторых очень редких видов его, в частности *L.flos su-*

culi L. и *L. coriacea* Moench., внушает надежду, что в будущем удастся найти и идентифицировать легендарный амаспур [80]. Из числа лекарственных растений, описанных у Амирдовлата и вновь обнаруженных во флоре Армении, следует отметить также льнянку обыкновенную [80]. В книге «Неужное для неучей» дается довольно точное, за исключением листьев, ее описание: «Это растение, листья которого похожи на листья петрушки. А цветок похож на скорпиона... Растет в сорных местах. И семена у него мелкие, а цветок белый с желтоватым и черноватым оттенком» [43, с. 372]. Наряду с этим описаны и два других вида с иной экологией (один из них произрастает в горных, каменистых местах, другой — по берегам рек) и красноватой окраской цветка.

В средневековой армянской фармакогнозии имеются данные относительно целого ряда растений из арсенала армянской народной медицины, которые и поныне широко распространены на территории Армении. Довольно убедительно звучит ботаническая характеристика чебреца, или тимьяна (*Thymus kotschyanus* Boiss. et Hohen.) — растения армянской флоры, хорошо знакомого Амирдовлату: «Стебли его толстые, а цветок белый или красноватый. Он растет в горах и на высоких местах, на вершине гор и в долинах. Стебли его тонкие, как у ситника, а листья похожи на листья дубровника-полиум и дикой мяты» [43, с. 237]. Одновременно средневековому ботанику удалось подметить явление изменчивости и полиморфизма растения при изменении места произрастания, что нашло подтверждение в современной ботанике: «Автор сей книги говорит, что часто чебрец превращался в мяту, [когда] менял место произрастания» [43, с. 409].

Среди эндемичных растений армянской флоры, описанных в книге «Неужное для неучей», большой интерес представляют некоторые реликтовые растения, миллионы лет произрастающие на третичных красных глинах, тянущихся с Джрвежского ущелья близ Еревана до села Мармарашен [75, с. 19]. Глина эта богата соединениями железа и содержит окись марганца. Растительная формация, образовавшаяся на ней и известная под названием эфемерово-галянтиевой, включает целый ряд древних видов дикой пшеницы, от которых произошли виды культурной пшеницы. Недаром Н. И. Вавилов считал Армению древнейшим очагом

происхождения культурных растений. Кроме видов дикой пшеницы — *Triticum boeoticum*, *T. urartu*, *T. araraticum* и др. с сильным внутривидовым полиморфизмом, здесь обнаружены также такие виды чернушки, как *Nigella oxypetala* и *N. sativa*, молочай-хамеэице (*Euphorbia chamaesyce*), маечк, или рогаый мак (*Glaucium corniculatum*), цикорий (*Cichorium glandulosum* Boiss. et Hohl.), желеэница (*Sideritis montana*), астрагал, пажитник и некоторые другие, описанные для данного флористического региона в книге Амасиаци [81].

Из реликтов третичного периода, встречающихся во флоре Армении, нельзя не упомянуть тисс ягодный (*Taxus baccata* L.), ареал распространения которого в настоящее время имеет тенденцию к сокращению [78, с. 169]. Амирдовлат пишет: «Я нашел это растение в Константинополе. Оно растет [там] в садах, а также [дику] среди камней, но если его извлечь вместе с корнем и пересадить в другое место, то оно не станет расти, а если ветви отрезать и посадить, те вырастет» [43, с. 144]. Последнее замечание заставляет вспомнить об одном из почетных титулов Амирдовлата при дворе Мухаммеда Фатиха — «бостанджипаша», который обычно трактуется как «начальник телохранителей», но буквально означает также «начальник огородников, садовников».

В фармакогноэии Амирдовлата Амасиаци описаны лекарственные средства как самой Армении, так и Балканского полуострова, Малой Азии и Ирана, т. е. тех краев, в которых ему довелось побывать. Кроме того, здесь содержатся сведения и о лекарственной флоре, фауне и минералах дальних стран, почерпнутые из античных и восточных источников, рассказов путешественников и купцов, побывавших в тех местах: на Пирепейском полуострове, в Северной Африке, Аравии, Индии, Афганистане, Средней Азии, Китае, на островах и побережье Средиземного, Черного, Эгейского и Красного морей, Персидского залива и Индийского океана. Таким образом, ареал лекарственных средств, использовавшихся в средневековой армянской медицине, охватывал страны Евразии и Африки, многие из которых издавна были поставщиками лекарственного сырья, благовоний и пряностей.

Во времена Амирдовлата Армения, лишенная госу-

дарственности и бывшая яблоком раздора между племенами Ак-Ююнлу, Кара-Ююнлу и Османской Турцией, еще сохраняла свою былую славу страны с богатыми лекарственными ресурсами, которой она пользовалась с античных времен. Однако бесконечные войны привели к застою в торговле, оживленные караванные пути, которые некогда проходили через армянские земли, пришли в запустение. Великолепные лекарственные сады и цветники, о которых пеклось армянское государство в эпоху Арташесидов, Аршакидов, Багратидов и Рубенидов, были заброшены, они уже не упоминаются в армянских летописях того времени.

Неудивительно, что в книге «Ненужное для неучей» не встречаются названия некоторых областей и городов исторической Армении, славившихся своими лекарственными средствами в пору процветания анийского государства. Так, разработки армянской глины, паходившиеся близ столицы царства Багратидов, о которых писал еще Ибн Сина в «Каноне», в XIV—XV вв. не эксплуатировались и пришли в запустение, как и сам город Ани, разоренный и утративший свое бывшее величие. Из древних городов Амасиаци упоминает город Ерзика в Высокой Армении, некогда бывший центром языческого культа богини плодородия Анаит, покровительницы армянской страны, которая вместе с Асттик почиталась богиней здоровья, так же как у древних египтян Изиды [8, т. 1, с. 51]. В параграфе о «золотом дереве» говорится, что оно растет не только в стране персов, но встречается и близ Карина (г. Эрзурум) [43, с. 137]. В другом месте упоминаются разработки знаменитой буры близ древнего армянского города Салмаста, впоследствии отошедшего к Ирану [43, с. 167].

В книге «Ненужное для неучей» говорится и о городах Киликийской Армении — Сисе, ее бывшей столице, и Тарсе, которые еще за сто лет до того были многолюдными и процветающими культурными центрами, а во времена Амирдовлата Амасиаци, видимо, тоже опустели и могли похвалиться лишь горькой полынью, бурно разросшейся в тех краях [43, с. 97]. Редко упоминал армянский бжшканет и о своей родине Амасии, которую он покинул в молодые годы, разве что когда писал об удивительно крупных экземплярах сома (по несколько десятков килограмм), водившихся в тамош-

них реках [43, с. 319]. Амасия и ее окрестности описаны в «Географии» знаменитого античного ученого Страбона, уроженца города. Здесь находились древнейшие серебряные и медные рудники. Город славился своим мягким здоровым климатом, замечательными целебными водами, ароматными яблоками, виноградом и айвой [9, с. 514, 526].

Из конкретных описаний, приведенных в фармакогнозии Амирдовлата, постепенно вырастает обобщенный образ исторической Армении, которую он именует «нашей страной» или «армянской страной», а также «страной Гайка» (по имени легендарного исполина Гайка, прародителя армян), славившейся своими лекарственными растениями и плодовыми деревьями, в особенности знаменитым армянским абрикосом, получившим у античных авторов название *Armeniaca*, а также ценными минералами (лазурит, хризокolla, бура и др.). К сожалению, Амирдовлат не всегда конкретно указывал географический ареал распространения лекарственных веществ, особенно когда речь идет о широко известных в прошлом представителях растительного и животного мира или минералах, ограничиваясь лишь кратким замечанием: «Это известно». Прекрасно знакомый с диетическими навыками своего народа, армянский бжшкапет пишет в параграфе об апухте (особом виде вяленого мяса): «А в нашей стране сушат и годами хранят говядину и баранину. И мы встречали людей, которые говорили нам, что в Грузии это сушеное мясо выдерживает двадцатилетний срок хранения» [43, с. 69].

В течение долгих лет Амирдовлат Амасиаци изучал лекарственные растения Балканского полуострова, в особенности флору окрестностей Константинополя, ставшего его второй родиной. Об аконите аптора, *Aconitum anthora* L., в книге «Ненужное для неучей» сказано: «Он растет в стране ромеев, в Македонии, в окрестностях Константинополя и по берегам Черного моря. Я, недостойный слуга божий, нашел его в селении близ Константинополя, которое именуется по-ромейски Тэркоз» [43, с. 322]. Константинополь упоминается также в связи с желтой охрой, которая добывалась в его окрестностях и нередко употреблялась в качестве заменителя печатной глины. Возможно, что именно ее и привезла первая экспедиция, посланная Мухаммедом Фатихом за печатной глиной, однако за-

мена была обнаружена опытными врачами, среди которых был, по всей вероятности, и сам лейб-медик султана.

Немало воспоминаний было связано у Амирдовлата и с городом Филиппополем на Балканском полуострове, где им был написан труд «Польза медицины». Город этот был памятен в связи с путешествием великого римского врача Галена, посетившего его за 14 веков до армянского бжшкапета на пути к острову Лемнос. Амирдовлат приводит описание этого путешествия со слов Галена: «И я, Гален, пожелал узнать, как смешивают и сколько берут этой [печатной] глины и сколько [козлиной] крови. Это желание не выходило у меня из сердца. Мне хотелось самому поехать, увидеть тот остров и [узнать], как обстоит дело с этой глиной. Я отправился [сперва] на остров Кипр, ибо там были у меня люди, зависевшие от меня, которых надо было увидеть. И я не поленился отправиться на остров Лемнос. Расскажем вкратце [об этом путешествии]. Поехал я в Антиохию, а затем доехал до Македонии, побывал там во всех городах, приехал в город Фаллинис (Филиппополь) и остался там, а затем добрался до берега моря. А от того города до моря расстояние в среднем 120 миль. И здесь я сел на корабль, проплыл 200 миль и доехал до того места, которое зовется Фасус (о-в Фасос в Эгейском море). А оттуда проехал еще 700 миль и доплыл до острова, который зовется Лемнос. И от этого острова до Александрии — 700 миль. Я не зря упоминаю об острове и расстояниях, а чтобы тот, кто захочет увидеть этот остров, путешествовал бы по тому пути, как и я» [43, с. 123]. Мы не знаем, повторил ли Амирдовлат в дальнейшем маршрут Галена, но такое намерение у него, вероятно, имелось. Из греческих островов ему были известны также Самос, родина самосской глины, и Хиос, откуда вывозилась знаменитая хиосская глина. Остров Хиос именовался также «мастичным», ибо там выращивалось мастичное дерево (*Pistacia lentiscus* L.), produцирующее мастику.

Изредка Амирдовлат Амасиаци упоминает и о Древней Греции, Элладе, но гораздо чаще о Византии, которую именует «страной ромеев». Последнее название в средневековой географии включало в себя также понятия Рима и Рума. Говоря об острове Сокотра, на котором выращивалось алоэ (*Aloe vera* L.),

он приводит следующие данные: «Говорят, что Сокотра — это остров, расположенный близ побережья Йемена. До этого острова — 40 фарсангов. И все жители того острова — язычники и колдуны, обладающие великой силой. Вначале они жили в стране ромеев. А Александр Македонский выслал их из этой страны на тот остров, чтобы они заселили его и готовили там сабур» [43, с. 519]. Из контекста видно, что «страна ромеев» — это в данном случае Эллада.

В фармакогнозии Амирдовлата упоминаются лекарственные средства, вывозившиеся из Шемахинского и Ширванского краев, расположенных на побережье Каспийского моря неподалеку от армянских земель. Из сока рогатого мака готовили там знаменитый «дербентский буш», называемый также «армянским бушем», — испытанное средство против подагры [43, с. 483]. Близ Дербента находилось месторождение гадата. Ширванский край был известен своим безоаром, соперничавшим с персидским.

Из соседних стран, в которых армянский бжжшкет побывал лично, чаще всего упоминается Иран и особенно город Шираз и его окрестности, где произрастало много лекарственных растений. В окрестностях Шираза он обнаружил панданус (*Pandanus odoratissimus* L.), сок которого считался полезным при проказе и других кожных болезнях [43, с. 589]. Интересные сведения сообщает Амасиаци относительно обнаружения безоара близ Шираза: «Автор сей книги говорит: „В мои дни в одном из селений Ширазского края был найден безоар, а в тех местах водилось много ланей, и они по вечерам мирно отдыхали. И люди, паходившиеся поблизости, обнаружили там безоар. В тех местах было найдено много безоара, и он помогал при всех болезнях“» [43, с. 373].

Из областей и городов Ирана в книге «Непужное для неучей» упоминаются также Хорасан, Гурган, Дарабджирд, Исфахан, Иезд, Керман, Нихавенд, Сиястан, Табаристан, Тавриз, Хамадан, Шахрез. В горах Ирана, по данным книги «Непужное для неучей», была найдена разновидность манны, называемая «сухим медом», которая по своему целебному действию превосходила мед. Нефть, природное богатство Ирана, применялась в лечебных целях. «Она бывает в стране персов, — пишет Амирдовлат. — Бывает черной и белой. Лучшим видом является тот, который белый и чистый.

Природа нефти горяча и суха в четвертой степени. Помогает при тугоухости, шуме в ушах, параличе, зубной боли и болезнях нервов холодной природы... Мы видели паралитиков, которые приняли ее и выздоровели» [43, с. 409—410].

Путешествуя по чужим краям, армянский бжшкапет обращал внимание не только на местные виды, но и на то, как акклиматизировались там иноземные. В параграфе о персее (*Mimusops schimperi* Hochst.) он пишет: «Это большое дерево. Растет в Персии. Его вывезли и посадили в Египте. Плоды его съедобны» [43, с. 195]. Вообще армянский бжшкапет сообщает много сведений о флоре и фауне Египта и стран северо-западной Африки, хотя нам не известно, был ли он там сам или пользовался данными других авторов. В книге «Ненужное для неучей» описаны как виды местной флоры: камеденосная акация (*Acacia arabica* Willd.), бальзамное дерево (*Commiphora opobalsamum* Engl.) и некоторые другие, так и растения, встречающиеся, кроме Египта, в Армении и в ряде стран Европы и Азии: иссоп (*Hyssopus* L.), сыть (*Cyperus* L.) и др.

Из городов Египта, кроме Александрии, упоминается древний город Айн-Шамс, где росло бальзамное дерево, продуцирующее целебный бальзам. «Там, где растет бальзамное дерево,— пишет Амирдовлат,— прежде был сад фараона, а в нем был колодец, который пазывался Айн-Шамс. И это бальзамное дерево — одно из чудес Моисея» [43, с. 560]. В параграфе о сыти, растении армянской флоры, приводятся данные об ареале ее распространения: «Это мелкие корни, похожие на волосы. Они известны в Дамаске и Египте, а также растут в Антиохии. И женщины употребляют их для отращивания волос» [43, с. 521]. Из представителей фауны Египта в фармакогнозии Амирдовлата описан нильский крокодил, кровь и органы которого применялись в средневековой медицине как тонизирующее средство и афродизиак [43, с. 510—511]. Из Египта привозили «глиняный камень», острацит, египетскую глину, «мемфисский камень», из Верхнего Египта, или «страны Санд»,— горный хрусталь, из Магриба — эфурбий, сандарак, селенит, сланец, из Абиссинии — эфиопский камень, а также эбеновое дерево (хотя последнее утверждение авторитетных источников Амирдовлат считал сомнительным).

Лекарственные флора и фауна Месопотамии были хорошо известны армянскому бжшкапету. Из городов Месопотамии — Амида, Багдада, Мосула, Басры — поступали многие виды лекарственного сырья. Две великие реки Месопотамии — Евфрат и Тигр — упоминаются в книге «Ненужное для неучей» в связи с описанием рыбы-звездочета (*Uranoscopus scaber*), которая водилась в их водах. Желчь этой рыбы считалась весьма полезной при начинающейся катаракте [43, с. 344].

В Иерусалиме и его окрестностях, а также в горах Иерусалима, по данным Амирдовлата, росли ценные лекарственные растения. Так, в отношении повилики (*Cuscuta epithymum* L.) и особенно иссопа, которые встречаются также во флоре Армении, сказано, что «лучший вид тот, который растет в горах Иерусалима» [43, с. 159].

В средневековой медицине славилась целебные растения Аравии, их камеди и смолы, а также животные и минералы. У Амирдовлата упоминаются аравийские города Мекка и Медина, области Йемен, Оман и Хиджаз, море Хиджаза (Красное море). Последнее именовалось также в средневековой географии морем Кульзума. Из Йемена привозили сердолик, алмазы, квасцы, «душистые ноготки», из Омана — ладан. На острове близ Омана росло драконово дерево (*Dracaena draco* L.), продуцирующее камедь, драконову кровь (*Sanguis draconis*), применявшуюся для лечения опухолей, язв и при кровотечениях [43, с. 556]. Из Мекки вывозили ситник ароматный (*Andropogon schoenanthus* L.) и сепну (*Cassia acutifolia* Delile). Близ Медины, по данным Амирдовлата, находилось богатое месторождение аметистов [43, с. 331].

Однако в отношении богатства своих природных ресурсов ни одна страна не могла соперничать с Индией, поставлявшей во многие страны, в том числе и в Армению, свои целебные травы, пряности, благовония и драгоценные камни. Из городов и областей Индии в книге «Ненужное для неучей» упоминаются Синд, Бенгалия, Кулон, Мандала, Мульта, Калькутта, а также Индийское побережье и Индийское море (последнее в средневековой географии именовалось также Зеленым). Из Индии вывозили растительное сырье: древесину алойного дерева, кендырь (*Aposynum erectum* Vell.), аир, эмбелию (*Embelia ribes* Burm.), индийскую кувшинку, малобатр (*Malabathrum*), индий-

ский пард, кубебу (*Piper cubeba* L.), псору (*Helictetes isora* L.), плоды арековой пальмы, стручковую кассию, зедоарий, аконит, панданус и черный перец. Относительно зедоария, который считался противоядием при отравлении аконитом, Амасиаци пишет: «В Индии есть высокая гора, которая называется Гарачил (Гималаи?). Это большая гора, по одну сторону которой находится Индия, а по другую — Китай. И это растение растет на той горе... Корень этого растения, именуемого зедоарием, является противоядием от него (аконита). Оба они растут в одном и том же месте. И если зедоарий растет рядом с аконитом, то он устраняет его вредное действие. А жители тех мест едят этот аконит и не испытывают никакого вреда» [43, с. 320].

Большой популярностью в средневековой фармакогнозии пользовались лекарственные растения, вывозившиеся из Китая. Китайская камфора, ревень, имбирь, сассапарила и некоторые другие растительные средства обстоятельно описаны в книге «Ненужное для неучей», равно как и лекарственные вещества животного и неорганического происхождения из страны Чин, или Хтай (так именовался Китай в средневековой армянской географии).

Говоря о китайском мускусе, который применялся в качестве тонизирующего и антитоксического средства, Амирдовлат Амасиаци пишет: «А также знай, что из Китая очень долгий путь, и едут морем, и мускус увлажняется и подвергается действию противоположных ветров, и сила его убывает» [43, с. 368]. Мускус вывозили и из Тибета, причем он ценился гораздо выше, ибо обладал более сильным действием по причине того, что «тибетский олень питается пардом и бегепом, а китайский [мускусный олень] пасется на других травах». Кроме того, тибетский мускус, видимо, везли не морским путем, а по суше, и он лучше сохранял свои целебные свойства.

Таким образом, вопросы лекарственной ботаники, географии и фармакогнозии тесно переплетались между собой, и от средневекового фармакогноста требовалось основательное знание природно-климатических условий великого множества стран, откуда поступало лекарственное сырье. Эти данные могут оказаться весьма полезными при изучении проблем растительных ресурсов вышеуказанных регионов, при состав-

лении карт восстановленного растительного покрова и при поисках редких, исчезающих видов, внесенных в Красную книгу.

Источники средневековой армянской энциклопедии

Энциклопедический труд Амирдовлата Амасиаци — это не только плод его личных наблюдений и исследований, но также обобщенный опыт предшествующих поколений античных, армянских и восточных естествоиспытателей и врачей, труды которых он цитирует. В книге «Непужное для неучей» в общей сложности имеются ссылки на 50 источников — для того времени довольно внушительная цифра. Во второй книге «Канона», посвященной простым лекарствам, упоминается всего 30 источников. По объему цитируемой литературы значительно превосходит их «Сайдана» Бируни (250 источников). Однако в ней труды врачей и фармакогностов составляют лишь четвертую часть, а остальное — это сочинения философов, поэтов, филологов, географов и путешественников.

Неоднократно ссылается Амасиаци на труды врачей, фармакогностов и естествоиспытателей античной и византийской эпох: Гиппократ, Аристотеля, Галена, Диоскорида, Руфа, Ксенократа, Кратеваса, Павла Эгинского, Теодокуса и Гуноса. Имена некоторых из них ныне мало известны или позабыты. Армянский бжшкапет считал одним из основных источников своей книги сочинения отца научной медицины Гиппократ (460—377 гг. до н. э.). Воспитанный в традициях косской школы, греческий ученый в своих творениях сумел обобщить опыт не только этой передовой школы, но и всей античной медицины, сформулировав ее теоретические положения: учение о гуморах, о болезнетворных факторах внешней и внутренней среды, о стадиях болезни, диагностику и прогностику, а также выработав рациональные принципы и методы лечения [82].

На армянский язык труды Гиппократ начали переводиться в эпоху деятельности грекофилов, хотя до нас дошли в виде фрагментов из более поздних рукописей. Амирдовлат Амасиаци не мог их не знать, но часто пользовался более полными арабскими переводами, ибо передает его имя в арабизированной форме

«Багарат» в отличие от классической формы «Гиппократес», принятой в более раннюю эпоху. Входящие в состав «Гиппократова сборника» произведения пользовались большой известностью среди средневековых армянских врачей, начиная с автора «Лечебника Гагика—Хетума» и Мхитара Гераци. Зачастую они даже не указывали названия труда, как чего-то общепознанного. Исходя из этого, Амирдовлат не уточняет названий книг и другого непрерываемого авторитета античной науки— римского врача Галена (130—200), которые он цитирует во многих местах своей фармакогнозии.

Сочинения Галена были переведены на древнеармянский язык примерно в ту же эпоху, что и произведения «Гиппократова сборника», но дошли до нас в более поздних списках XV—XVII вв. Сохранившийся в армянской книжности «Словарь Галена» дает краткие толкования около 400 греческих терминов, подавляющее большинство которых представляют названия лекарственных веществ, встречающихся в трудах Галена и Диоскорида [83, т. 1, с. 179—196; 84]. «Словарь Галена» датируется VI—VII вв., хотя некоторые историки армянской медицины относят его к более поздней эпохе (X в.) [85]. Свидетельством значительной древности этого труда, на наш взгляд, является то обстоятельство, что в нем не нашел отражения сдвиг согласных, который произошел в среднеармянском языке. Что же касается небольшого числа арабских терминов, то они вошли в него при более поздней редакции. Один из списков «Словаря Галена» был переписан рукой самого Амирдовлата Амасиаци и даже по недоразумению попал в список его трудов [8, т. 3, с. 13—14].

Не меньшим почетом в армянской книжности пользовались сочинения величайшего энциклопедиста античности Аристотеля (384—322 гг. до н. э.), переведенные в V в. грекофильской переводческой школой,— «Категории» и «Об истолковании». Амасиаци в свое время дал их переписать писцу Андреасу [49, ч. 3, с. 188]. В книге «Непужное для неучей» он цитирует «Историю животных» Аристотеля, с которой был знаком в персидском переводе, ибо именует ее «Хавās-и хайванāt». Ссылается он и на «Книгу о камнях», которую прежде приписывали Аристотелю, однако, как

выяснилось, она принадлежит анонимному сирийскому автору IX в. [69, т. 4, с. 62].

Одним из основных источников фармакогнозии Амирдовлата был труд античного ботаника, фармаколога и врача Педания Diosкорида «*Materia medica*» (I в.). Армянский бжшкпет читал его не только в арабском переводе, но и на языке оригинала, однако не исключено, что у него мог быть под рукой и древнеармянский перевод, который не дошел до нас. Цитирует он и Кратеваса (в арабизированной форме «Гаратис»), придворного врача Митридата Евпатора (132—63 гг. до н. э.), автора пятитомной фармакогнозии [69, т. 4, с. 64]. Из греческих врачей догаленовской эпохи упоминаются имена Ксенократеса (в арабизированной искаженной форме «Касуфратин»), Архигенеса (в арабизированной искаженной форме «Арчичанис») и Руфа [86, с. 71—76, 252]. О первых двух из них сохранилось мало сведений, тогда как Руф (I в.) был признанным авторитетом средневековой медицины. Еще большей популярностью в армянской книжности пользовались сочинения греческого врача Орибазия (325—402 или 403), лейб-медика императора Юлиана Отступника, для которого он написал медицинскую энциклопедию в 70 томах. Ему принадлежало также сочинение «Об общедоступных лекарствах» [69, т. 4, с. 74—75]. Хотя фрагменты трудов Орибазия сохранились в древнеармянских переводах, однако в дальнейшем армянские врачи пользовались более полным арабским переводом, давая его имя в арабском произношении. В книге «Ненужное для печей» он именуется «Арпиасусом», тогда как автор «Лечебника Гагика» приводит правильную греческую транскрипцию его имени.

Среди сочинений по фармакогнозии византийских врачей особое место занимает так называемый «Константинопольский Диоскурид», написанный в начале VI в. для принцессы Юлианы. Задолго до восточных «муфрадатов» здесь уже был использован словарный принцип, т. е. лекарственные средства описывались в порядке букв греческого алфавита [87]. Хотя у Амирдовлата нет прямых ссылок на этот источник, но вполне вероятно, что он был знаком с ним, так как последний только в 1569 г. был вывезен из Константинополя в Вену, получив название «Венского Диоскурида» [88]. Амирдовлат упоминает о двух врачах

византийской эпохи: Павле Эгипском (615—690) и Теодокусе (ум. 708).

Перу Павла Эгипского принадлежала довольно известная в средние века медицинская энциклопедия в семи томах, причем последняя из книг была посвящена простым лекарствам [69, т. 4, с. 76]. Армянский бжшкапет ссылается и на книгу «О заместителях», не указывая имени автора. Это мог быть труд Павла Эгипского, хотя подобные сочинения писали и другие средневековые фармакогносты, в том числе и знаменитый ар-Рази. Сам Амирдовлат оставил небольшой словарь заместителей простых лекарств, который входил в состав его первого «Ахрабадина». Значительно менее известно было имя современника Павла Эгипского, врача Теодокуса, написавшего книгу о способах приготовления лекарств, на которого ссылается армянский бжшкапет [86, с. 22—23]. Из цитируемых в книге «Непужное для неучей» врачей греческого происхождения следует упомянуть и о Кусте ибн Лука ал-Балбакки (у Амирдовлата «Кустион»), жившем в эпоху расцвета арабской медицины (820—912). Последний написал оригинальные труды по медицине, а также переводил античных авторов. Греческий врач долгие годы жил в Армении, при дворе Сенекерима, царя Васпуракана. После его смерти армянский царь велел построить гробницу для увековечения памяти своего лейб-медика [8, т. 1, с. 215—216].

Среди источников книги «Непужное для неучей» следует отметить и сочинения сирийских врачей и естествоиспытателей. В средние века сирийская медицина достигла высокого научного уровня [89]. Некогда в Эдессе существовала знаменитая академия, которая прекратила свое существование вследствие гонений на несториан. Переселившись в персидские общины христиан, они основали здесь знаменитую Джундишапурскую школу, представители которой в течение нескольких веков занимались переводом трудов античных философов, врачей и естествоиспытателей на сирийский и арабский языки.

Из плеяды сирийских врачей выделяется личность Абу-Закарийи Йахйа (Йуханна) ибн Масавайха (777—857), сына фармацевта из Джундишапура, главы багдадской коллегии переводчиков, так называемого «Дома мудрости». Помимо переводов, ибн Масавайх создал ряд оригинальных трудов, на которые часто ссылается

Амирдовлат, в том числе «Сборник по медицине», «Книгу, приносящую успех» и «Книгу о заместителях» [69, т. 4, с. 82]. Его учеником был знаменитый Хунайн ибн Исхак (808—873), впоследствии возглавивший «Дом мудрости». Знание греческого, сирийского и арабского языков позволило Хупайну с сыном Исхаком, племянником Хубайшем и другими учениками за сравнительно короткий срок перевести труды Гипократа, Аристотеля, Диоскорида, Галена, Орибазия и Павла Эгинского. Им принадлежат и оригинальные сочинения. Сам Хунайн был автором «Книги о названиях простых лекарств», а Исхак¹ и Хубайш написали «Книгу о простых лекарствах» [90, т. 1, с. 205]. В книге «Непущное для неучей» упоминается и имя современника Хунайна Али ибн Раббана ат-Табари (р. 808), автора медицинского сочинения «Рай мудрости», а также его младшего собрата, врача Йуханны ибн Сарабийуна (вторая половина IX в.) [90, т. 1, с. 207; 69, т. 4, с. 88]. Последний написал два медицинских сборника («Куннаш») в 12 и 7 книгах, которые цитирует Амирдовлат.

Неоднократно упоминается на страницах книги «Непущное для неучей» имя сирийского врача Есу. Ссылки на него имеются и в «Лечебнике Гагика», и в трудах Мхитара Гераци, где приводятся рецепты, написанные им для Григора Пахлавунни, сына спартапета (главнокомандующего) царства Багратидов Ваграма Пахлавунни. Можно предположить, что речь идет о крупном враче-окулисте Шарафаддине Али ибн Иса ал-Наххале (ум. 1010), авторе «Памятной книги окулиста». Но вообще в средневековой литературе упоминается свыше 12 врачей-христиан, поселившихся в Киликийской Армении, например сирийский врач XIII в. Есу, или Ишох, автор «Книги о природе». Кроме вышеуказанного сочинения, последний в 1248 г. в сотрудничестве с армянским историком Варданом Ареллци перевел на армянский язык «Хропику» Михаила Сирийца, которую Амирдовлат впоследствии велел переписать для своего сына. Таким образом, между армянскими и сирийскими врачами начиная с XI в.

¹ Под этим названием был известен и его современник, еврейский врач из Северной Африки Исхак ибн-Сулайман ал-Исраили (у Амирдовлата — «сын Согомона»), с которым его путали [69, т. 4, с. 92].

усилились творческие контакты, которые существовали и в более раннюю эпоху [92]. В период существования Киликийского армянского государства, в котором бок о бок жили армяне, сирийцы и греки, такие связи еще более окрепли. К этому времени относится создание анатомического трактата киликийского врача Абусапда «О строении человека» и «Лечебника лошадей и вообще вьючных животных» [93].

Сирийские врачи-переводчики Джундишапурской и Багдадской школ к началу X в. перевели на арабский язык важнейшие сочинения античных авторов. На этом фундаменте выросла восточная (в основном арабоязычная) литература, получившая условное название «арабской», хотя в ее создании, кроме арабов, активное участие принимали высокоразвитые народы, жившие на территории Восточного и Западного халифатов: персы, сирийцы, греки, евреи и др. [94, с. 32—59]. Имена многих из них (свыше 20 авторов) упоминаются в книге «Неужное для неучей». Из их трудов основными источниками фармакогнозии Амирдовлата являются вторая книга «Канона», «Большое собрание о свойствах простых лекарственных и пищевых средств» Ибн Байдара и «Ихтиярат Бадии» аль-Ансари.

Гениальный врач, философ и ученый-энциклопедист из Средней Азии Абу Али Ибн Сина (980—1037) в своем творчестве сумел выразить новый взлет творческой мысли на Востоке. Великим почетом было окружено имя «князя философов и врачей» в Армении. К его авторитету нередко апеллировали средневековые армянские врачи, приводя обширные выдержки из его «Канона». Гораздо меньше был известен труд по фармакогнозии его современника, выдающегося хорезмского ученого-энциклопедиста Абу-р-Райхана Мухаммада ибн Ахмада ал-Бируни (973—1048 гг.), на которого лишь однажды ссылается Амирдовлат, описывая ситник ароматный: «Составитель сей книги говорит, что Абу-Райхан [сказал], что он называется „куртай-и ташти“» [43, с. 181]. Действительно, в соответствующем параграфе «Сайданы» о ситнике ароматном (по-арабски «изхир») сказано: «Изхир — это кирта-и дашти» [69, т. 4, с. 171]. Малая популярность этого замечательного труда в средние века объясняется рядом обстоятельств. У. И. Каримов пишет: «Из записи одного из переписчиков „Сайданы“ мы узнаем, что

она осталась незавершенной в виде черновика, что явилось одной из причин неисправности последующих ее списков. Это обстоятельство, а также обилие неарабских терминов и отсутствие сведений о лечебных свойствах описанных веществ не способствовали широкому распространению книги среди врачей, занимавшихся лечебной практикой. К ней обращались лишь отдельные ученые с чисто научной целью» [69, т. 4, с. 11].

Крупный вклад в развитие средневековой ботаники и фармакогнозии внес испанский врач из Малаги Абу-Мухаммад Абдаллах ибн-Ахмад ибн ал-Байтар (1197—1248) [90, т. 1, с. 647]. Книга «Большое собрание о свойствах простых лекарственных и пищевых средств» является одним из самых фундаментальных трудов в области средневековой фармакогнозии. Здесь Ибн Байтар описал не только лекарственные растения Пиренейского полуострова, но и Греции, Египта, Малой Азии, Сирии, с которыми познакомился во время путешествия по этим странам, где позднее побывал и сам Амирдовлат [95; 86, с. 280—283]. В книге «Ненужное для неучей» армянский бжшкапет упоминает и о кордовских врачах, знаменитом хирурге Абул Касиме аз-Захрави, авторе «Ал-Ташрифа» (энциклопедии медицины и хирургии), который был придворным врачом Абдаррахмана III (годы правления 912—961) [90, т. 1, с. 239—240], и о Абу-Бакре Хамиде ибн-Самаджуне (ум. 1009 или 1010), создателе «Книги простых лекарств» [69, т. 4, с. 101]. В фармакогнозии Амирдовлата имеются ссылки и на предшественника Ибн Байтара Абу Джафара Ахмада ибн-Мухаммада ал-Гафики (ум. 1165), написавшего труд по лекарствоведению, который впоследствии переработал Ибн Байтар [90, т. 1, с. 643]. Наконец, в ряду врачей из Западного халифата следует упомянуть и Абу Имрана Мусу ибн Убайдаллаха ибн Маймуна ал-Куртуби (1139—1204), еврейского врача из Кордовы, лейб-медика Саладдина, для которого он написал «Книгу советов» [90, т. 1, с. 489; приложение, т. 1, с. 893]. Амирдовлат цитирует его труды по лекарствоведению не только в книге «Ненужное для неучей», но и в предисловии к первому «Ахрабадину».

Перечень врачей, живших на территории Западного и Восточного халифатов, приведенный в фармакогнозии армянского бжшкапета, довольно велик. Здесь и

еврейский врач из Басры Масарджавайх (VIII в.), автор книг «О простых лекарствах» и «Заменители», и лейб-медик Харуна ар-Рашида (годы правления 786—809) дамаский врач Абу-л-Хасан Иса ибн Хакм Масих, составивший «Большой сборник» [69, т. 4, с. 81—82]. Упоминается у Амирдовлата и автор «Сокровищницы медицинской науки», знаменитый врач, математик и астроном из Харрапа (Месопотамия) Сабит ибн Курра (834—901), переводчик трудов Архимеда, Евклида, Галена и других античных ученых [69, т. 4, с. 91]. Имеются ссылки и на Абу-л-Фараджа ибн ат-Таййиба (ум. 1043), ведущего врача багдадской больницы, а также на знатока флоры Аравии Абу Ханифу Ахмада ибн-Давуда ибн Вананда ад-Динавари (815 или 825—895), творца «Книги о растениях» [90, т. 1, с. 695]. Часто цитирует Амасиаци и знаменитое «Руководство» («Минхадж») Абу Али Йахйа ибн Иса Джазла (ум. 1100) [90, т. 1, с. 485]. Последний, кроме указанного сочинения, которое представляет собой словарь простых и сложных лекарств, впоследствии подвергшийся сильной критике со стороны Ибн Байтара, написал и другое «Руководство», посвященное вопросам гигиены. Этот второй «Минхадж» был переведен в 1629 г. армянским врачом Ованесом из Джульфы [8, т. 3, с. 132].

В средневековой армянской медицинской литературе, и в частности в трудах Мхитара Гераци и Амирдовлата Амасиаци, встречается имя ныне почти забытого арабского врача Абу Джурайджа ар-Рахиба («Монаха») [31, с. 294]. Последнее приводится в искаженной форме: «Апу Чарэһ». Л. А. Оганесян ошибочно идентифицировал его с Абул Туссином Эджареди (X в.) [22, с. 219].

В книге «Непужное для неучей» цитируется сочинение о простых лекарствах магрибского врача Ибрахима ибн Абу Саида ибн Ибрахима ал-Алаи ал-Магриби (XII в.) [90, приложение, т. 1, с. 890]. Несколько раз у Амирдовлата упоминается имя Шарифа, а точнее Ахмада ибн Абдассалама аш-Шарифа ас-Сакали (XIV—XV вв.), тунисского врача, составившего для султана Абу-л-Фариса Абд ал-Азиза «Словарь простых лекарств» [90, т. 2, с. 333].

К. Басмаджян ошибочно идентифицировал «Шарифа» с Мухаммадом Шариф-ханом Дехлеви, автором книги «Талиф-и шариф», посвященной лекарствен-

мым средствам Индии [43, с. IX; 96, с. 283]. Однако последний жил намного позднее, чем Амирдовлат (ум. 1805 или 1816), а посему не мог быть упомянут в его фармакогнозии. Ошибка произошла из-за путаницы счета по хиджре со счетом по христианскому летоисчислению: в каталоге Парижской национальной библиотеки, на который ссылается К. Басмаджян, приведена датировка по хиджре.

Авторитетным источником, к которому часто обращался Амирдовлат, были труды гениального врача, химика и философа Востока Абу-Бакра Мухаммада ибн-Закарийи ибн Иахьи ар-Рази (865—925): 1) «Всеобъемлющая книга»; 2) «Объединяющая книга»; 3) «Книга о свойствах»; 4) «Книга аль-Мансура» [69, т. 4, с. 95—97]. Среди 12 произведений, входивших в состав второго сборника, вопросам лекарствоведения посвящены «Сайдана» и «Книга о заменителях».

До появления «Канона» Ибн Сины большим почетом в восточной медицине пользовалась «Царственная книга» перса по национальности Али ибн Аббаса ал-Маджуси, или «Зороастрийца» (ум. 994), имя которого упоминается в книге «Ненужное для неучей» [69, т. 4, с. 94]. Другой его современник, Абу Мансур Муваффах ибн Али ал-Харави, написал в 975 г. первую фармакогнозию на персидском языке — «Книгу основ об истинных свойствах лекарств», сыгравшую большую роль в развитии этой отрасли медицины в Иране [96, с. 199]. В XIV в., примерно за сто лет до появления книги «Ненужное для неучей», на персидском языке было написано другое замечательное сочинение по лекарствоведению — «Ихтиятрат Бади» (1369), посвященное принцессе Бади [96, с. 220; 97]. Его автором был Зайн ал-Дин Али ибн (Джамал ал-Дин) ал-Хусайн аль-Ансари (1329 или 30—1409), известный под прозвищем Ходжа Зайн аль-Аттар, придворный врач ширазского музафарида Шаха Шуджа. Сочинение его состояло из двух частей, в которых отдельно рассматривались простые и сложные лекарства. Амирдовлат кратко именовал этот труд «Патии», или «Патен». Здесь аль-Ансари описал лекарственную флору Ирана, и в особенности Шираз и его окрестностей, т. е. тех краев, которые были хорошо знакомы армянскому бжшкпету.

Амирдовлат Амасиаци упоминает имена средневековых армянских врачей XII—XIII вв., начиная с Мхи-

тара Гераци, главы киликийской школы, много внимания уделявшего вопросам лекарствоведения. Его учеником и последователем был врач Степанос, сын знаменитого армянского врача из Эдессы Аарона, родоначальника врачебного рода, из которого вышли известные врачи: Чошлип, Саргис, Акоб, Дегин, Симавон и Ваграм. Степанос в 1232 г. написал обширный труд по медицине «Цагик», главными источниками которого были сочинения Мхитара Гераци по патологии, терапии и лекарствоведению, а также «Лечебник Гагика—Хетума» [98]. В памятной записи автора сказано: «И я, грешный слуга божий Степанос, сын врача Аарона из Эдессы, называемой иначе Урфой, изложил то немногое, что было признано полезным по наблюдениям многих, изученное мною у моего отца Аарона, у врача Мхитара и Симеона» [8, т. 2, с. 148].

Сочинение Степаноса было переписано в 1481 г. «главным хирургом, пользующим больных глазными болезнями» (имеется в виду Амирдовлат Амасиаци). К сожалению, эта ценная рукопись, как и многие другие произведения киликийской школы, была варварски уничтожена в годы армянского геноцида в Турции. Из этих трудов уцелели лишь фрагменты, вошедшие в книги более поздних авторов, в том числе Амирдовлата Амасиаци. Таким образом, армянский бжшканет выступал здесь хранителем традиций армянской медицины и ее рукописного наследия, как некогда Гален, сохранивший в своих произведениях имена многих врачей предшествующей эпохи, труды которых не дошли до нас [99, с. 6].

Наконец, из источников книги «Ненужное для неучей» следует особо упомянуть «автора сей книги», который иногда именуется «собирателем и составителем сих писаний». Следуя принятой в средневековой литературе традиции, Амирдовлат излагает свои взгляды не только от первого лица: «Я сам это испытал», «А я, ничтожнейший из врачей, остаюсь при том мнении», «А я, негодный слуга божий, заметил» и т. д., но и от лица «автора»: «Автор сей книги говорит», «Автор сей книги сказал и установил» и др. Отметим, кстати, что и в труде Ибн Байтара свободное изложение материала от первого лица чередуется с цитированием источников, среди которых имеется и «автор».

Довольно часто встречающееся описание флоры Шираза, приведенное от лица автора в книге «Ненуж-

пое для неучей», заставило в свое время К. Басмаджяна сопоставить эти данные с теми, которые содержатся в «Ихтиярата Бади». Он пишет: «Следует признать, что на основании ряда ссылок можно предположить, что „составитель книги“ и Патэһи (автор „Ихтиярата Бади“) — одно и то же лицо. Эта мысль одно время казалась мне заманчивой. Но слова Амирдовлата о том, что „автор сей книги“ согласен с мнением Минһача и отвергает взгляды Патэһи и Чамэи, заставили меня отказаться от этого предположения» [43, с. XV]. Несомненно, в некоторых случаях «автор сей книги» ссылается не только на собственные наблюдения, но и на опыт предшественников. Однако в подобных случаях он гораздо чаще называет авторитетов античной и восточной медицины «первыми составителями сей книги» или «первыми авторами сих писаний», глубоко сознавая их роль в деле развития фармакогнозии, а себя, как некогда автор «Лечебника Гагика», считая их скромным учеником и последователем.

Амирдовлат Амасиаци — филолог и лексикограф

Амирдовлат Амасиаци был не только выдающимся врачом и естествоиспытателем, но и крупным лексикографом и филологом своего времени. Обладая обширными лингвистическими познаниями, он пользовался специальной терминологией на многих языках. В предисловии к книге «Ненужное для неучей» он пишет: «Мы изучили множество слов и названий [лекарств] и их заменителей на пяти языках» [43, с. 3]. Однако в списке сокращений, которые он приводит там же, указано не пять, а восемь языков: армянский, арабский, персидский, тюркский, т. е. турецкий, греческий, сирийский, латинский и франкский, т. е. старофранцузский. Хотя для греческого языка здесь употребляется термин «ромейский», т. е. византийский, или среднегреческий, однако Амирдовлат нередко приводит названия растений и на древнегреческом языке, который он именует «языком эллинов». Кроме того, в книге «Ненужное для неучей» в ряде случаев упоминаются названия лекарственных веществ на индийском, берберском, кипчакском языках, а также на ряде диалек-

тов персидского: ширазском, хорасанском, керманском, бухарском, самаркандском и балхском.

Среднеармянский язык, на котором изложил свой труд армянский бжшкапет,— это живой разговорный язык его времени. Если в языке произведений Мхитара Гераци, особенно в его глагольной системе, еще сильны элементы грабара [100], то фонетика, морфология и синтаксис языка Амирдовлата полностью уже отражают явления, рожденные стихией среднеармянского языка, сложившегося на основе ряда армянских, и в первую очередь киликийского, диалектов [101, с. 4]. Для киликийского диалекта характерным является фонетический сдвиг согласных, в результате которого звонкие согласные стали произноситься как глухие, а глухие — как звонкие, но сохранили свое традиционное написание [101, с. 31]. Однако наряду с этим появляются варианты, в которых системный сдвиг согласных находит свое отражение, что распространяется преимущественно на заимствованные слова (в основном арабского происхождения), вошедшие в армянский язык уже после указанного сдвига. Фонетике языка произведений Амирдовлата свойственны, кроме того, явления выпадения, наращивания и чередования гласных и согласных звуков, а также упрощения дифтонгов в соответствии с фонетическими закономерностями среднеармянского языка. Все эти явления могут быть легко прослежены на примере специальной терминологии книги «Ненужное для неучей». Последняя состоит из слов армянского языка и заимствованных терминов (греческих, латинских, арабских, персидских, сирийских, турецких и т. д.).

Специальная армянская терминология фармакогнозии Амирдовлата, насчитывающая более 800 терминов, представляет собой в основном коренные слова армянского языка, относящегося к восточной ветви индоевропейских языков [102, ч. 1, с. 29]. Большая часть их перешла в среднеармянский язык из древнеармянского (грабара) либо в неизменном виде, либо претерпев вышеуказанные фонетические изменения. Так, названия некоторых растений, животных и минералов в книге «Ненужное для неучей» сохранили строгие классические формы грабара, например «агтор» (сумах), «богк» (редька), «гарналезу» (подорожник), «еґевин» (полынь), «горт» (лягушка), «мегу» (пчела), «мегр» (мед), «аг» (соль) и многие другие.

Наряду с ними встречаются и типично среднеармянские формы, возникшие под воздействием диалектов из слов грабара в результате выпадения, наращивания и чередования гласных и согласных. Например, дифтонги «йу» и «еа» грабара, упростившись по законам среднеармянского языка, дали гласные «у» и «е», например «арун» (кровь), «сарек» (скворец). Вместе с тем среди терминов книги «Ненужное для неучей» появились и новые среднеармянские слова, отсутствующие в древнем слое, например «хэчипар» (рак), которому в грабаре соответствует термин «хецетин» «цайкотрук» (мак-самосейка) с параллельной классической формой «путуккотрук», а также «трэ» (род халвы) и некоторые другие.

Среди армянских ботанических терминов фармакогнозии Амирдовлата особую группу составляют названия некоторых трав и деревьев, связанные с именами реальных исторических лиц и легендарных героев, которые вошли в средневековую ботаническую терминологию из фольклора [103, с. 276—282]. Так, например, мандрагора, которая по народным верованиям обладала способностью приносить ее обладателю счастье и власть над людьми, именовалась «древом царя Александра». Народная фантазия приписывала этому растению чудодейственные свойства, ибо, как передает это поверье Амирдовлат, тот, кто будет иметь ее корень при себе, «в воде не утонет, в огне не сгорит, и молния его не сразит». Мандрагору называли также «древом Соломона премудрого». По преданию, рассказанному в книге, библейский царь носил его вправленном в перстень, который давал ему власть над всеми зверями. Подобными же свойствами обладал цветок амаспур, о котором предание гласит: «Приложишь его к уху, и внятна будет тебе пеземная речь, сможешь понимать все человеческие языки, распознавать голоса зверей и птиц» [104, с. 99]. Именем пророка Давида был назван в армянской терминологии медовый елей. Проповедник христианства в Армении — Григор Лусаворич (Просветитель) упоминается в книге «Ненужное для неучей» в связи с названием дубровника-полиум («сурб Григору царь»). Последний именовался также «маремхот» (травя Марии). С именем другого Григора, величайшего армянского поэта X в. Григора Нарекаци, предание связывает происхождение можжевельника [104, с. 103]. Большинство этих

растений имело и другие названия, например мандрагора — «мармнатак», дубровник-полиум — «хнкоікзук» и др.

Кроме коренных армянских слов медико-ботаническая терминология фармакогнозии Амирдовлата включала и заимствованные термины, которые вошли в армянский язык в разное время. Некоторые из них (в основном парфяно-персидские, греческие и сирийские слова) заняли прочное место в словаре армянского языка и настолько сроднились с ним, что перестали восприниматься как чужеродный элемент. Особенно велик в этом древнейшем слое удельный вес парфянских терминов, значительно обогативших в свое время словарный фонд грабара. Названия некоторых растений, птиц и животных в грабаре и позднее в среднеармянском языке составляли парфянские заимствования: «спанд» (могильник), «хунк», «кндрук» (ладан), «серкевил» (айва), «сох» (лук), «база» (сокол), «апухт» (вяленое мясо), «караг» (сливочное масло) и др.

Среди этих заимствований второе место занимают слова греческого языка, который в древности, особенно в период деятельности грекофилов, был одним из важнейших источников обогащения армянской научной терминологии. Из них в книге «Ненужное для неучей» встречаются, например, «маргарит» (жемчуг), «порпюр» (порфир), «баласан» (бальзам), «кипари» (кипарис), «сандал» (сандал), «тарих» (копченая сельдь), «кокордилос» (крокодил) и др. В этот ранний период в армянскую научную терминологию вошло немало слов и из сирийского языка: «тереват» (волчье лыко), «хлурд» (крот), «куіб» (бобр) и др.

Свидетельством значительной древности этих заимствований является тот факт, что в них не нашел своего письменного выражения фонетический сдвиг согласных, который произошел в среднеармянском языке [101, с. 31]. Например, парфянские слова *aruxt*, *baza*, *xunk*, *kundruk*, *spand* были транскрибированы в древнеармянском языке как «апухт», «база», «хунк», «кндрук», «спанд» без нарушения соответствия между системами звонких и глухих согласных в этих языках. То же самое можно сказать и относительно греческих слов *crocodilos*, *balsamon*, *tarichos*, которые были транскрибированы в древнеармянском языке с сохранением соответствия между звонкими и глухими согласными, утратив лишь греческие окончания.

В армянскую научную терминологию начиная с X в. влилось значительное количество арабских и персидских терминов, которые заметно потеснили греческие. Более того, многие греческие термины в эту эпоху заимствуются опосредованно, через их арабизированные формы. Все это говорит об усилении влияния арабского как языка научной терминологии на Востоке. Изучение этих терминов показало, что в них фонетический сдвиг согласных нашел графическое выражение, т. е. звонкие согласные арабского и персидского языков: «ба» (б), «дал» (д); «джим» (дж), «гаф» (г) транскрибированы глухими согласными армянского языка: «пэ» (п), «тюн» (т), «чэ» (ч), «кен» (к), а глухие «пэ» (п), «та» (т), «каф» (к) — придыхательными «пюр» (п'), «то» (т'), «кэ» (к'). В свое время К. Басмаджян отметил некоторые характерные особенности этой фонематической системы, которая пыталась передать не только графический облик иностранных слов, но и их произношение, несмотря на большие фонетические несоответствия между этими языками [43, с. XI—XII]. Кроме того, Амасиаци в ряде случаев прибегал и к чистой транслитерации, т. е. воспроизведению графического облика иностранных слов без учета особенностей их произношения. Так, арабское название олеандра «дифла» в книге «Ненужное для неучей» транслитерировано как «дифла», но согласно правилам фонематической транскрипции встречается и в форме «тифла».

Арабские и персидские термины, составляющие подавляющее большинство иностранных заимствований, подверглись значительному искажению в арабских и персидских «муфрадатах», которые служили источниками книги «Ненужное для неучей». На это обратили внимание переводчики восточных фармакогнозий. У. Каримов пишет: «Главная трудность, с которой мы столкнулись во время работы над переводом „Сайданы“, была в критическом восстановлении большого количества искаженных терминов: греческих, сирийских, индийских и частично иранских и арабских. Без преувеличения можно сказать, что в „Сайдане“ почти нет параграфа без искаженного слова, а в некоторых параграфах искажены чуть ли не все иноязычные термины. Причем некоторые из них испорчены до неузнаваемости, и вследствие этого отдельные места текста кажутся нагромождением бессмысленных слов» [69, т. 4, с. 117]. Работа исследователя в таком случае

превращается в разгадку головоломок и дешифровку тайнописи.

Имевшие место в восточных фармакогнозиях искажения терминов зависят от особенностей арабской графики и в первую очередь происходят вследствие либо неправильной расстановки диакритических точек, либо путаницы между близкими по написанию графемами [105]. Проанализировав арабские и персидские заимствованные термины книги «Ненужное для неучей», мы убедились, что большинство из них подверглось искажению не по вине армянских переписчиков, хотя такие случаи также имели место, а гораздо раньше в тех источниках, которые были использованы Амирдовлатом. Например, арабский термин «абӯ-қабис» (молочай колючий), превратившись в «абӯ-қāнис», затем был транскрибирован Амирдовлатом в форме «апу ġанис». Возможность искажения этих терминов по вине армянских переписчиков отпадает, ибо буквы «пэ» и «ну» армянского алфавита, а равно «фэ» и «ġат» настолько отличаются друг от друга, что не могут быть спутаны.

Подобных примеров можно привести множество. В ряде случаев эти искаженные в арабском источнике термины, продолжавшие мирно сосуществовать с их правильными формами, переставали восприниматься как идентичные и были выделены в особые параграфы. Например, персея описана в книге «Ненужное для неучей» в двух параграфах под названиями «ланач̣» и «ланċ̣», которые представляют собой искаженные варианты арабского термина «лабаḥ». Содержание этих параграфов не повторяет друг друга, но в то же время из него видно, что речь идет об одном и том же лекарственном веществе. Так, в § 952 персея охарактеризована в отношении лечебных свойств следующим образом: «Плоды ее помогают при болях в желудке. Если высушить ее листья, растолочь и присыпать на кровоточащее место, то поможет и остановит кровотечение. А если съесть плоды, то укрепит живот и весьма укрепит желудок» [43, с. 186]. В § 1004 о ней говорится: «Она прекращает кровотечение как при питье, так и при смазывании. Она принадлежит к числу лекарств, останавливающих понос» [43, с. 195].

Вообще параграфы, в которых описываются эти искаженные варианты названий лекарственных веществ, часто располагаются неподалеку от тех, где

приводятся их правильные формы, окружая их наподобие спутников. Кроме того, в некоторых случаях имеются повторы, когда в разных параграфах описывается одно и то же лекарственное вещество буквально в тех же словах или с незначительными вариациями. Подобные повторы — нередкое явление в восточных фармакогнозиях, на что обратил внимание У. Каримов [69, т. 4, с. 113].

Наряду с явлением неоправданного выделения в самостоятельные параграфы фонетических вариантов одного и того же термина в книге Амасиаци наблюдается и обратная тенденция: объединить в рамках одного и того же параграфа названия совершенно разных лекарственных веществ на основании близости их названий. В некоторых случаях это могло произойти и по вине переписчиков книги «Ненужное для неучей», которые механически объединили ряд небольших параграфов, следовавших друг за другом. Например, в § 1000 арабское название каперсника «ласаф» неожиданно идентифицируется с названием серы. Причиной путаницы, на наш взгляд, является близость арабизированного греческого названия каперсника «кабār» с арабским названием серы «кибрīt». Вероятно, это были два разных параграфа, которые затем слились в один.

В средние века персидские термины продолжали использоваться в армянской научной терминологии. Наряду с прямым заимствованием из персидских фармакогнозий часть терминов была заимствована опосредованно, в арабизированной форме. Наблюдалось и обратное явление: передача арабских терминов в иранизированной форме, что говорит об их заимствовании из персидского источника. Так, среднеармянские формы арабских терминов «асал-и Тавут» (медовый елей), «зарур-и чапали» (боярышник), «ас-и парри» (иглица) и др. обнаруживают признак изафетной конструкции — соединительную частицу «и» или «йи», что свойственно персидскому языку и является свидетельством заимствования этих арабских слов из персидских фармакогнозий. Автор книги «Ненужное для неучей», прекрасно знакомый с флорой, фауной и минеральными богатствами Ирана и много странствовавший в тех краях, часто приводит не только общелитературные, но и местные диалектные названия лекарственных веществ, особенно те, которые употреби-

лялись в Ширазе, Хорасане и Исфахане. Среди синонимов льнянки Амирдовлат упоминает несколько персидских названий ее: «пулпул-и шами» (от «болбол-и шамī»), что буквально означает «сирийский соловей», «кишнй-и коһи» (от «кишнйз-и кўхй», буквально «горный корпандр»), «триак коһи» (от «тирйак-и кўхй», буквально «горный терьяк»), ширазский синоним — «казаранк (от «кāзрак»). Персидские названия растений, заимствованные в средние века, как и большинство арабских терминов той эпохи, послужили основой для создания ряда армянских терминов по принципу калькирования, однако сами не укоренились в армянской медико-ботанической терминологии в отличие от ранних парфянских заимствований.

Греческие термины, вошедшие в армянскую ботаническую терминологию после фонетического сдвига согласных, как правило, взяты из арабских фармакогнозий. Хотя среди них попадаются изредка не искаженные арабской графикой слова: «филитис» (Phyllitis) — сколопендра, асарон (Asaron) — копытень и некоторые другие, однако большая часть их подверглась арабизации. Так, греческое название вербейника обыкновенного (Lysimachion) несомненно было заимствовано из арабского источника, в котором подверглось искажению вследствие неправильной расстановки диакритической точки, превратившись из «лўсймāхийās» в «лўсймāджийās», и было транскрибировано Амирдовлатом как «лусимаҷиус». Подобные искажения были иногда столь значительны, что образовавшаяся таким путем «новая» форма нередко как бы утрачивала связь с исходной и даже начинала выражать новое понятие, обособившись в виде самостоятельного параграфа. К примеру, греческий термин Dioscorida Adarces, который в античной фармакогнозии употреблялся для обозначения разновидности «морской пены», был арабизирован и превратился в «азаркўс», или «азарқйс». Последний в «Сайдане» Бируни служит наименованием солянки (Salsola kali L.) [69, т. 4, с. 206]. В фармакогнозии Амирдовлата он транскрибирован в форме «азариғи», причем в отличие от родственного термина «азарағион», который по-прежнему обозначал «морскую пену», стал отождествляться с названием кендыря (Arosunum erectum Vell.). Вероятно, здесь также не обошлось без путаницы

вследствие сходства греческих названий кендыря и «морской пены» — Αρσυνον и Αλσυονιον.

Ботанические термины, заимствованные в средние века из сирийского языка, в отличие от их древнего слоя подверглись закону сдвига согласных в среднеармянском языке. Те же фонетические закономерности проявились при заимствовании турецких слов в среднеармянском языке.

В предисловии к книге «Ненужное для неучей» Амирдовлат Амасиаци указывает, что он пользовался литературой на языке франков, т. е. европейскими фармакогнозиями. В качестве «франкских» у него приведены такие слова, как «фарфиум» (эффорбий), «папуниса» (ромашка), «палсами» (бальзам), «сикинанду» (ситник ароматный), «лайури» (лавр) и некоторые другие.

Большинство вышеуказанных терминов представляют собой греческие, латинские, а иногда арабские или персидские названия растений, нередко подвергшиеся сильному искажению и транскрибированные по фонетическим законам среднеармянского языка. Нельзя с уверенностью сказать, взяты ли они Амирдовлатом из «франкских», т. е. европейских, фармакогнозий или заимствованы опосредованным путем из восточных. Первое предположение, на наш взгляд, не лишено вероятности, ибо в эпоху, когда жил армянский бжшкапет, стали появляться фармакогнозии и у «франков» [106], и они могли быть известны во врачебных кругах Константинополя, где издавна существовали тесные контакты со странами Европы. В фондах Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде нам удалось познакомиться с двумя малоизученными средневековыми французскими рукописями XV—XVI вв., которые представляют собой великолепно иллюстрированные словари простых лекарств, созданные под влиянием «Константинопольского Диоскурида». Тот факт, что среди «франкских» терминов книги Амирдовлата попадаются и арабоперсидские (например, «папуниса»), может служить косвенным подтверждением гипотезы о роли восточных «муфрататов» в генезисе европейских фармакогнозий. Любопытную эволюцию пережил персидский термин «бабӯна» (ромашка), который в европейских фармакогнозиях в родительном падеже принял окончание латинского языка «is», а затем был заимствован в сред-

невековой армянской терминологии в форме косвенного падежа, превратившись в «папуниса», или «папунис».

Проведенный нами анализ так называемых «франкских» терминов фармакогнозии Амирдовлата выявил в качестве их главного источника трехязычный армяно-арабско-латинский словарь «Названия лекарств» из «Лечебника врача Ованеса» [107, л. 10a]. В самом деле, большая часть их представляет собой латинские, латинизированные греческие и старофранцузские названия лекарственных веществ, взятые из словаря, созданного несколькими десятилетиями ранее одним из предшественников Амирдовлата. Так, терминам книги «Ненужное для неучей» «гамилум вэнэрис» (*Capillus veneris*), «лигурисий» (*Liquiritia*), «калпанум» (*Galbanum*), «симпервиву» (*Sempervivum*), «фарфиум» (*Euphorbeum*) в словаре «Названия лекарств» соответствуют аналогичные или несколько видоизмененные термины «габиллум вэнэрис», «лигойрисия», «калпанум», «сэмбэр вива», «эойфавриум».

В свое время Карст, обстоятельно изучивший словарь «Названия лекарств», обратил внимание на несколько произвольную транскрипцию латинских и старофранцузских терминов в среднеармянском языке, в то время как арабские и персидские термины были транскрибированы по строгим правилам [108]. Это обстоятельство он объяснял слабым знанием языка со стороны составителя словаря, что выразилось в произвольном изменении окончаний латинских слов «us» на «um» и обратно, употреблении форм родительного падежа в значении именительного и т. д. Вышеуказанные ошибки при транскрипции латинских терминов в словаре «Названия лекарств» не были исправлены и в фармакогнозии Амирдовлата, не проявившего в достаточной степени критического подхода к своим источникам.

Наконец, несколько слов об индийских терминах книги «Ненужное для неучей». Число их невелико: «качур» (дикий имбирь), «фуфал» (семя арековой пальмы), «нарчил» (кокосовый орех), «нарпаси» (зедоарий), «пэс» (аконит) и названия некоторых других растений флоры Индии. Индийское название зедоария, по Амирдовлату, связано с наименованием аконита, против которого он служил противоядием. Что же касается последнего, то, как пишет автор книги «Ненужное для неучей», оно встречается в форме «пэс», а не «пэш», как у арабов

ибо в «индийском языке нет буквы „ша“» [43, с. 320]. На самом деле название аконита — Bish в индийских языках происходит от санскритского Visha (яд). Кроме того, как в санскрите, так и в новоиндийских языках имеется согласный «ш». Однако армянский бжшкапет все же не ошибается, ибо его утверждение правильно для некоторых из среднеиндийских языков. Бируни в «Индии» пишет: «Упоминают, что число букв у них было меньше, а впоследствии оно увеличилось. Это вполне возможно» [69, т. 2, с. 175]. Действительно в языке панджаби согласный «ш» является заимствованным. В этом, а также в некоторых других индийских языках встречаются фонетические варианты, в которых вместо «ш» употребляется «с», например название одного из видов спаржи — *Asparagus racemosus* Roxb. на панджаби — Satavar, тогда как на языке мала-ялам — Shatavali; укроп на хинди именуется Sowa, а на бенгали — Shonva [109, с. 60, 324].

Таким образом, вышеуказанное утверждение Амирдовлата имело под собой почву, что еще раз свидетельствует об обширных лингвистических познаниях средневекового армянского врача. Богатый¹ опыт лексикографа, нашедший отражение уже в «Таблице-образном словаре» и «Словаре заменителей», с особой силой проявился при создании энциклопедического словаря лекарственных веществ — книги «Ненужное для неучей», которую по праву считают одним из значительных явлений средневековой армянской лексикографии [83, т. 2, с. 27—34].

Амирдовлат Амасиаци — врач и фармакогност

Изучение лекарственных средств из арсенала средневековой армянской фармакогнозии началось примерно со второй четверти XX в., после того как К. Басмаджяном был опубликован текст книги «Ненужное для неучей». Большим энтузиастом этого дела был А. О. Сепетчян, знаток армянской народной медицины [110—112]. В 40—50-х годах группа армянских фармакологов под руководством С. А. Мирзояна апробировала в эксперименте ряд лекарственных средств растительного происхождения, рекомендованных Амирдовлатом Амасиаци для лечения болезней органов ды-

хания, кровообращения, желудочно-кишечного тракта и некоторых других [113—115].

Поиски в этом направлении продолжались и в дальнейшем [116—118]. Однако работа тормозилась в связи с трудностями терминологического характера, служившими препятствием для идентификации древних названий лекарственных веществ в книге «Непужное для неучей» с принятыми в современной терминологии. Добавим также, что за пять столетий, отделяющих современного исследователя от времени, когда был создан этот замечательный труд, названия многих лекарственных веществ при переписывании подверглись значительным искажениям. Для критического восстановления искаженных терминов были использованы рукописи книги «Непужное для неучей», хранящиеся в Матенадаране им. Маштоца и в зарубежных собраниях. Кроме того, для расшифровки заимствованных терминов были привлечены те первоисточники, на которые ссылается Амирдовлат, и в первую очередь «Materia medica» Диоскорида [3], «Капоп» Ибн Сины [11], «Сайдана» Бирунн, «Большое собрание о свойствах простых лекарственных и пищевых средств» Ибн Байдара [119], «Утешение при лихорадках» Мхитара Гераци [22] и другие сочинения по лекарствоведению, ботанике и фитотерапии, а также различные словари для уточнения древних и средневековых армянских названий растений, животных и минералов и истолкования иноязычных терминов [120—138].

После того как были установлены точные современные названия лекарственных средств и болезней, при которых они применялись, полученная информация была обработана. Сопоставление данных средневековой армянской фармакогнозии с результатами химического, фармакологического и клинического испытаний тех же растительных веществ, которые описаны в книге «Непужное для неучей», проливает свет на механизм их действия и принципы средневековой фитотерапии [139—147].

Лечение инфекционных болезней и аллергий

Лечение инфекционных и аллергических болезней со времен Мхитара Гераци было одним из ведущих направлений в средневековой армянской медицине. Эти болезни рассматривались в средневековых лечебниках

как разновидности лихорадок. Причем собственно инфекционные болезни получили названия «изнурительных» и «плесневых» лихорадок, тогда как различные формы аллергий (физическая, химическая, пищевая, нервно-психическая) именовались «однодневными» лихорадками. Из аллергических болезней в средневековых лечебниках отдельно рассматривались крапивница (в арабской терминологии — «шара») и бронхиальная астма («рабу»). Отметим также, что в группу «изнурительных» лихорадок входили различные формы туберкулеза, тогда как под «плесневыми» лихорадками понимали почти все остальные известные в древней и средневековой медицине инфекционные болезни: малярию, тифы, корь, скарлатину, холеру, чуму, септические заболевания. Ввиду того что одни и те же растения часто употреблялись для лечения как «однодневных», так и «изнурительных» и «плесневых» лихорадок, мы рассматриваем их в одном и том же разделе, хотя в современной медицине эти болезни представляют самостоятельные нозологические единицы.

Для лечения инфекционных и аллергических лихорадок в книге «Ненужное для неучей» рекомендуется целый ряд растительных средств. Большинство из них были получены из целебных растений Армении, а также стран Востока. В средневековой армянской ботанике для обозначения местных видов нередко использовались названия растений, описанных Dioscoridem для флоры Греции, Италии и некоторых других европейских стран.

Большинство лекарственных растений, применявшихся Амирдовлатом Амасиаци в качестве противоинфекционных и противоаллергических средств, принадлежит к семействам *Ariaceae*, *Agaceae*, *Asteraceae*, *Lamiaceae*, *Oleaceae*. На некоторых из них мы остановимся подробнее. О борщевике (*Hieracleum*) в книге «Ненужное для неучей» сказано: «Это растение, листья которого похожи на листья платана и оппопанакса. Оно достигает в длину одного локтя... А корень [его] белый и похож на редьку. Борщевик растет во влажных местах. Если съесть его семена, то они растворяют слизь и помогут при [болезнях] желчного пузыря, печени, желтухе, удушье и падучей... Если выпить [отвар] корня, то поможет при желтухе, болезнях печени и астме» [43, с. 535]. Как видно, растение было эффективно не только при бронхиальной астме, но и

при инфекционном поражении печени. У Амирдовлата для обозначения борщевика употребляется термин «сугунтулион» (искаженная арабизированная форма *Sphondylium* Диоскорида), который соответствует названию европейского вида *H.sphondylium* L. Встречающийся во флоре Армении вид — *H.sosnowskyi* Manden. — богат, по современным данным, эфирными маслами, а также производными фурукумарина (пимпинеллин и изопимпинеллин) [138, т. 2, с. 175].

Весьма эффективным средством для лечения крапивницы почитался корень айра (*Asopus calamus* L.), который изредка встречается во флоре современной Армении, куда, как и в страны Европы, был запесен после монгольских нашествий [148, с. 243]. О его лечебных свойствах Амирдовлат писал: «Он весьма полезен при том недуге, который именуется „шара“. В первый день следует дать выпить полтора драма его в укусуমেде, а во второй день — полмтхала, а на третий день — один драм. И недуг полностью пройдет» [43, с. 36]. Корневище айра богато эфирным маслом, в состав которого входят эвгенол, асарон, сесквитерпены, а также содержит алкалоид каламин, горький глюкозид акорин и смолы [138, т. 1, с. 257]. В современной медицине его противоаллергические свойства не изучены. Он применяется как средство для возбуждения аппетита, улучшения пищеварения и при ацидных гастритах [149, с. 236].

В фитотерапии аллергических болезней в прошлом использовалась также полынь, лечебный спектр которой был изучен гораздо лучше, чем в наши дни. Растение считалось эффективным средством при бронхиальной астме, обладая, помимо противоглистных свойств, которые известны и в современной медицине, и некоторыми другими ценными свойствами. «Лучшим видом, — сказано в книге „Ненужное для леучей“, — является желтая [полынь], привозимая из Армении... Она помогает при одышке и астме. Делает обильной мочу и вызывает месячные, изгоняет плод и выводит плоские глисты. Она помогает при [уплотнении] селезенки. А тот вид, который привозится из Армении, помогает при отравлении всеми видами ядов, а также при укусах скорпиона и фалапги» [43, с. 96]. Помимо ядовитого лактона сантонина ($C_{15}H_{18}O_3$), цитварная полынь (*Artemisia cina* Berg.) и другие виды содержат эфирное масло с сильным противовоспалительным и

противоаллергическим действием, обусловленным присутствием сесквитерпенового спирта сесквиартемизола ($C_{15}H_{24}O$) [149, с. 240]. Близким спектром лечебного действия, по данным Амирдовлата, обладает и другое растение из семейства *Asteraceae* — девясил высокий (*Inula helenium* L.), распространенное во многих районах Армении. Сок его корневища в смеси с медом назначали при бронхиальной астме и астматических бронхитах. В механизме его действия главная роль принадлежит компонентам эфирного масла — сесквитерпеновым лактонам [138, т. 2, с. 311].

Присутствием эфирного масла и его компонентов объясняется и лечебное действие таких видов сыти, как *Cyperus longus* L. и *Cyperus rotundus* L., которые встречаются во флоре Армении. В книге «Непужное для неучей» о сыти говорится: «Это корень растения. Он ароматный. Изгоняет мелкие и крупные глисты из живота... Сыть полезна при чуме. А если больной крапивницей полежит на ее листьях, то будет очень полезно» [43, с. 509].

В средневековой армянской медицине в качестве противовоспалительных и противоаллергических средств использовались лекарственные вещества, выделенные из представителей эфирномасличного семейства *Lamiaceae*: дубровника, шандры, майорана, иссопа и тимьяна. Относительно шандры обыкновенной (*Magrubium vulgare* L.) Амирдовлат пишет: «Это травянистое растение с четырехгранным узловатым стеблем. Листья шандры плотные и тяжелые, не заостренные, а округлые, с шероховатой поверхностью. Она растет на дорогах: один раз появляется весной и один раз — осенью. Она на вкус горька, а листья ее имеют беловатый оттенок, они шероховатые, как листья Melissa, и горькие. Шандра вызывает месячные и выкидыш. Она является одним из лекарств, которые обезвреживают действие ядов... А если ее корень растолочь и просеять, смешать с медом, с которого снята пенка, приготовить кашку и дать при кашле, то поможет. Она очень полезна при астме и удушье. А если сварить, приготовить полоскание, добавить шесть драм листьев шандры и дать человеку, страдающему сильным кашлем, то поможет и прекратит [кашель]. И поступай так в течение шести дней! Это очень полезно для груди. Испытано многократно» [43, с. 611–612]. Шандра содержит эфирное масло, дитерпеновый лак-

тон маррубин ($C_{21}H_{28}O_4$), алкалоиды и таниды, т. е. комплекс веществ, благоприятно действующих при заболевании дыхательных путей, и в частности при астматических бронхитах [138, т. 2, с. 229]. По тем же показаниям применялся иссоп узколистный (*Hyssopus angustifolius* M. B.), встречающийся во флоре Армении. Эфирное масло некоторых видов иссопа обладает, по данным литературы, антилепрозными свойствами [138, т. 2, с. 226]. Мхитар Герацй рекомендовал его для лечения туберкулеза [22, с. 120].

В медицине Востока масло масличного дерева (культурного и дикого) издавна применялось как противоаллергическое средство. Ибн Сина писал в «Каноне»: «Масло диких маслин [употребляется] при роже, герпесе и крапивнице... Черные маслины с косточками принадлежат к числу курений, которые применяются при астме и заболеваниях легких» [11, кн. 2, с. 249—250]. Аналогичные данные приводятся в книге «Непужное для неучей». Масличное дерево культивировалось на территории исторической Армении [150, с. 96]. В плодах его содержится до 70% жирного масла, богатого витаминами (D, E, B₁, каротин). Из маслин выделен гликозид олеироенин с гипотензивными свойствами, в листьях обнаружены эфирное масло и флавоноиды.

По тем же показаниям часто назначались препараты из кустарникового жасмина (*Jasminum fruticans* L.), средиземноморского вида, встречающегося в Армении. Амирдовлат пишет: «Если шесть драм его [корня] сварить в 120 драмах воды, пока не останется половина, отжать, прибавить равное количество сахара и смешать до полного растворения, то поможет при хроническом кашле и удушье... Помогает и при астме» [43, с. 154]. Растение обладает протистоцидными и антибактериальными свойствами. Кора и листья богаты дубильными веществами, в коре обнаружены также глюкозиды, в листьях — токоферол и каротин, в цветах — эфирное масло. Жасмин представляет интерес для современной медицины из-за своего противоаллергического действия.

В фитотерапии инфекционных и аллергических лихорадок в прошлом весьма эффективным средством почитался сок подорожника (*Plantago major* L.). Амирдовлат пишет: «Сок его помогает при язвах почек и мочевого пузыря и прекращает выделение кровавой мочи.

Он открывает закупорку печени и селезенки, останавливает образование семени. [Помогает] при всех видах горячих опухолей, крапивнице, ползании мурашек, ожогах, карбункуле и слоповой болезни и вылечивает злокачественные язвы. Сок подорожника полезен при перемежающейся лихорадке» [43, с. 110]. Листья подорожника, по современным данным, содержат глюкозид аукубин, слизь, дубильные вещества, смолы, органические кислоты, сапонины, стерины, ферменты, а также витамины (С, К, каротин) [151, с. 191].

Препараты подорожника обладают бактерицидным и гормональным действием, с чем связана его активность при вышеуказанных болезнях, в частности аллергии, в патогенезе которой определенную роль играют инфекционный и гормональный факторы [152, с. 350]. Листья подорожника и его семена — излюбленное средство народной медицины. Врачи рекомендуют препараты подорожника для лечения язвенной болезни желудка и двенадцатиперстной кишки и как отхаркивающее средство [149, с. 98].

Гормональное действие присуще и некоторым другим растительным видам, описанным в фармакогнозии Амирдовлата, в частности воробейнику лекарственному (*Lithospermum officinale* L.), о котором говорится: «Если два драма его семян принять с белым вином, то вызовет месячные и растворение камня, делает обильной мочу и поможет при астме» [43, с. 307]. Растение встречается во флоре Армении. Применяется в народной медицине многих стран. В китайской медицине рекомендуется при крапивнице и других кожных болезнях [153, с. 163]. В корнях воробейника, как и в корнях многих представителей семейства бурачниковых, содержится, по современным данным, красный пигмент алкапнии, в листьях — эстрогенные вещества, в семенах — пенасыщенные жирные кислоты, обладающие антитиреотропным действием [138, т. 2, с. 218].

Анализ лекарственных средств растительного происхождения, использовавшихся в средневековой армянской фитотерапии, показывает, что большая часть их получена из видов, богатых эфирными маслами. Последние содержат углеводороды терпенового ряда и их кислородсодержащие производные (пипен, камфен, фелландрен, сесквитерпены, тимол и борнеол). В настоящее время сесквитерпеновые лактоны все более привлекают внимание при отборе новых антимикроб-

ных препаратов [154]. Кроме того, ряд растений, обладающих, по данным Амирдовлата, высокой противоаллергической активностью, в качестве компонентов эфирного масла содержат наряду с сесквитерпенами, сесквиартемизол, например цитварная полынь, девясил, аир. В эту группу входят и растения, наделенные гормональными свойствами (шандра, воробейник, чернушка, подорожник и др.) и широким спектром противоаллергического и противовоспалительного действия.

Лечение болезней почек и мочевого пузыря

Многие растительные виды из вышеуказанных семейств применялись в средневековой армянской медицине не только для лечения инфекционных и аллергических лихорадок, но и ряда болезней, в этиопатогенезе которых большую роль играют инфекционный и аллергический факторы. В частности, воробейник лекарственный, чернушка посевная, некоторые виды можжевельника, тимьяна и полыни рекомендовались в качестве противовоспалительных, мочегонных и литолитических средств при болезнях почек и мочевого пузыря. В книге «Ненужное для неучей» описано большое число подобных лекарственных растений.

Поискам литолитических средств в свое время довольно много внимания уделял Ибн Сина, писавший: «Цели, к которым стремятся врачи при лечении от камней: прекращение [образования] их материи, предотвращение зарождения камней путем устранения причины и исправления ее, а затем крошение и дробление камней, срыв их и удаление с того места, где они повисли, при помощи лекарств, производящих такое действие, после чего их изгоняют мягко и постепенно. Некоторые люди пытаются извлекать камни через разрез в боку или спине, но это дело страшно опасное, совершаемое [лишь] человеком, лишенным разума» [11, кн. 3, т. 2, с. 293]. Эти слова Ибн Сины оказали большое влияние на тактику врачей в средние века. При том уровне хирургической техники и отсутствии настоящей асептики операции на почках почти всегда заканчивались смертельным исходом, как это предсказывал до Ибн Сины и Гиппократ. А посему большое значение придавалось консервативной терапии мочекаменной болезни, и в особенности фитотерапии. Амирдовлат Амасиаци, а до него многие армянские врачи,

в том числе автор «Лечебника Гагика—Хетума» и Мхитар Гераци, изучали вопросы этиопатогенеза, клиники и лечения болезней почек, придерживаясь этой тактики и широко используя опыт армянской народной медицины [25, л. 152а; 30].

В фитотерапии болезней почек и мочевого пузыря Амирдовлат особенно охотно использовал растения из семейства *Ariaseae*: укроп, ажгон, сельдерей, фенхель, многие из которых издавна культивируются в Армении и используются как пищевая зелень и пряности. Употребление этих растительных видов в пищевом рационе армян в течение веков было своеобразной эмпирически найденной профилактикой мочекаменной болезни. Об укропе в книге «Непужное для неучей» говорится: «Он бывает огородным и диким. Лучшим видом является огородный, с желтым цветком. Помогает при отрыжке и колике, растворяет камень и полезен при болях в пояснице» [43, с. 429]. В плодах укропа, по современным данным, содержится до 4% эфирного масла, в состав которого входят карвон, лимонен, фелландрен, в зелени обнаружены флавоноиды, каротин и аскорбиновая кислота. Препарат из плодов укропа нашел применение в современной медицине в качестве спазмолитика [149, с. 569]. Близким действием обладает и зверобой из семейства *Hypericaceae*, плоды, листья и смола которого применялись в средневековой фитотерапии. «Это растение, которое растет на острове Крит,— пишет Амирдовлат.— Листья у него мелкие. У зверобоя есть стебли и плоды. А смола его похожа на камедь. Если из плодов, листьев и смолы приготовить пластырь с вином и приложить к тому месту, где застряла стрела, то вытянет ее. А если выпить, то прекратит истечение мочи по каплям, растворит камень в мочевом пузыре и выведет его. Он вызывает месячные. Пей 2 драма!» [43, с. 564]. Во флоре Армении встречается вид *Hypericum perforatum* L., который богат эфирными маслами, дубильными веществами, флавоноидами, витаминами и обладает сильным бактерицидным действием [155, с. 108].

Весьма богаты эфирными маслами и представители семейства *Asteraceae*. В книге «Непужное для неучей» для растворения камней рекомендуются полынь — виды *Artemisia abrotanum* L. и *A. vulgaris* L. и пижма — виды *Tanacetum argyrophyllum* (C.Koch.) Tzvel., *T. parthenifolium* Sch. Bip. (Will.). О последнем виде

сказано: «Это травянистое растение, цветок которого похож на цветок ромашки, а листья — на листья моркови. Цвет его темно-зеленый, а вкус и запах, как у горькой полыни. Пижма появляется в летние дни. Растворяет камень почек. А если выпить три драма [сока], то сделает обильной мочу и растворит и выведет камень мочевого пузыря» [43, с. 108—109]. В состав эфирных масел этих растений входят сесквитерпеновые лактоны вульгарин, тамирин и др. [156]. Препараты *T. argyrophyllum*, широко распространенного вида флоры Армении, применяются в народной медицине при нефрите. Что же касается полыни обыкновенной, или чернобыльника, то листья и корни ее рекомендуются также при эпилепсии, женских болезнях и лихорадках. Растение встречается во многих районах Армении в качестве сорняка. Литолитические свойства присущи и другим видам полыни. Н. Х. Максудову удалось получить из *A. scoraria* W. et K. препарат артемизол, эффективный при мочекаменной болезни, главными компонентами которого являются α - и β -пинены и мерцен [157, с. 136].

В фитотерапии мочекаменной болезни использовалась и частуха подорожниковая (*Alisma plantago-aquatica* L.), о которой в книге «Ненужное для неучей» сказано: «Листья ее похожи на листья подорожника. Она достигает в длину одной пяди, а бывает и выше. Верхушка ее похожа на капитель. Цветок у нее белый с желтоватым оттенком. А корень похож на корневище черного морозника, но он приятно пахнет... Если сварить и отвар выпить, то растворит камень почек» [43, с. 363]. Корневище ее содержит, по современным данным, эфирное масло, а также смолы, дубильные вещества и свободные кислоты. Присутствием последних в значительной степени обусловлены литолитические свойства частухи. Известно, что лимонная и некоторые другие кислоты способствуют растворению фосфатов и карбонатов. Растение встречается во флоре Армении и издавна применяется в народной медицине как мочегонное.

Литолитическими свойствами были наделены, по данным Амирдовлата, некоторые виды из семейства капустных: редька дикая (*Raphanus raphanistrum* L.) и редька посевная (*R. sativus* L.), а также горчица дикая (*Sinapis arvensis* L.). О редьке у него сказано: «Если растолочь редьку без листьев, взять 10 драм ее

сока и выпить патоцак, то растворит крупные и мелкие камни и выведет их из мочевого пузыря. Это испытано» [43, с. 108]. В книге «Ненужное для неучей» описаны также гормональные свойства редьки, и в частности молокогонные и усиливающие половую потенцию. Лекарственная активность растения связана с присутствием стероидных сапонинов. Из семян редьки выделено также антибактериальное вещество [138, т. 2, с. 70]. Кроме культурной редьки, в Армении в виде сорняка произрастает дикая редька, в семенах которой содержится глюкозид, близкий по строению к синальбину горчицы.

Гормональные свойства обнаруживают и некоторые другие растительные виды, которые применялись в средневековой медицине для растворения камней, в том числе якорцы (*Tribulus terrestris* L.). «Армяне называют их „таташ“, — пишет Амирдовлат. — Они бывают дикие и садовые. Лучшим видом является тот, который растет на песчаных местах и бывает зеленого цвета... Они растворяют камень и помогают при задержке мочи, а также при колике и болях в пояснице. Они усиливают и половую потенцию, если выпить или сделать клизму. Для укрепления половой силы весьма полезно их масло» [43, с. 248]. Как сорное растение якорцы распространены в ряде районов Армении. Применяются в народной медицине. Растение содержит стероидные сапонины [138, т. 2, с. 124]. Наличие гормональных свойств у многих литолитиков, подмеченное эмпирическим путем, далеко не случайно. В настоящее время установлено, что в этиопатогенезе мочекаменной болезни наряду с инфекцией большую роль играют также эстрогены, 17-кортикостероиды и гормоны щитовидной железы.

Для растворения камней почек и мочевого пузыря Амирдовлат рекомендовал ряд растений, содержащих в корнях красящие вещества (алканин, ализарин). Древнее литолитическое средство, полученное из корней марены, по данным книги «Ненужное для неучей», «делает мочу обильной и вызывает выкидыш... открывает закупорку печени, растворяет камень и помогает при желтухе» [43, с. 620]. Корневище марены содержит руберитриновую кислоту, дающую при расщеплении ализарин ($C_{14}H_8O_4$). Марена входит в состав чешского литолитического препарата цистенал. Во флоре Армении встречается вид *Rubia iberica* C. Koch.,

наделенный бактериостатическими свойствами [138, т. 2, с. 272].

Аналогичным действием обладают также растительные виды из семейства *Boraginaceae*: воробейник лекарственный и воловик красильный. Помимо красящих веществ, эти растения содержат стероидные сапонины, стерины и другие вещества с гормональной активностью. Что же касается растительных пигментов, то под действием окислительно-восстановительных превращений, которые свойственны этим соединениям, происходит окисление мочи, приводящее к растворению некоторых видов мочевых камней.

В фитотерапии мочекаменной болезни в прошлом находили применение особые коллоидные вещества растительной природы — камеди и камедесмолы, представляющие собой полисахариды, кальциевые, калиевые и магниевые соли сахарокамедиевых кислот. В современной науке установлено, что соли магния и вообще электролиты мочи имеют большое значение для растворения оксалатов и других камней. Амирдовлат Амасиаци рекомендовал при мочекаменной болезни камедесмолы ферул: гальбан, продуцируемый *Ferula gummosa* Boiss., и сагапен, выделяемый *F. szowitsiana* DC., а также камеди сливы, миндаля и вишни.

Таким образом, в средневековой армянской фитотерапии эмпирическим путем был выявлен ряд лекарственных средств для лечения болезней почек. Наряду с антибактериальными и противоаллергическими веществами, и в частности компонентами эфирных масел, они содержат также гормоноподобные соединения, органические кислоты, пигменты, камеди и смолы, т. е. комплекс веществ, представляющих большую ценность с точки зрения современных представлений об этиопатогенезе этих болезней. Некоторые из них могут быть взяты на вооружение современной медициной.

Лечение глазных болезней

Лечению глазных болезней уделялось большое внимание в средневековой армянской медицине, одной из наиболее развитых отраслей которой являлась офтальмология. В «Лечебнике Гагика—Хетума», в трудах Мхитара Гераци, Григориса, Степаноса и других представителей киликийской школы уделено большое внимание лекарственной терапии глазных болезней. Осо-

бенно большой вклад в эту область внес Амирдовлат Амасиаци, долгие годы специализировавшийся в офтальмологии. В книге «Ненужное для неучей» он описал лекарственные средства растительного, животного и неорганического происхождения, применявшиеся для лечения глазных болезней. В ней суммированы данные относительно лекарственных растений, зарекомендовавших себя в прошлом в офтальмологической практике.

Анализ полученных данных показывает, что в средневековой фитотерапии глазных болезней инфекционно-аллергической природы (конъюнктивит, фолликулез, трахома и ее осложнения, блефарит, кератит и др.) в основном применялись растения из семейств *Ariaceae*, *Asteraceae*, *Fabaceae*, *Lamiaceae*, *Liliaceae*. Некоторые из них были эффективны и при других локализациях инфекционного и аллергического процессов (фенхель, шандра, донник, подорожник, дубровник). Особенно часто при глазных болезнях назначались виды, принадлежащие к семейству *Ariaceae*: фенхель, морковь, кумин, имеющие пищевое значение. О фенхеле обыкновенном (*Foeniculum vulgare* Mill.) в книге «Ненужное для неучей» сказано: «Он бывает двух видов: дикий и огородный. Лучшим видом является зеленый и молодой. Природа его горяча и суха во второй степени... Если его сок закапать в глаз, то улучшит зрение и придаст глазам блеск. Если человек, начиная с первого весеннего дня, когда солнце вступает в созвездие Овна, и вплоть до того, как оно вступает в созвездие Рака, т. е. до первого летнего дня, будет есть ежедневно по одному мтхалу семян фенхеля с сахаром, то в течение года он не будет знать болезней» [43, с. 324]. Эфирное масло растения содержит, по современным данным, анетол, фенхон, пинен, камфен, фелландрен и некоторые другие компоненты [149, с. 256].

Лечебное значение имели также семена моркови, которые Амирдовлат рекомендовал употреблять с медом при помутнениях роговицы. Следует отметить, что они считались также тонизирующим средством, усиливающим половую потенцию. Гормональное действие плодов моркови отмечено и в индийской медицине. По современным данным, эфирное масло их богато пиненом, гераниолом и некоторыми другими компонентами, входящими в состав многих растений с противоаллергическим и противовоспалительным действием, а фла-

воноидный препарат даукарин, полученный из семян моркови, обладает сосудорасширяющими и спазмолитическими свойствами [138, т. 2, с. 171].

Немало растений из семейства Asteraceae нашло применение в средневековой фитотерапии инфекционных и аллергических заболеваний глаз, например лопух, птармика, пулавка, василек, цикорий, хондрилла, сафлор и полынь. О лопухе в фармакогнозии Амирдовлата говорится: «Это травянистое растение, плоды которого похожи на плоды тмина. А корень его маленький и на вкус сладкий и мягкий. Та часть его, которая выходит на поверхность земли, бывает длинной и рыхлой. Если мелко растолочь [корень] и посыпать на обожженное место, то выведет плесень из тела, а также поможет при [плесневых] болезнях глаз» [43, с. 86]. Представители рода *Arctium* содержат, по современным данным, глюкозид арктиин ($C_{23}H_{38}O_{12}$), а некоторые виды (например, *A. minus* L.) — сесквитерпеновый лактон арктиопикрин и вещества антибиотического действия. В корнях *A. lappa* L., сорного растения армянской флоры, обнаружены глюкозиды, эфирное масло, фитостерины, таннины, в листьях — аскорбиновая кислота и каротин [138, т. 2, с. 297]. Присутствием их объясняется благотворное действие препаратов лопуха при заболеваниях глаз, эмпирически подмеченное армянским бжшкапетом.

Противовоспалительными и рассасывающими свойствами обладает, по данным книги «Ненужное для неучей», сок растения птармика (*Ptar mica vulgaris* L.), о котором сказано: «Это растение с длинными листьями, похожими на листья масличного дерева. А его стебли похожи на стебли полыни-чернобыльника. Если растолочь листья и цветы и приложить к глазу, то устранят припухлость и кровоизлияние [в глаз]» [43, с. 534]. По тем же показаниям назначались примочки из горькой полыни (*Artemisia absinthium* L.), широко распространенной во флоре Армении. Амирдовлат Амасиаци обратил внимание на ее гормональные (месячегонные) свойства. Растение содержит горькие глюкозиды (абсинтин, апабсинтин), органические кислоты, эфирное масло, в состав которого входят туйон, туйол, фелландрен, сесквитерпены, а также дубильные вещества и витамины (С, В₆, каротин) [158, с. 286].

Для лечения трахомы и ее осложнений (паннус,

трихиаз, бельмо) в средневековой офтальмологии назначались смола хондриллы и сок цикория. Относительно хондриллы (*Chondrilla juncea* L.) Амирдовлат пишет: «Ее сила подобна силе огородного цикория... Ее смола удаляет волосы, которые вырастают в глаз. И корень ее оказывает это действие. А если ее смолу смешать с соком цикория, растереть и ввести в глаз, то удалит паннус» [43, с. 218]. Растение встречается во флоре Армении. В корнях его обнаружены смолы и каучук. Лучше изучено близкое хондрилле растение армянской флоры — цикорий (*Cichorium inthubus* L.), содержащее в корнях глюкозиды цикорин и интибин, дубильные вещества, а в млечном соке — каучук и сесквитерпеновые лактоны лактуцин и лактупикрин. Растение наделено бактерицидными свойствами. Амирдовлат рекомендовал его млечный сок не только при болезнях глаз инфекционной природы, но и при болезнях печени, желудка, а также при хронических лихорадках, указывая, что «он выводит заплесневевшую влагу» из тела.

В средневековой офтальмологии были популярны также растительные средства, полученные из видов, принадлежащих к семейству бобовых. Камедесмолы некоторых представителей рода астрагала (*Astragalus sarcocolla* Dun., *A. microcephalus* Willd.) считались полезными для профилактики и лечения катаракты, а сок верблюжьей колючки (*Alhagi maurorum* Medic.) — при бельме. Сок солодки (*Glycyrrhiza glabra* L.) рекомендовался Амирдовлатом при крыловидной плеве. «Если закапать в глаз свежий сок солодки, — писал он, — то поможет при крыловидной плеве и разъест дикое мясо... А если сухой [корень] растолочь и ввести в глаз, то окажет то же самое действие» [43, с. 541]. Корневище солодки содержит, по современным данным, глицирретиновую кислоту, по действию близкую к дезоксикортикостерону, а также флавоноиды [158, с. 301]. Препараты солодки обладают выраженными противовоспалительными, противоаллергическими и эстрогенными свойствами, отмеченными в средневековой медицине.

В глазной практике издревле применялся сок алоэ (*Aloe vera* L.). Амирдовлат считал его полезным при язвенном кератите, для повышения остроты зрения и профилактики конъюнктивита. Сок другого растения из семейства лилейных — красоднева (*Heimerocallis*

fulva L.) назначался для лечения гнойных процессов в глазу, а также при ожоге.

С целью профилактики и лечения глазных болезней в прошлом употреблялся настой коры барбариса (*Berberis vulgaris* L.), о котором в книге «Ненужное для неучей» сказано: «Если взять ее (кору корня барбариса), размочить в розовой воде и закапать ту воду в глаз, то поможет при слезотечении и вылечит застарелый недуг глаза. Если же закапать в глаз здоровому человеку, то это полностью предохранит его от глазных болезней» [43, с. 27]. Растение встречается во флоре Армении. Содержит алкалоид берберин ($C_{20}H_{18}O_4$) и дубильные вещества. В современной медицине берберин нашел применение при лечении лейшманиоза и маточных кровотечений.

При воспалительных процессах в глазу эффективными считались растительные препараты из льнянки и коровяка, растений армянской флоры, принадлежащих к семейству норичниковых. О коровяке (*Verbasum thapsus* L.) Амирдовлат пишет: «Если его листья сварить в воде и сделать припарку на слизистую опухоль, а также на опухоль глаза, сопровождающуюся краснотой, то поможет. А если сделать припарку с медом и вином и положить на место змеиного укуса, то тоже поможет. И принесет пользу при укусах скорпиона и злокачественных язвах» [43, с. 483]. Растение, по современным данным, содержит эфирное масло, производные кумарина, флавоноиды и обладает антибиотическими свойствами [155, с. 132]. В пародной медицине у армян используется для лечения заболеваний желудочно-кишечного тракта и при туберкулезе [112, с. 97].

Мы видим, что в средневековой фитотерапии были разработаны рациональные методы лечения многих глазных болезней. Большинство из вышеуказанных растительных средств обладает антибактериальными, противовоспалительными и противоаллергическими свойствами, обусловленными присутствием эфирных масел и их компонентов. Немаловажную роль при рассасывании воспалительных инфильтратов, помутнений роговицы и при лечении катаракты играют гормональные вещества, обнаруженные в этих растениях, которые стимулируют обменные процессы. Следует отметить широкое применение в прошлом препаратов, богатых витаминами (С, провитамин А, B_1 , B_2), при та-

ких болезнях, как катаракта, куриная слепота, ячмень, в патогенезе которых определенное значение имеет недостаточность этих витаминов.

В дополнение к фитотерапии в средневековой медицине для лечения глазных болезней назначались неорганические вещества: соединения железа, свинца, цинка, ртути, мышьяка, серы, а также лекарства, приготовленные из драгоценных камней — бирюзы, сердолика, лазурита, гагата, малахита. При язвенном кератите и раке применялась окись цинка. «Она обладает высушивающими свойствами,— пишет Амирдовлат,— предохраняет глаза от болезней, вылечивает их и не позволяет влагам спуститься в оболочки [глаза], а также прекращает слезотечение... Высушивает влажные язвы. Помогает при раке. Она входит в состав глазных лекарств» [43, с. 174]. Как вяжущее средство окись цинка применяется и поныне. Для той же цели в средневековой офтальмологии рекомендовалась окись железа. Что же касается драгоценных камней, то они в основном назначались для повышения остроты зрения и лишь изредка — для лечения болезней (язвы, бельма). Особенно популярен был на Востоке жемчуг, о котором в книге «Ненужное для неучей» говорится: «Он высушивает влажные язвы, укрепляет глаза, предохраняет их от болезни и удаляет бельмо» [43, с. 204].

В средневековой офтальмологии в качестве лекарственных средств употреблялись и препараты животного происхождения — мускус, бобровая струя, печень и желчь куропатки, мозг летучей мыши, кровь голубя и некоторые другие. Желчь различных видов животных считалась эффективным средством при катаракте, глаукоме и куриной слепоте. «Есть много видов ее. Лучшая желчь та, что зеленого цвета. Она предохраняет глаза от начинающейся катаракты и глаукомы», — пишет Амирдовлат. В книге «Ненужное для неучей» нашел отражение огромный опыт армянского бжшккапета в области офтальмологии, который может оказаться полезным для современной медицины.

Лечение нервных и психических болезней

Среди лекарственных средств фармакогнозии Амирдовлата привлекает внимание довольно большая группа растительных веществ, применяющихся для лечения нервных и психических болезней. В происхожде-

нии многих из них большую роль играют инфекционный и аллергический факторы и остаточные явления воспалительного процесса. Исследованиями последних лет установлено, кроме того, важное значение вазоактивных простагландинов экзогенной и особенно эндогенной природы в их этиопатогенезе [159]. Проведенный нами анализ показал, что среди этих лекарственных растений видное место принадлежит представителям семейств *Ariaceae*, *Asteraceae*, *Lamiaceae*, *Liliaceae*, *Fabaceae*, которые, как указывалось выше, были эффективны в отношении инфекционных и аллергических болезней других органов (глаз, почек).

Бросается в глаза высокая лекарственная активность эфирномасличного семейства *Ariaceae*, представители которого применялись при мозговой форме атеросклероза и гипертонической болезни, эпилепсии, мигрени, радикулите, неврите лицевого нерва и некоторых других заболеваниях нервно-психической природы.

Довольно широким спектром действия обладал кориандр посевной (*Coriandrum sativum* L.), о котором в фармакогнозии Амирдовлата говорится: «Он бывает огородный и дикий. Лучшим видом является огородный. Обладает отвлекающими свойствами. Препятствует парам подняться в голову. Нагоняет сон. Он принадлежит к числу лекарств, полезных при закупорке. Помогает при падучей болезни горячей природы. Если смазать тело, то тоже поможет... Сок свежего растения устраняет чувство жжения во рту и помогает при горячих опухлях, роже и крапивнице, а также при карбункуле, если смазать с медом» [43, с. 115]. Лечебное действие сока и плодов растения связано с компонентами эфирного масла: линалоолом, пиненом, цимолом, борнеолом, фелландреном, а также алкалоидами [138, т. 2, с. 171]. Зеленъ кориандра содержит витамины (Е, каротин) и употребляется в пищу.

При целом ряде заболеваний нервной системы в прошлом назначали некоторые виды горичника. В фармакогнозии Амирдовлата говорится: «Если сок смешать с уксусом и маслом розы, то поможет при летаргии, головокружении, падучей, застарелой головной боли, параличе и болезни седалищного нерва. А если смешать с уксусом и оливковым маслом и смазать [тело], то вылечит болезнь нервов» [43, с. 131]. Кроме эфирного масла растение содержит фурукумарин

($C_{15}H_{14}O_4$), из которого в современной медицине был получен противоопухолевый препарат пеucedанин [138, т. 2, с. 178]. Встречающийся во флоре Армении вид горичника *Peucedanum luxurians* Tamamsch. является продуцентом пеucedанина. Близок к нему по своему действию и составу прангос феруловидный (*Pran-gos ferulacea* (L.) Lindl.), о котором в книге «Ненужное для неучей» говорится: «Если его корень высушить, растолочь, смешать с медом и приложить к злокачественным язвам, то поможет... Если [порошок] корня смешать с медом и смазать глаза, то улучшит зрение. А если выпить с перцем и вином, то поможет при падучей» [43, с. 199]. Смолистые выделения его корней нашли применение в народной медицине для лечения женских болезней. Растение встречается в предгорной и высокогорной зонах многих районов Армении. Кроме эфирного масла с бальзамическим, слегка мускусным запахом, содержит производное кумарина и фурукумарина [138, т. 2, с. 179].

Камедесмолы ряда ферул (*Ferula gumosa* Boiss., *F. persica* Willd. *F. szowitsiana* DC.) и камеденосной доремы (*Dorema ammoniacum* D. Don.) рекомендовались Амирдовлатом Амасиаци для лечения воспалительных процессов нервной системы, а также других органов. «Это камедь белого цвета,— пишет он относительно аммиачной камеди.— Она помогает при падучей болезни, утолщении век и воспалении глаз... Если смазать с уксусом, то поможет при горячих и плотных опухолях и болезни костей. Она удаляет гнилое мясо из язв и помогает при болезни седалищного нерва» [43, с. 94]. Состав аммиачной камеди в настоящее время хорошо изучен. В ней содержатся смола (42—72%), камедь (11—26%), эфирное масло, включающее линалоол, цитропеллол и доремол [160, с. 164]. Заменителем иранского «ошаха» служит смола местного армянского вида *Dorema glabrum* F. et M. Близким действием обладает гальбан, который, как показали современные исследования, содержит гальбановую кислоту, производное умбеллиферона, с транквилизирующими и гипотензивными свойствами. В молекуле последней находится также сесквитерпеновый компонент с антибактериальной активностью [161].

В средневековой фитотерапии нервных и психических болезней весьма часто фигурируют представители алкалоидоносных и глюкозидоносных семейств Li-

liaceae, Ranunculaceae, Salicaceae, Zygophyllaceae. Корневище белой чемерицы (*Veratrum album* L.) считалось в прошлом эффективным средством при ряде недугов нервно-психической природы, а также при кожных болезнях. О чемерице в книге «Ненужное для неучей» сказано: «Она помогает при падучей и параличе и убивает вшей. Помогает при лисьей болезни и выводит с лица веснушки. Если смазать кожу, вылечит лишай. Помогает при болезни седалищного нерва и болях в пояснице» [43, с. 211]. Во флоре Армении встречается вид *V. lobelianum* Bernh., который применяется в народной медицине при кожных болезнях. Чемерица содержит, по современным данным, стероидные алкалоиды — рублиервин, изорублиервин ($C_{27}H_{43}O_2N$), гермитетрин, гермин и некоторые другие, которые наделены гипотензивными свойствами, но широкому их применению препятствует высокая токсичность препаратов [160, с. 618].

Гормональные свойства присущи и другому растению армянской флоры — гармале, или могильнику (*Peganum harmala* L.), которое Амирдовлат рекомендовал при ряде заболеваний нервно-психической сферы. «Если [семена] его смешать с вином и выпить, — пишет он, — то помогут при падучей. Они обладают психотропным действием. Если с медом ввести их в глаз, то обострят зрение. Помогают при [болезнях] черной желчи и страхах и устраняют заботы. Делают обильными мочу и месячные и изгоняют плод из утробы... Ибн [Байтар] говорит, что если в течение 12 дней каждую ночь пить по одному мтхалу неразмельченных семян, то вылечат болезнь седалищного нерва» [43, с. 247]. Растение в виде сорняка распространено в низкотгорных районах Армении. Используется в народной медицине многих стран, в Индии, например, применяется как abortивное средство. Во всех частях растения, и особенно в семенах, содержатся, по современным данным, алкалоиды: гармалин ($C_{13}H_{14}ON_2$), гармалол, гармин и пеганин. В современной медицине препараты гармалы находили одно время применение при болезнях экстрапирамидной системы и последствиях эпидемического энцефалита, при паркинсонизме и дрожательном параличе [160, с. 124], но из-за высокой токсичности были сняты с производства.

В народной медицине многих стран Востока корень пиопа почитался одним из наиболее эффективных

средств для лечения эпилепсии. Амирдовлат пишет: «Он помогает больному падучей, если принимать внутрь или держать при себе. А плод пиона помогает [страдающему] кошмарами. Если повесить его на шею больному падучей, то тоже поможет... Если же сделать окуривание корнем и плодом, то поможет тому, кто внезапно забился в приступе падучей. Он помогает [также] тем, кто блуждает в пустынных местах» [43, с. 619]. Классики восточной медицины (Ибн Сина, Ибн Байтар) высоко ценили противосудорожные свойства пиона лекарственного (*Paeonia officinalis* L.).

В лечебных целях применялись также корни *P. suffruticosa* Andr. и *P. anomala* L. В корнях последнего вида обнаружено эфирное масло, в состав которого входят салициловая кислота и ее производные — пеонол ($C_9H_{10}O_3$), метилсалицилат и глюкозид салицин ($C_{13}H_{18}O_7$). В Армении встречается близкий вид — пион узколистый (*P. tenuifolia* L.), цветы которого содержат пеонинхлорид с антибиотическим действием [138, т. 2, с. 40]. Клинические испытания препаратов *P. anomala* подтвердили данные восточной медицины о его противосудорожном действии [162]. Все это говорит о необходимости более тщательного изучения лекарственных средств средневековой армянской фармакогнозии с целью их практического использования в современной медицине.

Следует отметить, что перво-психические заболевания в прошлом лечились с помощью не только фито-препаратов, но и средств животного происхождения (сывороточная закваска из рубцов желудка зайца и некоторых других животных, медвежья желчь, печень куропатки, мозг ласки, бобровая струя, мускус и т. д.). Некоторым из них, например мускусу и бобровой струе, приписывались тонизирующие свойства, другим (сывороточной закваске, препаратам печени) — анти-токсические свойства. Нередко готовили сложные смеси, включающие наряду с растительными компонентами и вещества животного происхождения. Весьма популярна была для лечения эпилепсии и мигрени ароматическая смесь «галина», которую готовили из мускуса, амбры и камфарного масла. Вообще в армянской медицине, как и в медицине Востока, большое значение придавали воздействию на организм через рецепторы обоняния. Поэтому в сложных прописях для лечения нервно-психических болезней почти всегда присутство-

вали ароматические вещества с запахом мускуса и амбры, которые употреблялись и для окуривания больных.

В средневековой армянской медицине применялись методы внушения и психотерапевтического воздействия. Мхитар Гераци успешно использовал их для лечения психогенных аллергий, рекомендуя музыку как одно из сильнейших средств при депрессивных состояниях, способствующее восстановлению душевной гармонии. Амирдовлат Амасиаци придавал большое значение воздействию слов врача и окружающих больного лиц на течение болезни, особенно если они сказаны в подходящий момент, когда больной психическим недугом находится в состоянии внушаемости. В средневековой медицине, где еще сильны были элементы магической медицины, для внушения употреблялись также амулеты, приготовленные из органов или тканей животных или корней растений, наделенных целебными свойствами. В книге «Ненужное для неучей» приводится следующий любопытный рассказ о магических обрядах племени, жившего на Сокотре: «Женщины там занимаются колдовством и блудом. Если два человека враждуют, а один из них чужеземец и его хотят погубить, то обращаются к колдунье. И та женщина, если захочет его околдовать, то держит в уме имя этого человека и его образ, читает [заклинание], ставит перед собой чашу с водой и вершит колдовство, пока в воде не появится капля крови, а затем [чашу] заполнят печень, сердце и легкие. И тогда в тот же миг этот человек умрет. А если вскрыть живот умершего, то там не будет ни сердца, ни печени, ни легких — настолько они искусны в своем колдовском деле» [43, с. 519—520]. Однако племя, по словам Амирдовлата, не довольствуясь магической медициной, преуспело и в рациональных методах лечения, готовя знаменитый сокотрийский сабур, который почитался действенным средством при психических недугах, ибо он «очищает голову от избытка влаги, помогает при меланхолии и укрепляет разум» [43, с. 520].

Отголоски этих магических верований звучат в совете «повесить корень пиона на шею больного падучей» или в тех предосторожностях, которые соблюдались при выкапывании корня мандрагоры. В последнем случае выбирали подходящий момент в соответствии со следующими астрологическими указаниями: «Этот ко-

рень следует выкапывать в то время, когда Марс находится на 24-й ступени [знака] Овна или Козерога, а Луна близка к Марсу, и оба они находятся в одном и том же доме Зодиака, а день недели — вторник, время же — после восхода солнца. Тогда копают с четырех сторон, так, чтобы она (мандрагора) наклонилась, и приводят собаку, которая несколько дней была голодной, привязывают к ее ноге веревку, один конец которой прикрепляют к тому корню, что раскопан, после чего надо уйти самому и позвать собаку. Она потащит и вырвет корень, а сама подойдет» [43, с. 506]. Но тот же корень, которому приписывались магические свойства амулета, служил рациональным средством для лечения болезней нервной системы, ибо он, по словам Амирдовлата, помогает «при падучей, меланхолии, всех болезнях черной желчи, параличе, искривлении лица, проказе, помешательстве, забывчивости и одержимости». Наряду с рациональными данными Амирдовлат приводит ряд полуполюгендарных сведений о ее целебных свойствах, прибавив: «Знай, что о ней было сказано много противоречивых вещей, и трудно проверить, что же истинно». Тем не менее стремление проверить и отделить подлинное от вымысла всегда руководило армянским бжшкапетом, заставляя его смело обращаться к опыту как критерию истины, чему он дал немало примеров в книге «Ненужное для неучей».

Лечение злокачественных и доброкачественных опухолей

Лекарственное лечение рака, которое является одной из узловых проблем современной медицины, было достаточно актуальным и во времена Амирдовлата, о чем свидетельствует большое количество растительных средств, описанных в его фармакогнозии в качестве противоопухолевых.

Из довольно большой группы противоопухолевых средств в первую очередь привлекают внимание те, которые Амирдовлат рекомендовал для лечения рака кожи и внутренних органов («хэчапар» — в средневековой армянской и «саратан» — в арабской терминологии), а также плотных опухолей («пинд урэц») типа скирра. Последние еще Гиппократ относил к злокачественным новообразованиям [82, с. 427]. Значительная часть этих растений происходит из алкалоидоносных и

глюкозидоносных семейств Anacardiaceae, Apiaceae, Asteraceae, Cucurbitaceae, Fabaceae, Lamiaceae, Liliaceae.

Некоторые представители семейства Apiaceae, использовавшиеся в средневековой противоопухолевой фитотерапии, были известны как противоаллергические и противовоспалительные средства. К их числу принадлежит снадобье, которое готовили из корней горичника для лечения ожогов и раковых язв. В современной онкологии интерес к этому древнему лекарству пробудился вновь, когда в опытах Е. Вермеля и С. Сыркиной-Кругляк с пеупеданином была установлена противоопухолевая активность препарата [163, с. 225]. По тем же показаниям средневековые армянские врачи использовали снадобье из синеголовника полевого (*Eryngium campestre* L.), сорного растения армянской флоры, популярного в народной медицине. Еще Бируни писал в «Сайдане» о синеголовнике: «Это растение, которое привозят из Армении» [69, т. 4, с. 305]. Амирдовлат описал его так: «Армяне называют его „ернджан“. Он растет в сухих местах на каменистых землях. Принадлежит к роду колючек. А когда выходит на поверхность земли, то вначале появляются зеленые и плотные листья и распластываются по земле, когда же подрастает, то появляются белые колючки. Он достигает в длину одной пяди, но бывает и выше. Цветок его белый, отливает по краям красным цветом. И на нем имеется шесть колючек. А корень его крепкий, толщипой с большой палец, длиной до трех—четырех пядей. Пчела собирает [пыльцу] с его цветков и готовит мед. Его корень помогает при болезни груди и звериных укусах... Снадобье [из корня] рассасывает опухоль. А доза его на прием — два драма» [43, с. 304]. Растение содержит эфирное масло с запахом мускуса и амбры, а также сапонины, флавоноиды и дубильные вещества.

Сочетание антитоксических и противоопухолевых свойств встречается и у другого представителя семейства Apiaceae — колюченосника тонколистного (*Echinophora tenuifolia* L.). О нем в книге «Ненужное для неучей» сказано: «Это деревце, похожее на ферулу вонючую... Излечивает опухоль печени и прекращает скопление слизи в желудке. Помогает при укусах змей и скорпионов как при принятии внутрь, так и при смазывании. Доза его на прием равна половине драма.

А его вредное действие в том, что он высушивает семя» [43, с. 160]. В древности колюченосник считали панацеей от многих недугов. Диоскорид называл его *Rapaces Asclepion*. Возникает вопрос: какие химические соединения ответственны за этот сопряженный эффект антитоксического и противоопухолевого действия? Не исключено, что это могут быть простагландины [164] или простагландиноподобные вещества с чрезвычайно широким спектром лечебного действия, которые обнаружены и у некоторых других растительных видов, наделенных аналогичными свойствами, например у переступня, о чем будет сказано ниже. Любопытно отметить, что и у ферулы вонючей, с которой внешне уподобляет колюченосник Амирдовлат, можно наблюдать подобный эффект. «Она устраняет вредное действие злокачественных опухолей и звериных укусов,— пишет он,— и помогает также при укусах скорпиона и болезни седалищного нерва» [43, с. 271].

Отметим кстати, что наличие антитоксических свойств у противоопухолевого лекарства природного происхождения представляет большую ценность с точки зрения патогенеза этого заболевания, на поздних стадиях которого начинается отравление организма токсинами, выделяемыми злокачественной опухолью. Что касается состава асса-фетиды, то она содержит, по современным данным, смолу (9—65%), камедь (12—48%) и эфирное масло (5—20%), компонентами которого являются пинен, оксикумарин и сульфиды с неприятным запахом. Из смолы выделена феруловая кислота ($C_{10}H_{10}O_4$), резен, резитанол и резинол [165, с. 148].

Интерес представляют также противоопухолевые средства, полученные в прошлом из некоторых видов сумаха, в частности из *Rhus coriaria* L. и *R. retinorrhoea* St. Амирдовлат рекомендовал их для лечения рака кожи. О сумахе дубильном он пишет: «Сумах укрепляет естество и устраняет тошноту. Вылечивает царапины и ссадины. Останавливает кровотечение из любого места и помогает при геморрое. Полезен при ушибе и опухоли. Не дает ей увеличиваться. Вылечивает злокачественные язвы, а также помогает при раке. Но он вреден при холодной природе печени [43, с. 540]». Лечебное и особенно противоопухолевое действие плодов и листьев сумаха дубильного, встречающегося во флоре Армении, обусловлено, по всей ве-

роятности, не только дубильными веществами и витаминами, которыми богато растение, но и малоизученными алкалоидами, обнаруженными в нем [138, т. 2, с. 136].

Близким действием обладает и другой вид сумаха — *R. retinorrhoea* St., о котором в книге «Ненужное для неучей» говорится: «Это растение, которое произрастает по берегам рек. У него длинные-предлинные листья. Оно достигает высоты в два человеческих роста. Сумах похож на козлобородник. Если его листья растолочь и приложить к волосам, то укрепит их... Если сделать припарку и приложить к плотной и черножелчной опухоли, то поможет. А если это спадобье приложить к раковой опухоли, то также поможет» [43, с. 534]. Исследование этих малоизученных в противоопухолевом отношении растений с целью выявления механизма их фармакологического действия может оказаться полезным и для современной онкологии.

Рак кожи, а также плотную опухоль, по данным Амирдовлата, лечили с помощью лекарства, приготовленного из семян шариконосной крапивы (*Urtica pillulifera* L.). «Если смазать [этим спадобьем] вместе с солью геморрой, то поможет. А также [опо] размягчает плотные опухоли, сваривает их и рассасывает раковую опухоль. Если вместе с солью положить на язву, то поможет и очистит ее. Также поможет, если смазать раковую язву. Семена ее вызывают покраснение кожи и очищают ее» [43, с. 60]. Готовили спадобье и из размельченных листьев крапивы, смешанных с медом. Распространенный в Армении вид *U. dioica* L. широко применяется в народной медицине в качестве месячегонного, мочегонного и кровоостанавливающего средства. У Амирдовлата Амасиаци есть указания относительно гормональных (усиливающих половую потенцию), литолитических и противоаллергических свойств растения. Виды крапивы содержат, по современным данным, алкалоиды, глюкозид уртицин, дубильные вещества, витамины (С, каротин, Е, К, группы В), а также некоторые другие биологически активные вещества, обуславливающие широкий спектр лечебного действия растения [151, с. 142]. Не исключено, что среди них будут обнаружены простатогландиноподобные соединения.

Из глюкозидоносного семейства Cucurbitaceae в средневековой противоопухолевой фитотерапии приме-

нялись два вида — переступень белый (*Bryonia alba* L.) и бешеный огурец (*Escballium elaterium* (L.) Rich.). Снадобье из плодов последнего готовили следующим образом: «Берут его плод в последний месяц лета, когда он становится желтым, процеживают сок через льняную тряпку, очищают, оставляют постоять в посуде, высушивают так, чтобы не попало пыли, и готовят лепешки. А если сделать пластырь из корня [растения] с ячменной мукой, то поможет при слизистых опухолях» [43, с. 315]. Из сока плодов бешеного огурца выделены гликозиды, обладающие противоопухолевым действием, — элатерицины А и В [138, т. 2, с. 286]. Растение во флоре Армении встречается в виде сорняка. Используется в народной медицине. Амирдовлат обратил внимание и на сильное гормонопальное действие сока бешеного огурца (месячегонное и abortивное). Все эти свойства присущи и переступню, виду армянской флоры, весьма популярному в народе. Амирдовлат пишет: «Если из плодов, листьев и корней его приготовить пластырь с солью и приложить к злокачественным язвам, то поможет. А если корень смешать с сеным пажитником и смазать тело, то очистит [кожу] от веснушек и пятен и удалит бородавки... Если ежедневно в течение 30 дней пить по 3 драма с укусом, то размягчит селезенку» [43, с. 608].

Кроме месячегонного, abortивного и молокогонного действия, препараты переступня, по данным средневековой армянской фармакогнозии, наделены и антитоксическими свойствами. Изучение химического состава лекарственных веществ, полученных из растения, показало, что в корнях его содержатся кукурбитацены — тетрациклические терпены с цитотоксической противоопухолевой активностью, а также их гликозиды, пептациклические тритерпеновые кислоты и липиды [166]. Было установлено наличие простагландиноподобных свойств у фракции ненасыщенных жирных полиоксикислот, выделенных из корней переступня [167].

В качестве заменителя переступня Амирдовлат Амасиаци рекомендовал корень дороникума скорпионовидного (*Doronicum scorpioides* Lam.), лечебные свойства которого он описывает так: «Он помогает при болях в гортани, укрепляет сердце и помогает при сердцебиении... Помогает при всех видах опухолей и всякого рода ветрах. А если съесть или смазать [его соком], то поможет при всех видах звериных укусов»

[43, с. 555]. Не менее сильным действием в отношении опухолей обладал, по его словам, и ядовитый дороникум (*D. pardalianches* L.), о котором сказано: «Если сделать припарку [из листьев] и приложить к бородавкам, то поможет и выведет их. Но бога ради не пей его [сока], он ядовит! Если листья его растолочь с салом, смешать с хлебом и дать [съесть] лисице, или собаке, или барсу, или волку, или свинье, то они в тот же миг подохнут. А если сделать припарку и приложить к плотной опухоли, тотчас же рассосет ее» [43, с. 205]. Малая изученность современной наукой этих видов в фармакологическом отношении делает затруднительным суждение о механизме противоопухолевого действия вышеуказанных видов дороникума.

Лучше изучены в современной медицине виды барвинка, вечнозеленого растения из семейства кутровых, и в частности барвинок розовый (*Vinca rosea* L.), который наряду с алкалоидами гипотензивного действия содержит также винбластин и винкристин, наделенные противоопухолевой активностью и используемые в современной онкологии [149, с. 379]. В фармакогнозии Амирдовлата описаны лечебные свойства малого барвинка (*V. minor* L.), который культивируется на Кавказе и в Армении. «Это растение, которое стелется по земле,— пишет армянский бжшкпет.— У него длинные и тонкие стебли, похожие на стебли пырея. А также мелкие листья, похожие на листья лавра, но более мелкие. Если съесть лист с веточкой, то остановит понос, который бывает по причине язв кишечника. А если смешать [сок] его с молоком, сварить с маслом розы и дать женщине ввести во влагалище, то вылечит болезни матки. Он спасает от вредного действия звериных укусов... Если же сделать свечи и ввести в задний проход, то вылечит опухоль живота» [43, с. 308]. В Армении произрастает дико и другой богатый алкалоидами вид — *V. herbacea* Waldst. et Kit., не изученный в противоопухолевом отношении [138, т. 2, с. 203].

История осеннего безвременника (*Colchicum autumnale* L.) — еще один пример того, как лекарственное растение, применявшееся в средневековой фитотерапии, завоевало признание современных онкологов. Амирдовлат дал его описание: «Это корень растения, похожий на каштан. Он бывает черного, красного и белого цвета. Лучшим видом является белый... Он обла-

дает удивительным действием. Весьма полезен при злокачественных язвах. Помогает как при приеме внутрь, так и при смазывании» [43, с. 536]. Из растения выделены алкалоиды колхицин ($C_{22}H_{25}O_6N$) и колхамин, одни из первых средств растительного происхождения, нашедшие применение в современной онкологии. Изучение механизма действия колхицина и некоторых других противоопухолевых препаратов, обладающих колхициноподобным действием, например винбластина и пеucedанина, показало, что все они являются митотическими ядами, вызывающими нарушение образования нитей веретена во время метафазы [149, с. 300]. Встречающиеся во флоре Армении виды (*C. zangesurum* A. Grossh., *C. speciosum* Stev. и др.) мало изучены в противоопухолевом отношении.

Кроме растительных средств в средневековой медицине для лечения опухолей применялись вещества животного и неорганического происхождения, а также смешанной природы. Особенно высоко ценил Амировлат лечебные свойства сывороточной закваски из рубцов желудка зайца. «Если выпить ее с уксусом,— сказано в книге „Непужное для неучей“,— то поможет при падучей. А полмтхала ее — это противоядие от всех видов звериных укусов... Если смазать раковую опухоль, то тоже поможет. Если же дать пить детям, то вылечит падучую. И все виды сычужины имеют эти полезные свойства» [43, с. 58]. Здесь мы вновь наблюдаем пример сочетания противоопухолевых свойств с антитоксическими — явление довольно частое среди лекарственных веществ растительного происхождения, но на этот раз отмеченное у препарата животного происхождения, обладающего ферментативной активностью. Фермент, подобный сычужному, — мирозин был выделен и из некоторых видов растений, например гулявника лекарственного (*Sisymbrium officinale* Scop.), который применялся в средневековой фитотерапии для лечения рака.

Для медицины Востока вообще было характерно использование в лечебных целях ряда препаратов сложной, подчас невыясненной природы, механизм действия которых может быть раскрыт лишь на уровне современной науки. К числу их относится так называемый «голубиный камень». «Это тот камень,— пишет Амировлат,— который образуется в желудке у голубя. Если сделать из него снадобье, поможет при

раке матки. Это одно из лучших лекарств при раке. Испытано» [43, с. 260].

Опухоль молочной железы в прошлом лечили с помощью средства, которое готовили из острацита, особого рода известняка, образовавшегося из ископаемых моллюсков. «Это камень, которого много в Египте,— сказано в книге „Ненужное для неучей“.— Он похож на глиняные черепки. Легко ломается. Он слоистый, как кора. Удаляет волосы. Если два драма его растереть и выпить с вином, то остановит месячные. А если смешать с медом и приложить к опухоли молочной железы, то вылечит язву и рассосет опухоль» [43, с. 260].

В средневековой медицине для лечения опухолей использовались также драгоценные и полудрагоценные камни — коралл, янтарь, жемчуг. О янтаре армянский бжжапет сообщает: «Хорош тот вид, который чистый и прозрачный... Он останавливает кровь, откуда бы она ни шла. А если смазать с маслом трещины на ногах, то поможет. И если привязать над опухолью, то [также] поможет» [43, с. 598]. Слепая вера в лечебные свойства камней, столь характерная для древней и средневековой медицины, сменилась столь же слепым отрицанием таковых в современной науке. Однако в последнее время в ней поместилась новая тенденция — экспериментально изучить механизм действия этих средств и использовать рациональное зерно старых учений.

Особое место среди противоопухолевых препаратов неорганического происхождения занимала армянская глина (*Bolus armena*), в состав которой входят алюмосиликаты и окись железа, придающие ей красный цвет. «Лучшим видом является красный,— пишет Амирдовлат.— Армянская глина помогает при простуде и опухоли молочной железы... Она помогает [также] при лихорадках и зараженном воздухе» [43, с. 576]. Армянская глина в древности и в средние века вывозилась в страны Востока и успешно конкурировала с греческой. В дальнейшем она была вытеснена из научной медицины, однако в последнее время интерес к ней возродился.

Лечение болезней старческого возраста

Проблема долголетия и лечения старческих болезней, поставленная в античной науке Гиппократом и разработанная Ибн Синой в «Канопе», получила свое дальнейшее развитие в средневековой армянской медицине. Большой интерес представляет информация, хранящаяся в трудах Амирдовлата Амасиаци, относительно продления жизни, профилактики и лечения старческих недугов (атеросклероз мозга с явлениями маразма, старческая катаракта, глухота, бронхит). Армения, в особенности ее горные районы, издревле считалась страной долгожителей, что обусловлено как природно-климатическими условиями и диетическими привычками армян, так и в определенной степени лечебно-профилактическими мероприятиями, применявшимися в традиционной армянской медицине. В книге «Ненужное для неучей» суммированы данные относительно лекарственных средств растительного происхождения, использовавшихся в средневековой армянской гериатрии.

Большая часть этих растений принадлежит к высокоактивным в лекарственном отношении ботаническим семействам *Ariaceae*, *Asteraceae*, *Euphorbiaceae*, *Fabaceae*, *Lamiaceae*, *Liliaceae*. Среди этих лекарственных средств особое внимание привлекают камедесмолы растений из семейства *Ariaceae*, и в первую очередь ферул. Последние рекомендовались при далеко зашедших формах атеросклероза мозга с явлениями потери памяти, понижения интеллекта на фоне перенесенных апоплексий с симптомами парезов и параличей. Эти камедесмолы использовались и для повышения остроты зрения и слуха, а также для лечения старческих бронхитов и пневмоний.

Так, о сагапене в средневековой армянской фармакогнозии говорится: «Лучшим видом является тот, который красноватого цвета и легко растирается. [Природа] его горяча и суха в третьей степени. Обладает растворяющими и разреженными свойствами. Помогает при параличе, падучей и при всех видах болезней нервов холодной природы. Он [помогает] при потемнении в глазах и предупреждает начинающуюся катаракту. Если сделать припарку на опухоль, то вызовет сварение [влаг]. Он помогает при укусе скорпиона. Доза его на прием — полдрама. А исфаханский сага-

пен усиливает половую потенцию» [43, с. 527]. Сагапен производится видом *Fegula szowitsiana* DC., встречающимся в Армении. Кроме армянского сагапена в прошлом широко использовался импортный, ввозившийся из Ирана. По тем же показаниям применялся опопанакс, а также камедь атаманты (*Athamanta macedonica* Spreng.), о которой в фармакогнозии Амирдовлата говорится: «Она похожа на опопанакс. Лучшим видом является желтый, с острым запахом. Природа ее горяча и суха во второй степени, обладает растворяющими свойствами. Помогает при кариесе зубов. Предохраняет глаза от катаракты. А если ввести в глаз, то обострит зрение. Помогает также при падучей и при болезнях мозга холодной природы» [43, с. 317].

Для лечения старческих болезней Амирдовлат охотно назначал камеди и млечный сок растений из семейства *Euphorbiaceae*. Так, об эуфорбии, застывшем млечном соке восточного молочая (*Euphorbia orientalis* L.), он пишет: «Это смолистое вещество... Обладает смягчающим действием. Помогает при головной боли холодной природы, мигрени, лисьей болезни, параличе, онемении и искривлении лица. Помогает также при катаракте» [43, с. 29]. Растение встречается в Армении и содержит, по современным данным, алкалоиды и тритерпеновые сапонины [138, т. 2, с. 132]. Другое растение армянской флоры — молочай-хамезице (*Chamaesuse vulgaris* Prokh.) в прошлом считалось эффективным средством при ряде болезней, в том числе при катаракте. «Если его млечным соком смазать бородавки, то поможет,— пишет армянский бжшкәпет.— А если смешать с медом и смазать глаза, то устранит боль и потемнение в глазах. Он предохраняет также от катаракты... А если сделать припарку и приложить к слизистой опухоли, то тоже поможет» [43, с. 213]. В современной медицине лечебные свойства этого растения, к сожалению, не изучены, хотя наличие широкого спектра лечебного действия, о чем свидетельствуют вышеприведенные данные, заставляет предполагать присутствие веществ, характерных для молочайных (тритерпены, алкалоиды, фитогормоны и пр.).

Весьма популярны были в восточной медицине млечный сок и плоды эмблических миробаланов (*Emblia officinalis* Gaertn.). В книге «Ненужное для неучей» дается следующее описание их: «Это черные

плоды... Обладают вяжущими и укрепляющими свойствами. Они укрепляют нервы и не дают человеку быстро состариться. А также укрепляют волосы, делают их черными и препятствуют выпадению. А если смазать маслом миробаланов [глаза], то обострится зрение. Если же растолочь и ввести в глаз, то удалит влагу из них. Миробаланы укрепляют сердце и обостряют разум... Усиливают половую силу» [43, с. 49]. Млечный сок и особенно плоды эмблических миробаланов, обладающие противосклеротическими и тонизирующими свойствами, употреблялись на Востоке не только как лекарственное, но и как диетическое средство, способствуя долголетию и сохранению здоровья.

В качестве «омолаживающих» и тонизирующих средств применялись также камедесмолы и сок некоторых растений из семейства Fabaceae, в частности аравийской акации, астрагала и некоторых других. В целях профилактики катаракты рекомендовалось употребление саркоколла, продуцируемой астрагалом вида *Astragalus sarcocolla* Dun., произрастающим в Иране. Определенный интерес в гериатрическом аспекте представляют армянские виды *A. microscephalus* Willd. и *A. glycyphyllus* L. В корнях последнего обнаружен глицирризин.

В средневековой армянской гериатрии высоко ценились лечебные свойства растений из семейства Liliaceae: лука, алоэ, лилии и морского лука. Для предупреждения и лечения старческих недугов Амирдовлат рекомендовал репчатый лук (*Allium sera* L.). «Если [его сок] закапать в глаз при начинающейся катаракте,— пишет он,— то предохранит от нее, очистит глаз и улучшит зрение. Если пожарить на розовом масле и съесть, то поможет при слизистом кашле. А его полезное свойство в том, что он вызывает аппетит, размягчает естество и усиливает половую потенцию» [43, с. 457]. Лук содержит эфирное масло, богатое сульфидами, флавоноид кверцетин, следы йода и витамины (С, В₁, В₂, провитамин А), т. е. комплекс веществ, представляющих большую ценность с точки зрения геронтогенеза [151, с. 164]. Кроме того, в соке лука обнаружено простаглиндиноподобное вещество с гипотензивным действием [167].

По данным Амирдовлата, масло и сок армянской лилии (*Lilium armenum* (Misch.) Manden.) препятствуют преждевременному одряхлению, предохраняют

от катаракты, а сироп помогает при слабости сердца. Армянский бжшкапет рекомендовал также препараты лилии при отравлении беленой и укусах скорпиона. В цветах, стеблях и особенно луковицах многих видов лилии содержатся алкалоиды, стерины и некоторые другие гормоноподобные вещества. Последние играют важную роль и в механизме действия плодов колоквинта (*Citrullus colocynthis* Schred.), в которых обнаружены фитостерины и стероидный глюкозид элатерин ($C_{32}H_{44}O_8$). О колоквинте в книге «Ненужное для неучей» говорится: «Он обладает растворяющими свойствами. Весьма полезен при [болезнях] мозга: параличе, искривлении лица и инсульте. А это масло помогает при глухоте и шуме в ушах. Способствует росту бороды. Полезен для зубов, легких и при начинающейся катаракте... А его корень полезен при укусах змей и скорпиона» [42, с. 250].

По тем же показаниям в средневековой гериатрии использовали плоды и млечный сок инжира (*Ficus carica* L.), произрастающего в Армении дико и в культуре. Листья инжира богаты витамином С, плоды содержат провитамин А и витамин В₁, сок — протеолитические энзимы, т. е. комплекс веществ, благоприятно действующих при начинающейся катаракте. Весьма богаты витаминами (В₁, В₂, К, Р, Е, каротин) и особенно аскорбиновой кислотой плоды шиповника (*Rosa canina* L.), широко распространенного во флоре Армении и используемого в народной медицине. Амирдовлат пишет: «Он высушивает язву глаза и предохраняет от катаракты. А если его [соком] смазать лицо, то защитит от вредного действия солнца... Если высушить [плоды] и есть ежедневно по полмтхала в течение нескольких дней, то сохранит половую силу и не даст рано состариться» [43, с. 407]. В плодах шиповника обнаружены также кемпферол, кверцетин, соли кальция, железа, калия, магния и другие активные вещества, длительное применение которых способствует сохранению здоровья и долголетию [151, с. 267].

Как мы видим, в средневековой гериатрии использовались растительные виды, богатые алкалоидами, глюкозидами, флавоноидами, производными кумарина и фурукумарина, а также гормоноподобными веществами и витаминами, которым присущи противосклеротические, бактерицидные и противовоспалительные

свойства. Кроме того, растительные гормоны и витамины, которые содержатся в этих растениях, оказывают благотворное влияние при нарушениях гормонального баланса и снижении уровня окислительных процессов, характерных для старческого организма [168, с. 49–77].

Помимо растительных средств, в средневековой гериатрии пашли применение лекарственные вещества животного происхождения (мед, желчь, змеиный яд, печень различных животных, мозг ласки и пр.). Особенно рекомендовался для сохранения здоровья и молодости мед, который входил в состав многих лекарственных препаратов. О его лечебных свойствах в книге «Ненужное для неучей» читаем: «Если ввести его в глаз при начинающейся катаракте, то поможет. Он очищает ухо и улучшает слух... Усиливает половое влечение, очищает злокачественные язвы и предохраняет человека от вреда. Вареный мед полезен при свежих язвах и укусах зверей и является противоядием от опиумного отравления. Доза его на прием — две нуки» [43, с. 379]. Мед богат моносахаридами (глюкозой, фруктозой), витаминами (С, группы В), органическими кислотами (яблочной, лимонной), ферментами (диастазой, каталазой, липазой), минеральными элементами (калием, натрием, кальцием, магнием, железом, йодом) и другими биологически активными веществами [70, с. 61–68]. Этим веществам присущи антибиотические, гормональные и противосклеротические свойства. Они способствуют также повышению тонуса организма и его сопротивляемости, а следовательно, и долголетию.

Лечение гормональных нарушений и отравлений

В средневековой армянской медицине был эмпирически разработан и широко применялся принцип этиопатогенетической и симптоматической терапии. Как и в современной медицине, здесь на первый план выступали бактерицидные и противовоспалительные средства, полученные из растительных видов, принадлежащих к семействам *Apiaceae*, *Asteraceae*, *Fabaceae*, *Lamiaceae*, *Rosaceae*, носившие универсальный характер и лишённые узкой специфичности. Некоторые из них наделены противоаллергическими свойствами и

использовались для лечения бронхиальной астмы, крапивницы или заболеваний, в патогенезе которых важное значение имеет аллергический фактор, например болезней глаз, почек, нервной системы. В механизме действия этих лекарственных растений большую роль играют эфирные масла и их компоненты (пинен, камфен, фелландрен, сесквитерпены, сесквиартемизол, тимол, борнеол и др.).

Помимо эфирных масел, многие растения из семейств *Ariaceae* и *Fabaceae* содержат и другие активные вещества, в частности кумарин, фурукумарин и их производные, обладающие более узким спектром действия: противоопухолевым, литолитическим, противосудорожным и транквилизирующим. Присутствием их обуславливается и специфическая направленность этих лекарственных средств средневековой армянской фармакологии.

Следует отметить, что среди этих семейств, и в первую очередь *Ariaceae*, *Fabaceae*, *Rosaceae*, обнаружено много камеденосных и смолоносных видов, которые нашли применение в терапии злокачественных опухолей, болезней почек и нервной системы. Результаты современного химического, фармакологического и биохимического исследований показали, что гальбан, ассафетида, сагапен и другие камедесмолы содержат кумарины, производные умбеллиферона, а также эфирномасличные компоненты (терпеновые спирты, сесквитерпеновые лактоны).

Многие растения из семейств *Ariaceae*, *Boraginaceae*, *Fabaceae*, *Lamiaceae*, *Zygophyllaceae*, описанные в книге «Ненужное для неучей», наделены гормоноподобными свойствами. Гормональная активность, присущая этим растениям, была причиной возникновения в древности культа некоторых из них, например переступня. Любопытно отметить, что гормонально активные препараты в основном назначались при заболеваниях, в этиопатогенезе которых немаловажную роль играют эндокринные факторы, а также использовались как противовоспалительные и противоаллергические средства. Некоторые из них рекомендовались в качестве месячных, abortивных и противозачаточных средств, например аир, аройник, опопанакс, воробейник лекарственный, воловик красильный, гелиотроп европейский, чернушка посевная и гармала, другие славились как афродизиаки — средства, повышающие и возбуждающие

щие половую потенцию, например сагапен, дикая редька, репчатый лук, римский шалфей, а также усиливающие лактацию, молокогонные (переступень, якорцы). Химический и фармакологический анализ этих растений на современном уровне показал, что гормоноподобные их свойства связаны с присутствием кумаринов, фурукумаринов и их производных, фенолкарбоновых кислот и различных фенольных соединений, флавоноидов, стерinov, стероидных сапонинов, а также стероидных глюкозидов и алкалоидов [169]. Так, антигонадотропное действие воробейника лекарственного и его противоопухолевая активность в отношении гормонозависимых опухолей, установленные в современной медицине, обусловлены полимерами литоспермовой кислоты, принадлежащей к фенолкарбоновым кислотам [170]. Эстрогенное действие многих видов псоралей связано с присутствием фурукумаринов (псоралена и изопсоралена), а также фенольного соединения друпацина.

Среди вышеуказанных растительных видов, применявшихся в средневековой фитотерапии, можно выделить группу растений с антитоксическими и десенсибилизирующими свойствами. Большая часть их принадлежит к семействам *Apiaceae*, *Asteraceae* и *Lamiaceae*, богатым эфирными маслами. Некоторые из них обладают гормональной активностью (сагапен, камедь атаманты, горькая полынь, переступень, шандра, якорцы). Все они назначались при отравлении различными ядами, в том числе и змеиным, а также при заболеваниях, сопровождающихся явлениями аутогенной и экзогенной интоксикации и сенсibilизации (бронхиальная астма, крапивница, злокачественные опухоли, эпилепсия и др.).

Механизм антитоксического действия этих растений все еще недостаточно изучен в современной медицине. Не исключено, что здесь играют роль простагландиноподобные соединения, присутствующие в некоторых из них, например в переступне. В связи с этим можно вспомнить гипотезу, согласно которой противосклеротические, противовоспалительные, противоаллергические, противоопухолевые, гипотензивные и некоторые другие свойства растений, используемых в народной медицине, обусловлены ненасыщенными жирными кислотами и продуктами их окисления, способными возбуждать рецепторы простагландинов [171].

Из этих простых лекарственных веществ, использовавшихся в средневековой армянской медицине, составлялись сложные прописи, включающие компоненты растительного, животного и неорганического происхождения с бактерицидными, противоопухолевыми, антитоксическими, противосклеротическими и гипотензивными свойствами. В зависимости от формы заболевания и превалирующих симптомов прописи варьировались, в них вводились обезболивающие, седативные, противоспастические, литолитические и другие вещества в соответствии с требованиями этиопатогенетической и симптоматической терапии.

Для того чтобы свободно манипулировать огромным количеством лекарств природного происхождения из арсенала средневековой армянской аптеки, требовались не только опыт и интуиция врача-фармакогноста, но и знания ботаника, зоолога и минералога-химика. Все эти качества гармонично сочетались у замечательного армянского бжшкапета Амирдовлата Амасиаци, чья книга «Ненужное для неучей» была подлинной энциклопедией лекарственных средств средневековой армянской медицины. Трудно переоценить ее влияние в средние века на развитие как армянской медицины, так и естественных наук: ботаники, зоологии, химии, минералогии, географии. В Матенадаране им. Маштоца хранятся сочинения не только представителей себастийской школы — «Книга о врачебном искусстве» Асара Себастаци, «Книга о медицине» Буниата Себастаци, но и труды безымянных авторов XVII—XVIII вв., написанные под несомненным влиянием книги «Ненужное для неучей»: словарь «О свойствах лекарств и их всевозможных названиях» [172], «Словарь, составленный старыми и новыми учителями медицины» [173], «Иллюстрированный словарь простых лекарственных веществ» [174], а также «Ботаника, или флора Армении» Степаноса Шариманяна [175, 176]. Книга «Ненужное для неучей» продолжала переписываться вплоть до конца XIX в., сохранив свое значение для традиционной армянской медицины. Любопытно отметить, что когда в 1808 г. тяжело заболел католикос Даниел, то для его лечения был приглашен некий Уган Топал, пользовавшийся книгой Амирдовлата [8, т. 3, с. 80].

Крупный знаток русских рукописных лечебников Н. А. Богоявленский, оценивая общее значение так на-

Одна из страниц «Иллюстрированного словаря простых лекарственных веществ»

зываемых «вертоградов», близких по содержанию к средневековым восточным фармакогнозиям, писал: «Лекарственная флора „вертоградов“, насчитывающая более тысячи ботанических видов, представляет интерес не только для врачей и фармацевтов, но является драгоценным источником для изучения ботаники, агрономии, лесоведения, потому что помогает восстановить видовой состав дикой и культурной растительности нашей Родины в прошлом, уточнить географическое распространение полезных растений, облегчая в то же время глубокое и всестороннее освещение некоторых особенностей истории культуры Древней Руси» [177, с. 61]. Все это справедливо и в отношении книги Амирдовлата Амасиаци «Ненужное для неучей», которая является выдающимся памятником древней культуры Армении. Вместе с тем она, как показывает проведенное нами исследование, представляет определенный интерес в практическом отношении для современной медицины, которая все более охотно обращается к сокровищнице опыта традиционной медицины разных народов в поисках эффективных средств против аллергий, злокачественных опухолей, атеросклероза, старческих недугов и некоторых других болезней, проблема лечения которых актуальна и сегодня.

Даты жизни и деятельности Амирдовлата Амасиаци

- Конец 20 — начало 30-х годов XV в.** — родился в г. Амасия (Малая Азия) в семье армянина Егии.
- 50-е годы** — учеба в Амасийской и Себастиийской армянских врачебных школах и странствия в качестве врача-периодевта по странам Малой Азии и Ирану с целью изучения лекарственной флоры и фауны этого региона.
- Конец 50-х годов** — переезд в Константинополь по морю. Дальнейшее совершенствование во врачебном искусстве, естественных науках и философии. Получение ученой степени бжшкапета.
- 1459** — создание по просьбе Варда, сына Шади-бека, своих первых трудов — «Учение медицины» и «Ахрабадин».
- 60-е годы** — назначение лейб-медиком Мухаммеда II Фатиха и получение почетного титула «главного врача-окулиста». Последующее десятилетнее изгнание и странствия по странам Балканского полуострова.
- 1466—1469** — пишет в г. Филиппополе (ныне г. Пловдив в Болгарии) свой главный труд по клинической медицине — книгу «Польза медицины».
- 1474** — создание «Народной книги» с элементами магической медицины и астрологии.
- 70-е годы** — возвращается в Константинополь, восстанавливает свое положение лейб-медика Мухаммеда II, чьим доверием пользуется до конца жизни последнего (1481).
- 1478—1482** — пишет главный труд своей жизни — энциклопедию лекарственных средств «Ненужное для неучей».
- 1481** — создание второго «Ахрабадина».
- 80-е годы** — возвращение на родину по приглашению Ахмеда, внука Мухаммеда II, получившего в управление Амасию.
- 1490** — поездка в г. Бруссу для лечения минеральными водами.
- 1496, 8 декабря** — скончался в Амасии.

Труды Амирдовлата Амасиаци и литература о нем

- I. *Амирдовлат Амасиаци*. Учение медицины, Ахрабадин (1). Матенадаран им. Маштоца. 1459. № 8871. 186 л. Рукопись. На древнеарм. яз. Автограф.
- II. *Амирдовлат Амасиаци*. Польза медицины. Матенадаран им. Маштоца. 1626. № 414. Л. 220а—362б. Рукопись. На древнеарм. яз.
- III. *Амирдовлат Амасиаци*. Ахрабадин (2). Матенадаран им. Маштоца. 1626. № 414. Л. 363а—426а. Рукопись. На древнеарм. яз.
- IV. *Амирдовлат Амасиаци*. Ненужное для неучей: А. Б-ка Британского музея. 1490. № 3712. 281 л. Рукопись. На древнеарм. яз.; Б. Матенадаран им. Маштоца. 1626. № 414. Л. 2—219. Рукопись. На древнеарм. яз.; В. Матенадаран им. Маштоца. 1657. № 457. Л. 3—324. Рукопись. На древнеарм. яз.; Г. Матенадаран им. Маштоца. 1682. № 460. 352 л. Рукопись. На древнеарм. яз.; Д. Матенадаран им. Маштоца. XVII в. № 6275. Л. 245—435. Рукопись. На древнеарм. яз.; Е. Матенадаран им. Маштоца. 1681. № 6642. 420 л. Рукопись. На древнеарм. яз.; Ж. Матенадаран им. Маштоца. XVII в. № 7844. 214 л. Рукопись. На древнеарм. яз.; З. Матенадаран им. Маштоца. 1789. № 2738. 316 л. Рукопись. На древнеарм. яз.
- V. *Амирдовлат Амасиаци*. Ненужное для неучей/Публ. К. Басмаджяна. Вена, 1926. 766 с. На древнеарм. яз.
- VI. *Амирдовлат Амасиаци*. Польза медицины/Публ. С. Малхасянца. Ереван: Изд-во Армфан, 1940. 578 с. На древнеарм. яз.
- VII. *Ованян Г.* Исследование древнего простонародного языка: В 2 т. Вена, 1897. Т. 2. С. 333—399. На арм. яз.
- VIII. *Басмаджян К.* Армянский бжшкапет Амирдовлат Амасиаци // Сион. 1940. № 1/2. С. 25—29. На арм. яз.
- IX. *Басмаджян К.* Армянский бжшкапет Амирдовлат Амасиаци // Там же. № 3. С. 67—70. На арм. яз.
- X. *Оганесян Л. А.* История медицины в Армении: В 5 т. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1946. Т. 3. С. 1—91.
- XI. *Тер-Погосян А. Г.* Развитие биологической мысли в Армении с древнейших времен до XVIII в. Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1960. С. 398—433. На арм. яз.
- XII. *Сепетчян А. О.* Лекарствоведение в средние века в Армении по Амирдовлату // Тр. сектора истории арм. медицины и биологии. 1949. Т. 2. С. 77—88. На арм. яз.
- XIII. *Хачикян Л. С.* Армянская естественнонаучная мысль в XIV—XVIII вв. // Патма-банасиракан андес. 1971. № 2. С. 23—44. На арм. яз.
- XIV. *Кцоян А. А.* Амирдовлат Амасиаци // Арм. сов. энциклопедия. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1974. Т. 1. С. 321—322. На арм. яз.

- XV. *Варданян С. А.* Ампрдовлат Амасиаци // Видные деятели армянской культуры (V—XVIII вв.). Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1982. С. 213—222.
- XVI. *Варданян С. А.* Медицина в древней и средневековой Армении. Ереван: Советакан грoх, 1982. 59 с. На арм., рус. и англ. яз.
- XVII. *Анасян А. С.* Армянская библиология (V—XVIII вв.). Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1959. Т. 1. С. 650—675. На арм. яз.
- XVIII. *Меликян А.* Новый рукописный список книги Амирдовлата Амасиаци «Ненужное для неучей» // Базмавеп. 1926. № 10. С. 302—303. На арм. яз.
- XIX. *Месроп вардапет (Парсаван Тер-Мовсесян).* Две замечательные рукописи Мхитара Геради и Амирдовлата Себастици // Апарат. 1909. № 7/8. С. 590—596. На арм. яз.
- XX. *Торгомян В.* Армянские медицинские рукописи монастыря св. Лазаря // Базмавеп. 1923. № 7. С. 204—206. На арм. яз.
- XXI. *Торгомян В.* Армянские медицинские рукописи монастыря св. Лазаря // Там же. № 8. С. 230. На арм. яз.
- XXII. *Торгомян В.* Армянские медицинские рукописи монастыря св. Лазаря // Там же. 1924. № 7. С. 232—233. На арм. яз.
- XXIII. *Торгомян В.* Псалтырь Амирдовлата: Биограф. сведения о враче Амирдовлате // Андес амсореа. 1895. № 8. С. 246—249. На арм. яз.
- XXIV. *Torkomian V.* Amirdovlath d'Amassie, médecin arménien du XVe siècle // Bull. Soc. franç. hist. méd. 1913. Vol. 16. P. 1—20.
- XXV. *Basmajian K.* Publication des oeuvres d'Amirdovlat // Ibid. 1925. Vol. 19. P. 3—4.
- XXVI. *Enezian G. M.* Les connaissances médico-pharmaceutiques de l'antiquité et du moyen age à travers les manuscrits arméniens. Rheinfelden: Ed. Enezian, 1982. 109 p.

Дополнительная литература

1. *Ксенофонт*. Анабасис. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1951. 297а.
2. *Тацит*. Сочинения: В 2 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. Т. 1. Анналы. 443 с.
3. Pedacii Dioscoridis Anazarbaei. Erstes Buch von den wohlriechenden Krautern. Frankfurt, 1610. 469 s.
4. *Pliny*. Natural history: Book 1—37. L.: Harward Univ. press, 1961. Book 19, vol. 5. 544 p.
5. *Мовсес Хоренаци*. История Армении/Пер. Н. Эмина. М., 1858. 383 с.
6. *Лазар Парбеци*. История Армении. Венеция, 1891. 719 с. На древнеарм. яз.
7. *Товма Арцруни*. История рода Арцруни. Спб., 1887. 343 с. На древнеарм. яз.
8. *Оганесян Л. А.* История медицины в Армении: В 5 т. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1946—1948.
9. *Страбон*. География. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1964. 940 с.
10. *Павстос Бузанд*. История Армении. Венеция, 1832. 278 с. На древнеарм. яз.
11. *Ибн Сина*. Канон врачебной науки: В 5 кн. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1954—1961.
12. *Аревшатын С. С.* Древнейшие армянские переводы и их культурно-историческое значение // Патма-банасиракан аудес. 1973. № 1. С. 23—37. На арм. яз.
13. *Варданян С. А.* Влияние античной медицины на армянских врачей раннего средневековья // Проблемы античной истории и культуры: В 2 т. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1979. Т. 1. С. 70—76.
14. *Езник Кохбаци*. Опровержение ересей. Венеция, 1826. 333 с. На древнеарм. яз.
15. *Давид Анахт*. Сочинения/Публ. С. С. Аревшатына. М.: Мысль, 1975. 260 с.
16. *Варданян С. А.* Медико-биологические воззрения Давида Анахта // Философия Давида Непобедимого. М.: Наука, 1984. С. 83—93.
17. *Матевосян А. С.* «Книжник» Анании Ширакаци // Вестн. обществ. наук АН АрмССР. 1974. № 7. С. 66—78. На арм. яз.
18. Матенадаран им. Маштоца. 1560. № 549. 186 л. Рукопись. На древнеарм. яз.
19. *Алишан Г.* Армянский ботанический словарь. Венеция, 1895. 697 с. На арм. яз.
20. *Лео*. Собрание сочинений: В 10 т. Ереван: Айастан, 1967. Т. 2, кн. 2. 786 с. На арм. яз.
21. Матенадаран им. Маштоца. 1786—1787. № 2595. 282 с. Рукопись. На древнеарм. яз.
22. *Мхитар Гераци*. Утешение при лихорадках/Публ. Л. А. Оганесяна. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1955. 269 с.

23. *Григор Магистрос*. Письма/Публ. К. Костанянца. Александрополь, 1910. 352 с. На древнеарм. яз.
24. *Торгомян В.* Армянские медицинские рукописи монастыря св. Лазаря // Базмавеп. 1923. № 3. С. 70. На арм. яз.
25. Матенадаран венецианских мхитаристов. 1294. № 1281. 395 л. Рукопись. На древнеарм. яз.
26. *Микаелян Г. Г.* История Киликийского армянского государства. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1952. 535 с.
27. *Хачикян Л. С.* Вскрытие трупов в древней Армении // Изв. АН АрмССР. Сер. обществ. наук. 1947. № 4. С. 85. На арм. яз.
28. *Алишан Г.* Шнорали и его время. Венеция, 1873. 538 с. На арм. яз.
29. *Абусаид*. О строении человека/Публ. С. А. Варданян. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1974. 233 с. На древнеарм. и рус. яз.
30. *Басмаджян К.* Мхитар Гераци // Анаит. 1935. № 5. С. 20. На арм. яз.
31. Mechithar's «Trost bei Fiebern»/aus dem Mittelarmerischen übersetzt von Dr. E. Seidel. Leipzig: Barth., 1908. 308 s.
32. *Торгомян В.* Армянские медицинские рукописи. Лечебник Иерусалимского монастыря // Андес амсореа. 1924. № 3/4. С. 111—117. На арм. яз.
33. *Овсепян Г.* Памятные записи. Антилиас: Изд-во арм. киликийского патриаршества. 1951. Т. 1. 1255 с. На арм. яз.
34. *Торгомян В.* Армянские медицинские рукописи монастыря св. Лазаря. Лечебник Гагика—Хетума // Базмавеп. 1923. № 2. С. 40. На арм. яз.
35. *Варданян С. А.* «Лечебник Гагика—Хетума» и его редакция // Патма-банасиракан андес. 1985. № 2. С. 145—160. На арм. яз.
36. *Григорис*. Анализ природы человека и его недугов/Публ. А. С. Кцояна. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1962. 267 с. На арм. яз.
37. Матенадаран им. Маштоца. 1466—1469. № 415. 234 л. Рукопись. На древнеарм. яз.
38. История армянского народа: В 8 т. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1972. Т. 4. 680 с. На арм. яз.
39. *Хачикян Л. С.* Армянская естественнонаучная мысль в XIV—XVIII вв. // Патма-банасиракан андес. 1971. № 2. С. 27—29. На арм. яз.
40. *Алишан Г.* Айапатум. Венеция, 1901. 649 с. На арм. яз.
41. *Срвандзтеанц Г.* Торос агбар: В 2 ч. Константинополь, 1879. Ч. 1. 348 с. На арм. яз.
42. *Симонян Г. Х.* Памятная книга Понтийской Амасии. Венеция: Изд-во мхитаристов, 1966. 1036 с. На арм. яз.
43. *Амирдовлат Амасиаци*. Ненужное для неучей/Публ. К. Басмаджяна. Вена, 1926. 766 с. На древнеарм. яз.
44. *Hammer J.* Histoire de l'Empire Ottomane. Т. 1—18. Р., 1836. Т. 3; 1837. Т. 9.
45. *Торгомян В.* Армянские медицинские рукописи Парижского собрания // Аревелк. 1889, 1 нояб. На арм. яз.
46. *Амирдовлат Амасиаци*. Польза медицины/Публ. С. Малхасянца. Ереван: Армфан, 1940. 578 с. На древнеарм. яз.
47. *Николов З. В., Мичев М. Ц.* О чумных эпидемиях на болгарской земле на протяжении XV—XIX веков // Асклепий. 1978. Т. 4. С. 50—51.

48. *Торгомян В.* Псалтырь Амирдовлата. Биографические сведения о враче Амирдовлате // Андес амсореа. 1895 № 8. С. 246—249. На арм. яз.
49. *Хачикян Л. С.* Памятные записи армянских рукописей XV века: В 3 ч. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1958. Ч. 2. 597 с.; Ч. 3. 711 с. На арм. яз.
50. *Туманян Б.* История армянской астрономии. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1964. 412 с. На арм. яз.
51. *Latouche C.* Histoire de la Turquie. P.: Payot, 1953. 442 p.
52. *Вирданян С. А.* Медицина в древней и средневековой Армении. Ереван: Советакан грох, 1982. 59 с. На арм., рус. и англ. яз.
53. *Басмаджян К.* Рукописные собрания // Еркрагунт. 1884. № 12. С. 551. На арм. яз.
54. Матенадаран им. Маштоца. 1459. № 8871. 186 л. Рукопись. На древнеарм. яз.
55. *Conybeare F. C.* A catalogue of the Armenian manuscripts in the British Museum. L.: Oxford Univ. press, 1913. 410 p.
56. *Еганян О., Зейтунян А., Антабян П.* Каталог рукописей Матенадарана им. Маштоца: В 2 т. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1965—1970. На арм. яз.
57. *Воскян А.* Каталог армянских рукописей Библиотеки мхитаристов в Вене: В 2 т. Вена: Изд-во мхитаристов, 1963. Т. 2. 1154 с. На арм. яз.
58. *Macler F.* Catalogue des manuscrits arméniens et géorgiens de la Bibliothèque nationale. P.: Imp. nat., 1908. 203 p.
59. *Сюрмеян А.* Каталог армянских рукописей Алеппо и Антилпаса, а также принадлежащих частным лицам: В 2 т. Алеппо, 1936. Т. 2. 160 с. На арм. яз.
60. *Меликян А.* Новый рукописный список книги Амирдовлата Амасиаци «Неужное для неучей» // Базмавеп. 1926. № 10. С. 302—303. На арм. яз.
61. *Анасян А. С.* Армянская библиология (V—XVIII вв.). Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1959. Т. 1. 1227 с. На арм. яз.
62. *Авгерян М.* Список армянских рукописей венецианских мхитаристов // Матенадаран им. Маштоца. Ф. 133. Месроп (Парсадан) Тер-Мовсисян. Сводный каталог армянских рукописей. Венеция, 1791. На арм. яз.
63. *Торгомян В.* Армянские медицинские рукописи монастыря св. Лазаря // Базмавеп. 1923. № 7. С. 204—206. На арм. яз.
64. *Торгомян В.* Армянские медицинские рукописи монастыря св. Лазаря // Там же. № 8. С. 230. На арм. яз.
65. *Торгомян В.* Армянские медицинские рукописи монастыря св. Лазаря // Там же. 1924. № 7. С. 232. На арм. яз.
66. *Николаев В.* Водните знаци на Отоманската Империя: В 2 т. София. Т. 1. 1954. 640 с.
67. Большой календар армянской больницы святого Спасителя за 1905 г. Константинополь, 1905. 512 с. На арм. яз.
68. *Месроп вардапет (Парсадан Тер-Мовсисян).* Две замечательные рукописи Мхитара Гераци и Амирдовлата Себастиа // Арагат. 1909. № 7/8. С. 590—596. На арм. яз.
69. *Бируни.* Избранные произведения: В 6 т. Ташкент: Фан, 1963. Т. 2. 727 с.; 1974. Т. 4. 1120 с.
70. *Йориш Н. П.* Пчелы и медицина. Ташкент: Медицина, 1974. 279 с.
71. *Шакиров А. Ш.* Тайна древнего бальзама мумие-аспль. Ташкент: Фан, 1978. 31 с.

72. *Ullmann M.* Natur- und Geheimwissenschaften im Islam. Leiden; Köln: Brill, 1972. 500 s.
73. *Ишох.* Книга о природе/Публ. С. А. Варданян. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1979. 110 с. На древнеарм. и рус. яз.
74. *Бируни.* Собрание сведений для познания драгоценностей: (Минералогия). Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 138 с.
75. *Тахтаджян А. Л., Федоров А. А.* Флора Еревана. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. 394 с.
76. *Варданян С. А.* География лекарственных средств древней и средневековой Армении по книге Амирдовлата Амасиаци «Ненужное для неучей» // Биол. журн. Армении. 1984. Т. 37, № 8. С. 693—703.
77. Список редких и исчезающих видов флоры Армении. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1979. 27 с. На арм. и рус. яз.
78. Редкие и исчезающие виды флоры СССР/Под ред. А. Л. Тахтаджяна. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. 264 с.
79. *Gabrielian E. Ts.* The conservation of rare threatened species and types vegetation in Armenia // Ann. jardin bot. Madrid, 1981. Vol. 37, N 19. P. 773.
80. *Габриэлян Э. Ц., Гамбарян П. П.* Новые и редкие флористические находки в Армении // Биол. журн. Армении. 1973. Т. 26, № 2. С. 56—60.
81. *Габриэлян Э. Ц., Гамбарян П. П.* Некоторые новые и редкие виды флоры Армении // Там же. 1970. Т. 23, № 1. С. 92—96.
82. *Ковнер С.* Очерки истории медицины. Вып. 2: Гиппократ. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1883. 546 с.
83. *Амалян А. М.* Лексикографические памятники средневековой Армении (V—XV вв.): В 2 т. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1966—1971. Т. 1. 236 с.; Т. 2. 312 с. На арм. яз.
84. *Greppin J.* Preliminary comments on the Greek-Armenian lexicon to Galen // Rev. etud. armèn. 1982. Vol. 16. P. 69—80.
85. *Мелик-Парсаданян Х. Г.* Краткие сведения о древнейшем армянском медицинском словаре // Тр. сектора истории арм. медицины и биологии. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1949. Вып. 2. С. 67—76. На арм. яз.
86. *Ullmann M.* Die Medizin in Islam. Leiden; Köln: Brill, 1970. 379 s.
87. *Basmadjan K.* L'identification des noms des plantes du Codex Constantinopolitanus de Dioscoride // J. asiat. 1938. Vol. 230. P. 578—621.
88. *Hunger H.* Dioscurides // Reallexicon zur byzantinischen Kunst. Stuttgart: Heirsemann, 1966. S. 1191—1196.
89. *Duval R.* La littérature syriaque. P.: Libr. Lecoffre, 1907. 430 p.
90. *Brockelmann G.* Geschichte der Arabischen Literatur. Weimar; B., 1898—1902. Bd. 1, 2; Leiden, 1937—1942. Suppl. Bd. 1.
91. *Овнанян Г.* Исследование древнего простонародного языка: В 2 т. Вена, 1897. Т. 2. 525 с.
92. *Vardanyan S. A.* Ancient Armenian translations of the works of Syrian physicians // Rev. etud. armèn. 1982. Vol. 16. P. 213—219.
93. Лечебник лошадей и вообще вьючных животных/Публ. Б. Л. Чукасяна. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1980. 271 с. На древнеарм. яз.
94. *Campbell D.* Arabian medicine and its influence on the Middle Ages. L.: AMS press, 1926. Vol. 1. 207 c.

95. *Dubler C. E.* Ibn al-Baytar en Arménie // *Andalus*. 1956. Vol. 21. P. 125—130.
96. *Storey C. A.* Persian literature. L.: Roy. Asiat. Soc., 1971. Vol. 2, pt 2. 153 p.
97. *Ибрагимова В. С.* К истории средневековой формации народов Востока: (Ихтиярат Бади) // *Асклeпий*. 1970. Т. 1. С. 49—52.
98. *Габикян К.* К вопросу об армянской медицине // *Бюзандион*. 1906, 5 янв. На арм. яз.
99. *Гален К.* О назначении частей человеческого тела. М.: Медицина, 1971. 554 с.
100. *Варданян С. А.* Армянская медицинская терминология в XII веке // *Вестн. Матенадарана*. 1971. № 10. С. 185—212. На арм. яз.
101. *Karst J.* Historische Grammatik des Kilikisch-Armenischen. Strassburg: Trubner, 1901. 444 s.
102. *Ачарян Г.* История армянского языка: В 2 ч. Ереван: Айпетрат. 1940. Ч. 1. 955 с.; 1951. Ч. 2. 608 с. На арм. яз.
103. *Мелик-Оганджян К. А.* Митра-Миhr в эпосе «Сасна црер» // *Литературно-филологические изыскания*. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1946. Т. 1. С. 276—282. На арм. яз.
104. *Ганалаян А. Т.* Армянские предания. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1979. 354 с.
105. *Dubler C. E.* Los nombres arabes de Materia Medica en la obra del Doctor Laguna // *Andalus*. 1951. Vol. 16. P. 141—164.
106. *Киселева Л. И.* Западноевропейская книга XIV—XV вв. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. 203 с.
107. Матенадаран венских мхитаристов. 1438. № 310. 384 л. Рук. опись. На древнеарм. яз.
108. *Karst J.* Das trilingue Medizinalglossar aus Ms. 310 d. Wiener Mechith. Bibliothek // *Ztschr. armen. Philol.* 1903. Bd. 2, H. 2. S. 112—148.
109. *Sanyal D., Chose R.* Vegetable drugs of India. Calcutta: Chatterji, 1934. 590 s.
110. *Сепетчян А. О.* К вопросу о проверке спорных названий растений, упомянутых в древних армянских врачебных книгах // *Тр. сектора истории арм. медицины и биологии*. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1948. Т. 1. С. 165—178.
111. *Сепетчян А. О.* Лекарствоведение в средние века в Армении по Амիրдовлату // *Тр. сектора истории арм. медицины и биологии*. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1949. Т. 2. С. 77—88. На арм. яз.
112. *Сепетчян А. О.* Лекарственные растения, употребляемые в народной медицине Армении // *Лекарственные растения Армении и их лечебные препараты*. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1949. Т. 1. С. 73—110. На арм. яз.
113. *Мирзоян С. А., Мовсесян Т. Г.* Фармакологическое исследование лекарственного сырья народной медицины Армении на содержание дубильных веществ // *Там же*. С. 155—159.
114. *Мирзоян С. А., Овсепян С. А.* Новые возбудители кровообращения и дыхания из дикорастущей флоры Армении // *Там же*. С. 49—62.
115. *Мирзоян С. А., Овсепян С. А.* О возможном применении препаратов *Veratrum lobelianum* в медицинской практике // *Там же*. С. 167—173.
116. *Паносян А. Г., Аветисян Г. М., Карагезян К. Г.* и др. Гипо-

- гликемическое действие ненасыщенных жирных триоксикислот из *Bryonia alba* при аллоксановом диабете // Докл. АН СССР. 1981. Т. 256, № 5. С. 1267—1269.
117. *Марджанян К. С.* Лекарственные растения, применяемые ранее в Армении при ринитах // Биол. журн. Армении. 1980. Т. 33, № 8. С. 894—899.
 118. *Манучарян М. А., Мусаэлян М. А., Давтян Ц. М.* Применение видов рода *Saponaria* в средневековой армянской медицине и некоторые современные данные об их физиологической активности // Там же. 1981. Т. 34, № 1. С. 94—97.
 119. *Ebn Baithar.* Grosse Zusammenstellung über die Kräfte der bekannten einfachen Heil- und Nahrungsmittel. Stuttgart, 1840—1842. Bd. 1, 2.
 120. *Аветикян Г., Сюрмелян Х., Аведьян М.* Новый словарь древнеармянского языка: В 2 т. Венеция, 1836—1837.
 121. *Ачарян Г.* Этимологический коренной словарь армянского языка: В 4 т. Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1971—1979.
 122. *Малхасянц С.* Армянский толковый словарь: В 4 т. Ереван: Айпетрат, 1944—1945.
 123. *Дворецкий И. Х.* Древнегреческо-русский словарь: В 2 т. М.: ГИС, 1958.
 124. *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1976. 1096 с.
 125. *Carnoy A.* Dictionnaire étymologique des noms grecs de plantes. Louvain: Publ. Univ., 1959. 277 p.
 126. *Деххуда.* Лугат-нама: В 28 т. Тегеран: Изд-во Тегеран. ун-та, 1947—1979. На перс. яз.
 127. *Баранов Х. К.* Арабско-русский словарь: В 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1970.
 128. *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий: В 4 т. (8 кн.) М., 1963.
 129. *Анненков И. И.* Ботанический словарь. СПб., 1878. 645 с.
 130. *Bedeian A.* Illustrated polyglottic dictionary of plant names. Cairo: Argus and Papzian press, 1936. 455 p.
 131. *Казарян Р. С.* Армяно-русско-англо-французско-немецкий словарь названий растений. Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1981. 180 с.
 132. Флора Армении: В 7 т./Под ред. А. Л. Тахтаджяна. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1954—1982.
 133. *Гроссгейм А.* Флора Кавказа: В 7 т. Баку: Изд-во АН АзССР; Л.: Изд-во АН СССР (Наука. Ленингр. отд-ние), 1939—1967.
 134. Флора СССР: В 30 т./Под ред. В. Л. Комарова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1934—1960.
 135. *Boissier E.* Flora orientalis. Geneve; Basel, 1867—1888. Vol. 1—6.
 136. *Davis P. H.* Flora of Turkey. Edinburgh: Univ. press, 1965—1977. Vol. 1—5.
 137. *Габикян К.* Армянская флора. Иерусалим: Изд-во яковитов, 1968. 279 с. На арм. яз.
 138. *Золотницкая С. Я.* Лекарственные ресурсы флоры Армении: В 2 т. Ереван: Изд-во АН АрмССР. Т. 1. 1958. 326 с.; Т. 2. 1965. 370 с.
 139. *Варданян С. А.* Попытки лечения опухолей в средневековой армянской медицине. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1976. 60 с.
 140. *Она же.* Фитотерапия бронхиальной астмы в средневековой

- армянской медицине // Терапевт. арх. 1978. № 4. С. 133—136.
141. Она же. Фитотерапия мочекаменной болезни по данным средневековых армянских рукописей // Биол. журн. Армении. 1978. Т. 31, № 1. С. 73—82.
 142. Она же. Фитотерапия нервно-психических болезней в средневековой армянской медицине // Раст. ресурсы. 1979. Т. 15. С. 460—475.
 143. Она же. Лечение крапивницы лекарственными растениями в средневековой армянской медицине // Журн. эксперим. и клин. медицины АН АрмССР. 1978. Т. 18, № 4. С. 96—101.
 144. Она же. Лекарствоведение в древней Армении // Патма-ба-насиракан андес. 1979. № 2. С. 179—194. На арм. яз.
 145. Она же. Фитотерапия в средневековой армянской гериатрии // Биол. журн. Армении. 1980. Т. 33, № 1. С. 108—117.
 146. Она же. О средневековых армянских дегагитаранах — энциклопедических словарях по лекарствоведению // Памятники культуры. Новые открытия. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. С. 38—44.
 147. Она же. Фитотерапия в средневековой армянской офтальмологии // Биол. журн. Армении. 1985. Т. 37, № 7. С. 634—642.
 148. Сало В. М. Зеленые друзья человека. М.: Наука, 1975. 268 с.
 149. Муравьева Д. А. Фармакогнозия. М.: Медицина, 1978. 656 с.
 150. Еремян С. Т. Армения по «Ашхарацуйцу». Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1963. 153 с. На арм. яз.
 151. Ковалева Н. Г. Лечение растениями. М.: Медицина, 1972. 351 с.
 152. Райка Э. Аллергия и аллергические болезни: В 2 т. Будапешт: Изд-во АН ВНР, 1966. Т. 2. 891 с.
 153. Ибрагимов Ф. И., Ибрагимова В. И. Основные лекарственные средства тагйской медицины. М.: Медгиз, 1960. 411 с.
 154. Вичканова С. А., Адгина В. В., Изосимова С. Б. Антибактериальные и антифунгальные свойства природных лактонов // Раст. ресурсы. 1977. Т. 13, № 3. С. 428.
 155. Шрегер А. И., Муравьева Д. А., Пакалн Д. А., Ефимов Ф. В. Лекарственная флора Кавказа. М.: Медицина, 1979. 368 с.
 156. Ревазова Л. В. Сесквитерпеновые лактоны в некоторых представителях семейства Asteraceae флоры Армении: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. Ереван: Ереван. мед. ин-т, 1974. 28 с.
 157. Максудов Н. Х. Получение эфирных масел (терпенов) и их применение при мочекаменной болезни. Ташкент: Медицина, 1964. 136 с.
 158. Атлас ареалов и ресурсов лекарственных растений СССР/ Под ред. П. С. Чикова. М.: ГУГК, 1976. 340 с.
 159. Габриэлян Э. С., Амроян Э. А. Вазоактивные простагландины в гомеостазе мозгового кровообращения. Ереван: Айастан, 1983. 306 с.
 160. Атлас лекарственных растений СССР/Под ред. В. Цицина. М.: Медгиз, 1962. 703 с.
 161. Барнаулов О. Д., Кирьялов Н. П., Букреева Т. В. Фармакологические свойства некоторых кумаринов видов р. Fegula L. // Раст. ресурсы. 1976. Т. 12, вып. 2. С. 259.
 162. Коновалов М. Н., Куваев В. Б., Трутнева З. А. Новое в медицинском применении пиона уклоняющегося // Мед. пром-сть СССР. 1962. № 5. С. 57.

163. Ларионов Л. Ф. Химиотерапия злокачественных новообразований. М.: Медгиз, 1962. 464 с.
164. Moncada S., Vane J. R. Pharmacology and endogenous roles of prostaglandin endoperoxides, thromboxane Ag and prostacyclin // Pharmacol. Rev. 1979. Vol. 30. P. 293—321.
165. Муравьева Д. А. Тропические и субтропические лекарственные растения. М.: Медицина, 1983. 335 с.
166. Паносян А. Г., Никищенко М. Н., Мнацаканян В. А. Новые глюкозиды кукурбитацинов из корней *Bryonia alba* L. // Биоорг. химия. 1979. Т. 5, № 5. С. 721—725.
167. Паносян А. Г., Аветисян Г. М., Мнацаканян В. А. Поиск простагландиноподобных соединений в растениях // Химия природ. соединений. 1981. № 2. С. 139—146.
168. Давыдовский И. В. Геронтология. М.: Медицина, 1966. 300 с.
169. Куркумов А. Г., Азмедходжаева Х. С., Сидякин В. Г., Сыров В. Н. Фитоэстрогены из растений Средней Азии // Раст. ресурсы. 1976. Т. 12, № 4. С. 515.
170. Дильман В. М., Кожина П. С., Ключникова Л. А. и др. Исследование свойств и состава воробейника лекарственного: Перспективы использования в онкологии // Вопр. онкологии. 1968. Т. 14, № 7. С. 86.
171. Vapaatalo H., Parantainen J. Prostaglandins, their biological and pharmacological role // Med. Biol. 1978. Vol. 56, N 4. P. 163—183.
172. Матенадаран им. Маштоца. XVII в. № 3198. 312 л. Рукопись. На древнеарм. яз.
173. Матенадаран им. Маштоца. XVII в. № 6275. 435 л. Рукопись. На древнеарм. яз.
174. Матенадаран им. Маштоца. XVII—XVIII вв. № 6594. 93 л. Рукопись. На древнеарм. яз.
175. Матенадаран им. Маштоца. 1818. № 6267. 470 л. Рукопись. На древнеарм. яз.
176. Марджанян К. С. О рукописях труда Степаноса Шариманяпа «Ботаника, или флора Армении» // Вестн. обществ. наук АН АрмССР. 1972. № 8. С. 66—74. На арм. яз.
177. Богоявленский Н. А. Древнерусское врачевание в XI—XVII вв. М.: Медгиз, 1960. 326 с.

Именной указатель

- Аарон, армянский врач из Эдессы (XII в.) 52, 87
- Абдаррахман III, халиф 84
- Абраам Трапизонечи, вардапет (XV в.) 32
- Абу Али Йахйа ибн Иса Джазла — см. Ибн Джазла
- Абу-Бакр Хамид ибн-Самаджун 84
- Абу Джафар Ахмад ибн-Мухаммад ал-Гафики 84
- Абу Джурайдж ар-Рахиб («Монах») 85
- Абу-Закарийя Йахйа (Йуханна) ибн Масавайх — см. Ибн Масавайх
- Абу Имран Муса ибн Убайдаллах ибн Маймун ал-Куртуби 84
- Абу Мансур Муваффах ибн Али ал-Харави 86
- Абу-Мухаммад Абдаллах ибн-Ахмад ибн ал-Байтар — см. Ибн Байтар
- Абу-р-Райхан Мухаммад ибн Ахмад ал-Бируни — см. Бируни
- Абул Касим аз-Захрави 84
- Абул Туссин Эджареди 85
- Абу-л Фарадж ибн ат-Тайиб 85
- Абу-л-Фарис Абд ал-Азиз, султан (XIV—XV вв.) 85
- Абу-л-Хасан Иса ибн Хакам Масих (VIII—IX вв.) 85
- Абусайд (XII в.) 16, 47, 83
- Абу Ханифа Ахмад ибн-Давуд ибн Вананда ад-Динавари 85
- Акоб, армянский врач 52, 87
- Александр Македонский, Александр 74, 90
- Али ибн Аббас ал-Маджуси («Зороастриец») 86
- Али ибн Раббан ат-Табари 82
- Алишан Г. 5
- аль-Ансари (Зайн ал-Дин Али ибн ал-Хусайн), ширазский врач 65, 83, 86
- Амирэтил, сын Амирдовлата Лмасиаци 33
- Анания Ширакаци, известный армянский астроном и математик 5, 10, 11
- Андреас, писец (XV в.) 33, 34, 79
- Аракел Багишеци (1380—1454) 27
- Аракел Сюнеци (XIV—XV вв.) 27
- Аристотель 9, 23, 33, 78, 79, 82
- Арташес II, царь 8
- Архиген, Архигенес, греческий врач догеленовской эпохи 80
- Архимед 85
- Асар, хирург себастиийской школы 44
- Асар Себастаци, армянский врач (XVI—XVII вв.) 16, 41, 136
- Асар-ага 44

- Асклепиад, древнегреческий врач из Прузы (128—56 гг. до н. э.) 9, 13
- Аствацатур, писец (XV в.) 33
- Ахмад ибн Абдассалам аш-Шариф ас-Сакали 85
- Ахмед, сын султана Баязида 34
- Бадия, ширазская принцесса (XIV в.) 86
- Басмаджян К. 5, 49, 50, 85, 86, 88, 92, 98
- Басмаджян Мари-Луиз 50
- Баязид, султан (XV в.) 34
- Бэкон Роджер (ок. 1214 — ок. 1292) 11
- Бируни (Абу-р-Райхан Мухаммад ибн Ахмад) 52, 57, 64, 78, 83, 95, 98, 99, 121
- Богоявленский Н. А. 136
- Буниат Себастаци, армянский врач (XVI—XVII вв.) 46—50, 136
- Вавилов Н. И. 69
- Ваграм, армянский врач (XIII—XIV вв.) 52, 87
- Ваграм Пахлавун, спарпет (X—XI вв.) 82
- Ваграм Рабуни, армянский ученый (XII в.) 14
- Валаршак, армянский царь 7
- Вард Мртишечи, писец (XIII в.) 23
- Вард, сын Шади-бека (XV в.) 29
- Вардан Айгекци, армянский баснописец (XII—XIII вв.) 14
- Вардан Аревелци, армянский историк (XIII в.) 82
- Вардания С. А. 6
- Всрмель Е. М. 121
- Гагик, армянский царь из династии карсских Багратидов 28
- Гагик I, армянский царь из династии анийских Багратидов 12
- Галеп, древнеримский врач (129—201?) 9, 18, 23, 26, 34, 40, 73, 78, 79, 82, 85, 87
- Гильдегарда, Гильдегарда Бингенская (1098—1178) 21
- Гиппократ (460—377 гг. до н. э.) 9, 23, 26, 36, 78, 82, 105, 120, 128
- Григор, себастикийский врач 44
- Григор Лусаворич (Просветитель), проповедник христианства в Армении (III—IV вв.) 90
- Григор Магистрос, армянский ученый-энциклопедист и врач 5, 11, 12
- Григор Нарекаци, выдающийся армянский поэт-философ (951—1003) 90
- Григор Пахлавун, сын спарпета Ваграма Пахлавун 82
- Григор Татеваци, армянский философ и ученый-энциклопедист 27, 28, 33
- Григор Тга, известный армянский поэт (1133—1193) 17
- Григор Хлатеци, армянский поэт и музыкант (1349—1425) 27
- Григорис, киликийский армянский врач 24, 25, 37, 109
- Григорий Нисский (IV в.) 9
- Гунос, древнегреческий врач 78
- Давид Анахт (Непобедимый), выдающийся армянский философ и мыслитель 5, 10
- Давид Ипат 9

- Данпел, армянский католикос (XVIII—XIX вв.) 136
- Дегип, киликийский армянский врач 52, 87
- Демократес, древнеримский врач (I в.) 9, 13
- Джем, сын Мухаммеда II (XV в.) 34
- Диоскорид, древнегреческий врач и ботаник (I в.) 7, 13, 14, 26, 40, 57, 63, 66, 78—80, 95, 99—101, 122
- Евклид 85
- Егия, отец Амирдовлата Амасиаци 28, 44
- Есу — см. Ишох
- Езник Кюхбади, армянский ученый 5, 9
- Забел, царица, дочь Левона II 14
- Зайдель Э. (Seidel E.) 21
- Зайн ал-Дин Али ибн ал-Хусайн аль-Ансари — см. аль-Ансари
- Ибн Байтар (Абу-Мухаммад Абдаллах ибн-Ахмад), испанский врач-фармакогност и ботаник 40, 57, 65, 83—85, 87, 99, 117, 118
- Ибн Джазла (Абу Али Йахья ибн Иса) 65, 85
- Ибн Масавайх [Абу-Закарийя Йахья (Йуханна)] 40, 81
- Ибн Сипа (Абу Али) 8, 11, 12, 14, 18, 19, 23, 26, 38, 40, 52, 53, 57, 63, 64, 71, 83, 86, 99, 103, 105, 118, 122
- Ибрахим ибн Абу Саид ибн Ибрахим ал-Алаи ал-Магриби 85
- Иоанн Воротпечи, армянский философ (1315—1386) 27, 33
- Исхак (Абу Йакуб Исхак ибн Хунайн ал-Ибади) 82
- Исхак ибн-Сулайман ал-Исраили (IX в.) 82
- Ишох, киликийский врач и естествоиспытатель (XIII в.) 62, 63, 82
- Йуханна ибн Сарабийун 82
- Карпет, писец (XVII в.) 46, 47
- Каримов У. И. 83, 92, 94
- Карст (Karst J.) 97
- аль-Кипди (Абу Йусуф Йакуб ибн Исхак), арабский ученый-энциклопедист и философ (ум. 870) 52, 54
- Кириак, византийский врач (X—XI вв.) 11, 12
- Конибер Ф. (Conybeare F.) 42
- Кратевас, древнегреческий врач 78, 80
- Ксепократ, Ксенократес, врач догеленовской эпохи 78, 80
- Ксенофонт 7
- Куста ибн Лука ал-Балбакки 81
- Кцоян А. С. 25
- Лазар Парбеци, армянский историк 7
- Левон II, киликийский армянский царь 14, 22
- Левон III, царь Киликийской Армении 14
- Максудов Н. Х. 107
- Малхасянц С. 5, 23, 48
- Манук, иерей 44
- Мария, алхимичка 63
- Мартирос, миниатюрист 42, 45
- Мартирос, писец 31, 32
- Масарджавайх 85
- Матевос Джугаеци (XV в.) 28
- Месроп Маштоц, великий армянский ученый, создатель

армянской письменности (361—440) 9

Микаэл, армянский себасти-
ский врач 44

Мирзоян С. А. 98

Митридат, Митридат Евпатор,
царь понтийского государства,
врач-токсиколог 8, 80

Михаил Сириец (XII в.) 33, 82

Мкртич Нагаш, армянский
поэт и художник (XV в.) 27

Мовсес Хоренаци, отец армян-
ской историографии (V в.)
7

Мухаммад ибн-Закарийа ибн
Иахйа ар-Рази — см. ар-
Рази

Мухаммад Шариф-хан Дехле-
ви 85

Мухаммед II Фатих (Махмет,
Мухамат), османский султан
27, 30—34, 43, 70, 72

Мхитар Гераци, основополож-
ник киликийской армянской
врачебной школы (XII в.) 5,
14—26, 29, 31, 35—40, 52, 62,
79, 82, 85—87, 89, 99, 103, 106,
109, 119

Мхитар Гош, известный армян-
ский ученый, законодатель
и писатель (XII в.) 17

Немесий Эмесский, греческий
натурфилософ (IV в.) 9

Нерсес, писец 33

Нерсес Ламбронаци, армян-
ский ученый и писатель
(1153—1198) 14, 22

Нерсес Шнорали, армянский
поэт и музыкант (1102—
1172—1173) 14, 15, 17

Николайос, армянский епис-
коп (XV в.) 43

Ованес Ерзнкаци, армянский
ученый 15

Ованес из Джульфы, армян-
ский врач (XVII в.) 85

Ованес Саркаваг, армянский
философ 11

Овнанян Г. 5

Оганесян Л. А. 6, 19, 21, 27, 23,
85

Орибазий, греческий врач 9,
80

Ошин, отец Хетума и Нерсеса
Ламбронаци 22

Павел Эгинский, александрий-
ский врач 78, 81

Павстос Бузанд, армянский
историк 8

Парацельс (1493—1541) 5

Петрос, себастикийский врач 44

Платон 9

Плиний Старший (23—79 н. э.)
7

Поранян О. (Паронян) 49

Порфирий, греческий философ-
неоплатоник (ок. 233 —
ок. 304) 10, 33

Птолемей 33

ар-Рази (Абу-Бакр Мухаммад
ибн-Закарийа) 23, 65, 81, 86

Ристакес, армянский католи-
кос (XV в.) 47

Руф, римский врач 78, 80

Сабит ибн Курра 85

Саладдин, Салах-ад-Дин, сул-
тан Египта 84

Самуэл Анеци, армянский ис-
торик (XII в.) 33

Саргис, армянский врач 52, 87

Саргис, армянский католикос
(XV в.) 43

Сепекерим (Гагик Арцруни),
царь Васпуракана (X в.) 81

Сепетчян А. О. 98

Симавоп, армянский врач 52,
87

Степанос, армянский киликийский врач 52, 87, 109
 Степанос Сюпеци, армянский поэт и ученый (ум. 735) 9
 Степанос Шаримаян, армянский врач и ботаник (1766—1830) 136
 Страбон 8, 72
 Сыркина-Кругляк С. 124
 Тацит 7
 Теодокус, греческий врач 78, 81
 Тер-Матеос Себасти, вардапет (XV в.) 32
 Тер-Оваким, епископ 47
 Тимур, среднеазиатский завоеватель 26
 Товма Мецопеци, армянский историк (1378—1446) 27
 Торгомян В. 5, 22, 32, 42
 Торос Рослин, выдающийся армянский художник-миниатюрист (XIII в.) 14
 Уган Топал, армянский врачеватель (XVIII—XIX вв.) 136
 Узун-Гасан, правитель государства Ак-Коюнлу 27, 31
 Харун ар-Рашид, халиф 85
 Хеги — см. Хетум Ламбронаци
 Хетум, Хетум II, царь Киликийской Армении 23

Хетум, Хетум Ламбронаци 22, 23
 Хетум, историк Киликийской Армении 23
 Ходжа Бархудар Себасти, армянский врач 44
 Ходжа Геворг, брат врача Микаэла 44
 Ходжа Зайн аль-Аттар — см. аль-Апсари
 Хубайш, Хубайш ибн ал-Хасан ал-Асам ад-Димашки (2-я половина IX в.) 82
 Хунайш ибн Исхак, сирийский врач и переводчик 82
 Чошлип, армянский врач (XII—XIII вв.) 52, 87
 Шарафаддин Али ибн Иса ал-Каххал, сирийский врач-окулист 82
 Шариф — см. Ахмад ибн Абдассалам аш-Шариф ас-Сакали
 Шах Шудж, ширазский музафарид 86
 Юлиан Отступник, римский император (IV в.) 80
 Юлиана, византийская принцесса (VI в.) 80
 Юстиниан, византийский император (VI в.) 28

Оглавление

Предисловие	5
Краткий очерк истории естествознания и медицины средневековой Армении	7
Жизнь и творчество Амирдовлата Амасиаци	26
Рукописи средневековой армянской энциклопедии — книги «Ненужное для неучей»	40
Структура и содержание средневековой армянской энциклопедии	51
Амирдовлат Амасиаци — ботаник и географ	66
Источники средневековой армянской энциклопедии. .	78
Амирдовлат Амасиаци — филолог и лексикограф	88
Амирдовлат Амасиаци — врач и фармакогност	98
Лечение инфекционных болезней и аллергий	99
Лечение болезней почек и мочевого пузыря	105
Лечение глазных болезней	109
Лечение нервных и психических болезней	114
Лечение злокачественных и доброкачественных опу- холей	120
Лечение болезней старческого возраста	128
Лечение гормональных нарушений и отравлений . . .	133
Даты жизни и деятельности Амирдовлата Амасиаци	139
Труды Амирдовлата Амасиаци и литература о нем . . .	140
Дополнительная литература	142
Именной указатель	150

Стелла Арменаковна Варданин

**Амирдовлат Амасиаци —
армянский естествоиспытатель
и врач XV в.**

Утверждено к печати
редколлегией серии
«Научно-биографическая литература»
Академии наук СССР

Редактор издательства **О. Л. Оболонская**
Художественный редактор **Л. В. Кабатова**
Технический редактор **М. Ю. Соловьева**
Корректоры **Ю. Л. Косорыгин, Ф. Г. Сурова**

ИБ № 35551

Сдано в набор 04.03.87
Подписано к печати 05.05.87
Т-08961. Формат 84×108^{1/32}
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 8,4. Усл. кр. отт. 8,6. Уч.-изд. л. 8,6
Тираж 19 000 экз. Тип. зак. 216
Цена 55 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

В издательстве

«НАУКА»

готовятся к печати:

О. И. Шмальгаузен

ИВАН ИВАНОВИЧ ШМАЛЬГАУЗЕН,

1884—1963

90 к.

Книга — первая научная биография выдающегося советского эволюциониста, биолога широкого профиля академика Ивана Ивановича Шмальгаузена, труды которого внесли большой вклад в разработку теории индивидуального и исторического развития животных. Используются опубликованные труды ученого, литература о нем и его трудах, архивные материалы из государственных и семейных архивов, воспоминания соратников и учеников. Для зоологов, анатомов, эволюционистов, эмбриологов, биологов и историков науки.

В. Н. Ягодинский

АЛЕКСАНДР ЛЕОНИДОВИЧ ЧИЖЕВСКИЙ,

1897—1964

1 р. 20 к.

Эта книга — научная биография профессора А. Л. Чижевского, разносторонне образованного ученого. Разработка теории солнечно-биосферных связей, применение ионизации воздуха в народном хозяйстве и создание математической модели движущейся крови — таковы многообразные направления его научной деятельности, имеющие важное значение для теории и практики биологии, биофизики, медицины. А. Л. Чижевский увлекался поэзией и живописью.

Для широкого круга читателей.

Н. Е. Пицык
ДАНИИЛ КИРИЛЛОВИЧ ЗАБОЛОТНЫЙ,
1866—1929
1 р. 10 к.

Это научная биография крупнейшего советского микробиолога академика АН СССР и президента Академии наук УССР Д. К. Заболотного, руководителя первых в стране кафедр микробиологии в Женском медицинском институте в Петербурге и Военно-медицинской академии. Он участвовал в январских событиях 1905 г., руководил просветительскими кружками для рабочих, был депутатом Петроградского Совета депутатов, членом ЦИК УССР. Д. К. Заболотный дружил с Горьким, Павловым, Луначарским. Книга написана на основе трудов ученого и обширных архивных материалов. Для широкого круга читателей.

И. А. Крупеников
ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ КОСТЫЧЕВ,
1845—1895
1 р.

В книге освещается творчество одного из основоположников современного почвоведения П. А. Костычева, который прошел путь от крепостного мальчика до профессора; в последние годы жизни был директором Департамента земледелия. Многие его научные идеи (фосфор в почве, изучение гумуса) и практические рекомендации (удобрения, выращивание кормовых культур, дифференцированная агротехника) созвучны нашему времени и органично вписываются в работы по реализации Продовольственной программы. Для читателей, интересующихся историей науки.

**В издательстве
«Н А У К А»**

вышла из печати:

**П. К. Чудинов
ИВАН АНТОНОВИЧ ЕФРЕМОВ,
1907—1972
80 к.**

Книга посвящена жизни и деятельности известного советского ученого-палеонтолога И. А. Ефремова, более 30 лет возглавлявшего отечественные исследования по древнейшим наземным позвоночным. С его именем неразрывно связаны и первые советские экспедиционные исследования по ископаемым позвоночным в Монгольской Народной Республике, которые положили начало дальнейшему планомерному изучению мезозойских и кайнозойских позвоночных в Центральной Азии. И. А. Ефремов известен также как писатель-фантаст.

Для читателей, интересующихся историей науки.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по одному из адресов: 117192 Москва, Мичуринский проспект 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

480091 **Алма-Ата**, 91, ул. Фурманова, 91/97;
370005 **Баку**, 5, Коммунистическая ул., 51;
690088 **Владивосток**, Океанский проспект, 140;
320093 **Днепропетровск**, проспект Ю. Гагарина, 24;
734001 **Душанбе**, проспект Ленина, 95;
664033 **Иркутск**, ул. Лермонтова, 289;
252030 **Киев**, ул. Пирогова, 4;
277012 **Кишинев**, проспект Ленина, 148;
343900 **Краматорск**, Донецкой области, ул. Марата, 1;
443002 **Куйбышев**, проспект Ленина, 2;
220012 **Минск**, Ленинский проспект, 72;
630090 **Новосибирск**, Академгородок, Морской проспект, 22;
620151 **Свердловск**, ул. Мамина-Сибиряка, 137;
700185 **Ташкент**, ул. Дружбы народов, 6;
450059 **Уфа**, 59, ул. Р. Зорге, 10;
720000 **Фрунзе**, бульвар Дзержинского, 42;
310078 **Харьков**, ул. Чернышевского, 87.

С.А.Варданян

Амирдовлат

АМАСИАЦИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ КНИГА:

З. К. Соколовская

**400 БИОГРАФИЙ УЧЕНЫХ: О КНИГАХ СЕРИИ
«НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»,
1959—1985**

В справочнике приводятся сведения о 400 книгах серии «Научно-биографическая литература», вышедших в издательстве «Наука» с 1959 по 1985 г.: краткие аннотации, данные о переводах этих книг, рецензии на них. Справочный аппарат книги содержит сведения о специализации ученых, об авторах биографий, различные указатели, а также памятку о правилах подготовки книг данной серии.

Для широкого круга читателей.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

480091 **Алма-Ата**, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370005 **Баку**, 5, ул. Джапаридзе, 13; 320093 **Днепропетровск**, проспект Ю. Гагарина, 24; 734001 **Душанбе**, проспект Ленина, 95; 252030 **Киев**, ул. Пирогова, 4; 277012 **Кишинев**, проспект Ленина, 148; 443002 **Куйбышев**, проспект Ленина, 2; 197345 **Ленинград**, Петрозаводская ул., 7; 220012 **Минск**, Ленинский проспект, 72; 117192 **Москва**, В-192, Мичуринский проспект, 12; 630090 **Новосибирск**, Академгородок, Морской проспект, 22; 620151 **Свердловск**, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700187 **Ташкент**, ул. Дружбы народов, 6; 450059 **Уфа**, 59, ул. Р. Зорге, 10; 720001 **Фрунзе**, бульвар Дзержинского, 42; 310078 **Харьков**, ул. Чернышевского, 87.

55 коп.